

Барнаул • 1994

Государственный комитет по высшему образованию РФ
Алтайский государственный университет
Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований

Лаборатория исторического краеведения БГПУ и АКИПКРО

Союз студентов АГУ

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Барнаул 1994

Сборник содержит тезисы докладов XXXIV региональной археолого-этнографической студенческой конференции Сибири и Дальнего Востока. В них отражены результаты новейших исследований по археологии и этнографии, рассматриваются проблемы хронологии и культурной принадлежности памятников, вопросы палеоэкономики, реконструкции материальной и духовной культуры древнего, средневекового и современного населения региона.

Конференция проводится 15-17 марта 1994 г. в г. Барнауле в Алтайском государственном университете и Барнаульском государственном педагогическом университете.

На обложке: антропоморфная личина из Новообинцевскогоклада (Барнаульское Приобье)

Ответственный редактор:
д. и. н. Ю. Ф. Киришин

Редакционная коллегия:

В. В. Горбунов, к. и. н. А. Б. Шамкин,
А. В. Караваев, Д. В. Колдаков

ISBN 5-230-29754-9

© Ю. Ф. Киришин, В. В. Горбунов
составление, 1994

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Н. В. Гоголина
(Кемерово, КемГУ)

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ И СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

На современном этапе развития археологической науки проблематика, связанная с понятием "культурно-исторический ландшафт" представляется особенно актуальной. Взаимоотношения общества с окружающей средой неизменно составляли существенный аспект того или иного подхода к осмыслению исторического прошлого человечества. Исследователи в зависимости от общих концептуальных положений преувеличивали или преуменьшали роль географического фактора, однако его полное игнорирование с неизбежностью влекло за собой неадекватность конечных суждений относительно реальной исторической ситуации.

В отечественной археологической науке достаточно полное и всестороннее осмысление понятия культурно-исторического ландшафта получило уже в работах С. А. Теплоухова (Теплоухов, 1927, 1929). Несмотря на то, что в его работах отсутствует сам термин, его основное содержание достаточно выражено в концепции исследователя. Для С. А. Теплоухова термин "культура", который он использовал достаточно широко не имел какого-либо содержания вне конкретной географической среды.

Последующие работы не содержали столь детального обоснования этой зависимости, хотя отдельные исследования во многом базировались на решении проблем именно в этой области. В этой связи особый интерес представляют работы М. Ф. Косарева, который актуализировал проблемы взаимоотношения общества и природы, несмотря на негативное отношение к концепции географического детерминизма, господствовавшего в отечественной науке. "В разные исторические эпохи в соответствии с уровнем производительных сил местное население по-разному приспособлялось к меняющейся географической среде - обычно путем увеличения удельного веса наиболее рациональной в конкретной ландшафтно-климатической ситуации отрасли

хозяйства" (Косарев, 1984). Исследование возможностей адаптации общества в новой климатической и ландшафтной ситуации было тем более актуально, если учесть пристальный интерес археологов к феномену комплексного хозяйства на территории Западной Сибири, складывание которого относится к эпохе бронзы.

Сам аспект хозяйственного освоения окружающей среды неизменно привлекал внимание исследователей. В качестве примера можно привести работы В.Ф. Зайберта, С.В. Гусева, О.Н. Шелегиной. В.Ф. Зайберт детально обосновывает концепцию взаимодействия ноосферы с другими структурами элементами природы, основанную на результатах исследования уникального комплекса Ботай.

В настоящее время археологи часто обособливают проблемы археологической науки от общеисторических. Забывая при этом, что археология лишь отрасль истории. Спецификой российского государства, является его многовековое расширение занимаемого пространства. Справедливо подчеркивал В.О. Ключевский, что "история России есть история страны, которая колонизируется". Необходимо отметить о появившейся на рубеже столетий оригинальной концепции мировой истории, представленной историком-географом Л.И. Мечниковым, о трехчленном развитии человечества. Подчеркивание принуждающего влияния среды на жизнь общества, действительно, является прорывом в понимании механизма взаимодействия географической среды и общества.

После революции 1917 года в среде эмигрантской творческой и интеллектуальной части Белой армии возникает направление, получившее название "евразийство". Видными представителями его были географ П.Н. Савицкий, историк Г.В. Вернадский, лингвист, этнограф и философ князь Н.С. Трубецкой. "Характерной чертой евразийства" вообще и теории идеократического государства в особенности является взаимосвязанность и взаимозависимость всех теоретических элементов. Совокупность народов, живо ощущающих "общность культурных и исторических традиций", ведет автократическое хозяйство на определенном "месторазвитии". (Л.Н. Гумилев, 1991). В наши дни последователем "евразийцев" стал Л.Н. Гумилев. Его исследования являют теорию о глубокой связи характера, обычаев культуры народа с ландшафтами.

Сегодня понятие культурно-исторический ландшафт широко используется исследователями в связи с настоятельной необходимостью охраны археологических памятников. Существуют аналогичные понятия рассматриваемому нами термину. Так, например, А. И. Мартынов ведет речь о природно-историческом ландшафте, а Ю. С. Худяков об историко-культурном ландшафте. П. Б. Коновалов использует понятие культурно-исторического ландшафта (Мартынов, Худяков, 1992; Коновалов, 1988).

Современный интерес к археологическим микрорайонам представляется важным в силу того, что именно комплексное изучение археологических памятников и их музеефикация являет собой наглядный пример сохранения культурно-исторического ландшафта.

А. Явских

(Красноярск, лаборатория археологии КИШ)

ОСОБЕННОСТИ ГЕОЛОГИИ И ПАЛЕОЭКОЛОГИИ БОБРОВСКОЙ ГРУППЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В 1993 г. автором в составе археологической экспедиции КИШ г. Красноярска, руководимой П. В. Мандрыка, было произведено геологическое и палеонтологическое изучение группы многослойных археологических памятников. Поселение Бобровка, Язавка, Зиповейное, Усть-Каменский ручей находятся в долине р. Енисей в 190-220 км ниже г. Красноярска. В этом районе река имеет равнинное течение. Пойма сформирована галечниковым аллювием, а также валуником, принесенным во время ледохода. Местами берега образованы отвесными скальными откосами, спускающимися непосредственно к воде. Наиболее хорошо развита 7-9-метровая терраса, в верхней пачке отложений которой зафиксирован археологический материал перечисленных выше памятников. Выделяется 10-метровая поверхность, толща которой сформирована склоновыми голоценовыми отложениями, которые подстилаются лессовидными карбонатизированными супесями. Галечниковая толща серого цвета и малоомощная пачка перекрывающих склоновых отложений образуют 25-метровую террасу. Выше лежащие

уровни сформированы бурными галечниками, имеющими различную мощность или скальными породами, покрытыми маломощными пачками рыхлых отложений, имеются выходы скальных пород непосредственно на дневную поверхность.

Малослойное поселение Бобровка находится в устье р. Бобровка на левом берегу р. Енисей. Археологический материал раскопа 1 заключен в 2,5-метровую толщу переслаивающихся песчано-супесчаных отложений с горизонтами почв. Культурные слои датируются в интервале средневековья - III-VII век до н.э. Накопление подстилающих мелкопесчаных и глинистых горизонтов связано с осадением взвешенного материала, перенесившегося р. Бобровка. Их седиментация происходила, вероятно, во время подпоров, вызванных поднятием уровня р. Енисей.

В раскопе 2, который находится в 100 м от раскопа 1, в 3,5-метровую толщу переслаивающихся песчаных и почвенных горизонтов заключено 7 культурных слоев, датируемых временем от средневековья до неолита. Ниже залегают мелкозернистые сортированные пески (мощностью более 3 м), отложенные р. Енисей.

Сходное строение имеют профили первой надпойменной террасы на поселениях Язаевка и Зимовейное, находящихся на правом берегу р. Енисей. Мощность переслаивающихся аллювиальных песчаных и супесчаных отложений меньше (не более 1 м).

Отличительной особенностью профиля памятника Усть-Каменный Ручей является залегание голоценовых отложений на карбонатизированной позднекайнозойской толще. Верхняя пачка содержит археологический материал датируемый эпохой неолита - III-VI века до н.э.

Значительная мощность голоценовых отложений первой надпойменной террасы, их опесчаненность, небольшая высота над урезом р. Енисей, - свидетельствуют о том, что рассматриваемая поверхность террасы за время формирования неоднократно подвергалась затоплению водами реки. Эти периоды сменялись длительными (достаточно для формирования гумусового горизонта) фазами, в течение которых не происходило долговременного затопления поверхности. Почвы отличаются, с одной стороны, значительной гумусированностью, и, с другой, невозможностью визуально выделить генетичес-

кие горизонты, что позволяет нам предположить высокую интенсивность опада и разложения биомассы, преимущественно травянистой растительности (пойменный луг). Климат в это время, вероятно, был теплым и влажным. Период активного почвообразования не был длительным. Причиной перерывов в осадконакоплении было затопление поверхности, когда происходила интенсивная седиментация аллювильного материала.

В дальнейшем предполагается реконструкция палеоэкологических условий образования отложений, корреляция горизонтов различных стоянок, установление динамики седиментации и почвообразования в этом районе в голоцене на основе комплекса лабораторных анализов.

В. Г. Васильев
(Тобольск, ТГПИ)

ПОНЯТИЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ

В последние годы в отечественной археологии появилось много работ, направленных на применение эксперимента в исследованиях. Авторы описывают варианты реконструкций или моделирования процессов или предметов. Причем понятия реконструкция и моделирование зачастую определяются как два синонима. Между тем, каждое означает отличную друг от друга форму и способ деятельности, а также имеют различную цель.

Цель моделирования - создать приблизительную, общую модель для того, чтобы проследить и проверить функциональные характеристики. Причем способы изготовления модели не всегда имеют значение. Допустим, если моделируется древнее сооружение - жилище, хоз. постройка и т. д., применяемые орудия труда могут быть современные: временные и трудовые затраты также не всегда важны. Основные - это проследить конструкцию, проверить и отработать узлы креплений и т. д.

Задача реконструкции - создать вариант источника, и если это экспериментальная реконструкция, то обязательно применение спосо-

бов, методов и орудий той эпохи, к которой он (источник) принадлежит.

Эксперимент тесно связан с реконструкцией и моделирование являются его неотъемлемой частью. По сути, моделирование является стадией реконструкции. Модель - это метод объяснения, инструмент познания (Глушков, 1988). Иначе говоря, моделирование, в данном случае речь идет о физическом моделировании, воплощает в реалии реконструктивные предположения археологов. С помощью моделирования исследователи расширяют представления об исследуемом объекте. Вместе с тем, моделирование помогает найти истинную картину, наиболее приближенную к древнему процессу.

Реконструкция же - это результат взаимодействия многих методов, результат индивидуализированный источником, в отличие от модели, в которой происходит отрыв от индивидуализации (И.Г. Глушков); Иначе говоря, модель может быть вариантом, несущим только характерные черты исследуемого объекта, не всегда основанные на источнике, в то время как реконструкция воспроизводит черты единичного процесса или объекта.

Понятие реконструкция часто используется однозначно. На самом же деле речь идет о реконструкции в реалии и реконструкции "на будущее". Поэтому целесообразнее, как мне представляется, разделить реконструкцию на умозрительную (или условную) и экспериментальную. Под умозрительной подразумевается реконструкция, при которой исследователи выдвигают версии истории в виде предположений. Экспериментальная реконструкция является продолжением умозрительной, но выполняемая на реальных материалах, реальными орудиями, реальными людьми.

ЭПОХА КАМНЯ

Е. П. Рыбин

(Новосибирск, ИГиЭ СО РАН)

ЭВОЛЮЦИЯ ИНДУСТРИИ ЭПОХИ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

СТОЯНКИ КАРА-БОМ

(предварительные результаты)

Стоянка Кара-Бом (Горный Алтай) является важнейшим для изучения процесса перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Северной Азии памятником. Объясняется это наличием непереотложенных слоев, давших уникальную культурную последовательность от 60-70 тыс. л. н. до 30 тыс. л. н.

В этом сообщении представлены данные, которые были получены в ходе раскопок 1992 г., проводимых Палеоотрядом САКАЭ под руководством В. Т. Петрина.

В результате работ было выделено 6 уровней обитания (далее у. о.) эпох: начала верхнего палеолита и 2 мустьерских горизонта, получена серия радиоуглеродных дат. Так, 5 и 6 у. о. датируются по углю в 43300 ± 1600 л. н. и 43200 ± 1500 л. н. Культурные горизонты, лежащие выше, датируются от 34180 ± 640 до 30990 ± 460 л. н. Нижележащие мустьерские слои по ЭПР имеют дату 62200 л. н.

В работе рассматриваются сведения, отражающие динамику и особенности развития индустрий, зафиксированных в шести уровнях обитания, относящихся к эпохе начала верхнего палеолита. Материалы нижних 6 и 5 у. о. были объединены при описании в силу как стратиграфической близости, так и общности основных технологических показателей, которые приводятся ниже.

1. Техника первичного расщепления: а) леваллуазская: нуклеусы острейные и для получения отщепов - 4,3%; б) переходная: ядрища параллельного принципа снятия - плоскостные монофунтальные двуплощадочные; двусторонне-сопряженные с дополнительным фронтом снятия на торце - 62%. Плоскостные нуклеусы отнесены к переходной, а не к леваллуазской группе потому, что, по нашему мнению, они за-

действованы в многоступенчатом технологическом процессе утилизации нуклеуса и подготовки различных по функциональному назначению типов орудий, причем процесс этот не спонтанный, а запланированный; в) верхнепалеолитическая группа - торцовые и протоклиновидные ядрища - 35%.

Основные технологические показатели в у.о. (нижний): индекс пластинчатости общий - 55,5; индекс фасетированности общий - 42; индекс тонкой подправки - 29.

5 у.о.: индекс пластинчатости (общий) - 62; индекс общей подправки - 36, тонкой - 17. Таким образом, обращает на себя внимание высокий уровень пластинчатости индустрии; комплекс 6 у.о. с небольшой натяжкой (I) можно отнести к фасетированности в 5 у.о., таким образом, эта индустрия нефасетированная.

2. Орудийный набор: Основными заготовками являются пластины, на них было изготовлено 72% орудий, и отщепы - 20% изделий. Ведущими категориями являются леваллуазские острия - 7,1%, остроконечники - 4,9%, скребла - 2,7%, ножи - 8,8%, скребки - 13,2%, резцы - 11%, выемчатые - 20,9%, зубчатые и зубчато-выемчатые изделия - 7,1%, ретушированные пластины - 8,2%. С культурно-хронологической точки зрения, орудийный набор разделяется на следующие группы: 1 группа (мустьерская) - 9,8%, 2 группа (верхнепалеолитическая) - 62,2%, 3 группа (зубчато-выемчатая) - 28%. Следовательно, перед нами весьма развитая верхнепалеолитическая индустрия с сильным зубчато-выемчатым компонентом и некоторыми леваллуазскими пережитками.

3. Производственный характер индустриального комплекса: Орудийный набор - 15,2%; отходы Т.П.Р. - 81,3%; нуклеусы - 1,5%. Представляется возможным охарактеризовать эти уровни, как стоянку-мастерскую.

Коллекции 1-4 у.о. при анализе были объединены в силу тех же самых причин, что и вышеописанные комплексы.

Техника первичного расщепления

1. Леваллуазская группа. Представлена в качестве элементов оформления и подготовки нуклеусов других групп.

2. Переходная группа - 72%. Аналогична по своим технологическим свойствам и типологическому набору более древнему комплексу.

3. Позднепалеолитическая группа - 25%, а также близка 5-6 у. о. Особое внимание обращает на себя т. н. "протоклиновидные" нуклеусы - обладают всеми морфологическими чертами, что и классические, однако способы оформления еще устоявшиеся, кроме того, приходится учитывать и очень раннюю дату комплекса. Индекс пластичности - 56, индекс общей подправки - 20, тонкой - 12. Эти границы весьма далеки от условных границ, отделяющих фасетированные индустрии от нефасетированных (45 и 30), что в итоге не противоречит общей тенденции комплекса. Система утилизации и расщепления нуклеусов сохранила все свои основные черты, однако отмечается уменьшение размеров заготовок и дальнейшее падение доли подправленных ударных площадок, увеличение доли микропластинок.

2. Орудийный набор. Также близок по типологическому облику 5-6 у. о. Это: остроконечники - 6,7%, скребла 6,7%, скребла-ножи - 2,7%, ножи - 6,7% скребки - 9,5%, резцы - 8,1%, зубчато-выемчатые и выемчатые - 35,1%. ретушированные пластины - 8,1%. Изготовлялись орудия на пластинах - 70,4%, на отщепках - 19,1%. 1-я группа орудия - 6,7%, 2-я группа - 58,2%, 3-я группа - 35,1%. Наблюдается некоторое уменьшение мустьерского показателя, резко возрос процент зубчато-выемчатых изделий, в целом, комплекс выглядит как чисто верхнепалеолитический.

3. Соотношение основных групп изделий: нуклеусов - отходов ТПФ - орудий - типично для поселенческих комплексов.

Подводя итоги, необходимо отметить, что индустрия 6 у. о. стоянки является развитой индустрией эпохи начала верхнего палеолита. Явных скачков эволюционного процесса нам проследить не удалось. Наоборот, перед нами предстает медленное, постепенное изживание и переход в новое качество леваллу-мустьерских основ индустрии. Если в 5-6 у. о. можно отметить эти черты - некоторые типы нуклеусов, типичные леваллуазские остроконечники, высокий уровень фасетированности, - то в верхних слоях этих черт уже абсолютно нет. Пластинчатый характер индустрии остается неизменным - можно отметить лишь некоторое уменьшение длины, ширины и массивности в верхних уровнях обитания. Очевидно, что эволюция шла на

уровне первичного расщепления, а не орудиинного набора, который обращает на себя внимание своей бедностью. Однако, рассмотрев технико-морфологические связи внутри индустрии, мы обнаружили очень высокую "комбинаторную" способность комплекса, типы орудий взаимопереплетены, редкое орудие несет на себе лишь одну функциональную деталь. Видимо, эта "комбинаторность" вместе с "ступенчатым" характером этой операционной цепочки (Рыбин, 1994) и определяет "лицо" индустрии Кара-Бома.

М. М. Маркин
(Барнаул, АГУ)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕХНИКИ ОБРАБОТКИ КАМНЯ ПАМЯТНИКОВ УШЛЕПСКОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

Уже более десяти лет (с конца 70-х годов) ведутся работы в бассейне реки Ушлеп, левый приток р. Неня, юго-западные отроги Горной Шории (Кунгуров, 1987). На относительно небольшой территории здесь зафиксировано уже 8 стратифицированных стоянок (Усть-Чулда, Ушлеп - 2-4, 6-9) и 4 пункта сбора каменных изделий (Чулда, Вознесенька, Дунайчик, Ушлеп-1). Однако стационарно исследовались лишь две стоянки: Ушлеп-6 (слои 2-3), материал которых уже позволяет делать некоторые выводы по хронологии и культурной принадлежности ушлепских памятников.

1. Данные комплексы связаны с остатками позднесарганской погребенной почвы (за исключением выявленных шурфовкой слоев 3-8 Ушлепа-6, расположенных глубже). Они одновременны памятникам нижнекатаунохой, куюмской культуры Алтая (Кунгуров, 1991) и бедаевской культуры Горной Шории и бассейна р. Томи (С. В. Маркин, 1986), также датируемым второй половиной сарганского оледенения.

2. Для Ушлепских памятников основным является тип "плоскостных" нуклеусов (на Ушлепе-3 - 13 "плоскостных" нуклеусов из 19, на Ушлепе-6 (2 слой) - 20 нуклеусов из 35, на Ушлепе-6 (3 слой) - 5 нуклеусов из 10), нуклеусы, предназначенные для снятия ножевидных пластин (торцовые, призматические и клиновидные), редки (Уш-

леп-3 - 6 нуклеусов из 19, Ушлеп-6 (2 слой) - 8 нуклеусов из 35, Ушлеп-6 (3 слой) - 1 нуклеус из 10), радиальные нуклеусы не характерны, что выявляет качественное отличие от катунских индустрий. Подобное типологическое соотношение нуклеусов находит аналогии в в индустриях памятников бедаревской культуры, где основным также является тип "плоскостных" нуклеусов (на Бедарево-2 отсутствуют, на Ильинке-2 - 13 нуклеусов из 16, Шумиха-1 - 17 нуклеусов из 23, Шорохово-1 - 53 нуклеуса из 70), редки нуклеусы торцовые (на Бедарево-2 отсутствуют, на Ильинке-2 - 2 нуклеуса из 16, на Шумихе-1 - 1 нуклеус из 23, на Шорохово-1 - 15 нуклеусов из 70), клиновидные (на Бедарево-2, Ильинке-2 и Шорохово-1 отсутствуют, на Шумихе-1 - 3 нуклеуса из 23) и радиальные (на Бедарево-2 отсутствуют, на Ильинке-2 - 1 нуклеус из 16, на Шумихе-1 - 2 нуклеуса из 23, на Шорохово-1 - 1 нуклеус из 70), а призматические не зафиксированы (С. В. Маркин, 1986).

3. Подтипом "плоскостных" являются продольно-поперечные нуклеусы характерные для ушлепских и бедаревских: Бедарево-2, Ильинка-2, Шорохово-1 (С. В. Маркин, 1986) памятников, которые отсутствуют на Катунь (за исключением Урожайной).

4. Среди продуктов первичного расщепления индустрий ушлепских памятников характерным и оригинальным элементом является наличие бивентральных сколов и сколов с широкими изогнутыми фасетированными и нефасетированными ударными площадками (не овойственные столь поздней эпохе).

5. Характерной особенностью является и превалирование крупной пластинчатой заготовки (ширина 2-4 см) над отщеповыми.

6. Наличие пластин-вкладышей с притупленной спинкой и торцом (вкладыши метательного охотничьего составного оружия гарпунного типа).

7. Большое количество выемчатых и зубчато-выемчатых скобелей.

8. Чертой сходства индустрий ушлепских памятников с индустриями нижнекатунских и отличием от индустрий куюмских памятников является наличие бифасиальных орудий (Кунгуров, 1991). В индустриях памятников бедаревской культуры одиночный бифас встречен лишь на Шорохово-1 (С. В. Маркин, 1986).

Вышеизложенные особенности каменных индустрий ушлепских памятников свидетельствуют о культурном отличии от катунских индустрий и аналогиях в материалах бедаревской культуры. Таким образом, ушлепская культура, описанная А. Л. Кунгуровым на основе памятников ушлепского палеолитного микрорайона (Кунгуров, 1994), очевидно, совместно с бедаревской культурой, представляет одну из линий развития внутри южно-сибирской культурной области.

В. И. Макулов
(Красноярск, КГПУ)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА Р. ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКЕ

На протяжении трех полевых сезонов на р. Подкаменной Тунгуске в основном работал отряд археологической лаборатории КГПИ. В результате был обследован значительный участок долины реки от ее устья до отметки 1200 км. Итогом разведочных маршрутов является обследование более 80 археологических памятников и местонахождений, а так же на ряде стоянок проведены раскопки. Большая часть памятников обследована впервые.

Места расположения памятников вполне традиционны: на приустьевых участках крупных притоков П. Тунгуски, в районах порогов и крупных лиффер, на высоких террасах и приметных прибрежных возвышенностях. Но определенным своеобразием в размещении памятников каменного века является большая их концентрация на незначительной территории. Особенно в вернем течении П. Тунгуски на участке протяженностью 160-170 км от п. Ванавара до п. Оскоба. Здесь выделяется целый ряд археологических районов: территория и окрестности п. Ванавара, где на участке чуть более 2 км вдоль фронта террас находится 7 стоянок; приустьевой участок р. Чамба - на 4 км правого берега П. Тунгуски 9 пунктов; в районе Панолинского порога на 5 км выявлено 19 пунктов и большая каменная мастерская; приустьевой участок р. Оскобы на 3 км левого берега П. Тунгуски 10 пунктов; территория п. Оскоба и его окрестности - 10 пунктов на

2 км. Большое количество памятников найдено на межрайонных участках.

Внутри самих районов расстояния между пунктами составляют от 40-50 км до 1 км. Различны размеры памятников по протяженности вдоль фронта террас - от нескольких десятков метров до нескольких сот метров. Определить конкретно какие из этих памятников являются отдельными стоянками древних охотников и рыболовов, а также составными частями разрушающихся огромных поселений задача дальнейших исследований. Это поможет в определении культурно-хронологической привязки памятников. Несомненно, что в районах присутствуют и те, и другие.

Ниже по течению реки от п. Оскоба до п. Байкит на 450 км участке были обнаружены лишь несколько стоянок, которые расположены на большом расстоянии друг от друга: Мыс Задрыгин, Таймба 1 и 2, Усть-Камо, в устье р. Чуни, на 552 км. Самой выразительной из всех перечисленной из всех перечисленных является Усть-Камо, которая расположена в устье р. Камо на территории одноименного поселка, на 9-11 м террасе левого берега П. Тунгуски.

На стоянке зафиксировано два культурных слоя: 1 - на глубине 0,30-0,45 м от дневной поверхности; 2 - на глубине 0,6-0,7 м.

1 к. с. представлен крупным каменным наконечником копья, массивными сколами и колотыми костями лося, оленя.

2 к. с. насыщен отщепами и сколами.

На территории памятника было собрано большое количество каменного инвентаря, но не найдено ни одного фрагмента керамики.

Тесла. Двух типов: 1 тип - с широким рабочим краем и зауженным обухом, линзовидные в сечении; 2 тип - небольшие по размеру ("горбатые" - по определению Г.И. Андреева) с обвальным рабочим краем и зауженным обухом.

Наконечники стрел: подтреугольной формы с прямой асимметричной и скошенной базами. Все наконечники выполнены на пластинах.

Скребки представлены четырьмя типами: 1 тип - боковые, выполненные на пластинах и отщепях; 2 тип - концевые, выполненные на призматических пластинах; 3 тип - двусторонние концевые, выполненные на призматических пластинах; 4 тип - комбинированные, выполненные на пластинчатых сколах и отщепях.

Нуклеусы: клиновидные, призматические, кирдашевидные, заготовки нуклеусов.

Многочисленна группа призматических пластинок и микропластинок, вкладышей - всего около 800 экз.

По сырьевой базе материал стоянки Усть-Камо во многом отличается от материала стоянок верхнего течения Подкаменной Тунгуски. Если на стоянках в верховье реки подавляющее количество изделий выполнено из роговиков и частично из трапов, то на Усть-Камо значительна доля кремнистых пород и халцедона, яшмовидных пород.

Следующий и единственный археологический район среднего течения П. Тунгуски находится на территории и в окрестностях п. Байкит, где Г.И. Андреевым в 1963 году были найдены 7 памятников.

Анализ полевых исследований долины П. Тунгуски показывает, что здесь расположено большое количество небольших временных (сезонных) стоянок, которые находились на широких галечных берегах близ воды. На таких местонахождениях не сформировался культурный слой, но остались большие компактные скопления каменного инвентаря.

Особо хотелось бы отметить, что подавляющее большинство обследованных памятников интенсивно разрушается как во время мощных весенних паводков, так и под все возрастающим антропогенным вмешательством в хрупкую северную природу Звенкии. Оба этих процесса взаимосвязаны. Для спасения разрушающихся памятников требуется скорейшее проведение широкомасштабных раскопок, а также принятие мер, которые хоть в какой-то мере уберегли бы их от разрушения человеком.

А. Д. Замка

(Красноярск, КГПУ)

К СПЕЦИФИКЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КАЗАНЦЕВО-1

Стоянка Казанцево-1 расположена на юге Минусинской котловины на правом коренном берегу р. Ом (правый приток р. Енисей). Берег представляет собой террасовидный уступ высотой около 40 м, сложенный кремнистыми сланцами, которые перекрыты песчаными дюнами

(мощность 2-3 м). Стоянка находится на частично залесованной мостовидной площадке, оконтуренной с востока и запада ложками. В южной ее части после прокладки автодороги образовался оползень, в основании которого в результате эрозийных процессов появилась мощная осыпь.

В 1989 году на поверхности осыпи автором было обнаружено большое скопление перестроенного археологического материала в виде нуклеусов и отходов каменной индустрии микролитического облика.

В 1993 году силами отряда городского археологического клуба "Красноярец" был вскрыт разрушающийся южный участок памятника площадью 140 кв. м.

Стратификация памятника:

1. Серая гумусированная супесь (0,05 - 0,1 м).
2. Гумус (0,2 - 0,3 м).
3. Коричневая супесь (0,25 - 0,3 м).
4. Светло-коричневая супесь (0,1 - 0,15 м).
5. Легкий суглинок бурого цвета с карбонатными вкраплениями (0,2 - 0,3 м).
6. Светло-серая карбонатизированная супесь (0,4 - 0,45 м).
7. Серый крупнозернистый песок (0,4 - 0,5 м).
8. Скальные породы.

Частично переотложенный археологический материал обнаружен на глубине 0,1 - 0,6 м от дневной поверхности в слое коричневой супеси и представлен каменными изделиями: резцы (2 экз.), скребки (6 экз.), нуклеусы (47 экз.); большим количеством отходов производства микролитического облика (микроотщепы, пластинки, чешуйки). Найдены также мелкие фрагменты колотой кости животных. Керамика отсутствует.

Резкий дисбаланс в наборе каменного инвентаря между изделиями производственного и утилитарного характера позволяет предположить, что данный памятник является производственным комплексом, ориентированным, видимо, на изготовление призматических пластин для вкладышевых орудий.

Стратиграфическая ситуация залегания археологического материала, микролитический облик каменного инвентаря, его морфологические особенности указывают на голоценовый возраст памятника.

В связи со слабой изученностью в регионе памятников эпохи мезолита и неолита более точно датировать данное местонахождение пока не представляется возможным.

Дальнейшие работы на памятнике будут продолжены.

А. Л. Заика
(Красноярск, КГПУ)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛИНОВИДНЫХ НУКЛЕУСОВ СО СТОЯНКИ КАЗАНЦЕВО-1

В результате раскопок 1993 года на стоянке Казанцево-1 было найдено 47 нуклеусов, из которых 45 являются клиновидными.

Учитывая многочисленность и многообразие нуклеусов, их морфологические особенности были разложены по признакам с целью дальнейшей компьютерной обработки и статистического анализа. В качестве образца в данной работе была использована система показателей для клиновидных нуклеусов, разработанная сотрудником ЛАПСС ИАЭ РАН Е.В. Артемьевым и опробованная им на материалах Забайкалья и Средней Сибири.

Система признаков разложена по 18 пунктам и представляет собой табличную систему, где в формализованном виде фиксируются кроме основных паспортных и метрических данных: форма, массивность, удлиненность нуклеуса; преформа, случаи переоформления нуклеуса, способы оформления площадки и латералей, конвергенция латералей на киле и гребне, по возможности - сырье.

Созданная таким образом база данных уже визуально показывает, что при всем многообразии форм, практически, все нуклеусы со стоянки выполнены на отщепах и сколах (присутствует единственный вариант преформы в виде спецзаготовки бифасиального типа) и находятся на второй стадии использования (киль сохраняется). Оформление площадки в большинстве случаев осуществлялось со стороны фронта и левой латерали. Конвергенция латералей на гребне и киле чаще "скошенная несребковая". Случаи переоформления нуклеусов единич-

ны. При всей скромности результатов проведенной работы уже сейчас можно сделать некоторые выводы:

1. Так как большинство нуклеусов находится на второй стадии использования, можно полагать, что недостатка в сырье не было (при дефиците сырья следовало ожидать использование нуклеусов до последней стадии).

2. При избытке сырья, как правило, наблюдается низкий уровень стандартизации (преформой являются отходы производства, используемые часто для единичных снятий).

3. Низкий уровень стандартизации определяет неустойчивость форм нуклеусов, что объясняет их многообразие на территории местонахождения.

Формализация признаков и сведение их в таблицу создает прекрасную возможность использования данных в компьютере, что в дальнейшем будет способствовать более серьезной корреляции материала памятников различного культурно-хронологического порядка.

А. В. Чупров
(Красноярск, КГПУ)

К ВОПРОСУ ОБ ОРУДИЯХ С "НОСИКОМ"

1. При работе с коллекциями артефактов местонахождений Разлог-2, Бережеково, Верхний Камень (Куртаковский археологический район), Красноярское водохранилище, Новоселовский район претендующих на раннепалеолитический возраст, особое внимание привлекает группа орудий, получивших в литературе название "клювовидных", орудия типа "павиан", орудия с "носиком", "скобели" с острием (Окладников, Васильевский, 1969; Деревянко, 1983), "чоппер концевой приостренный" (Мочанов, 1986). Наиболее распространенным является обозначение данного артефакта как "орудие с носиком".

Группа орудий с "носиком", обнаруженных на местонахождениях Разлог-2, Бережеково, Верхний Камень, составляет 12 экз. Морфологически это чоппер на массивной кварцитовой гальке или валуне, сердцевидной или подтреугольной формы, на концах которого предна-

меренно выделено острие-шип, двустороннее лезвие "носика" в основном, симметрично продольной оси артефакта. "Забитость", встречающаяся на остриях орудий с "носиком", видимо говорит о функциональном назначении выделенного острия на лезвии чоппера.

Орудие с "носиком" выделяется из группы чопперов и чопперо-видных орудий, так как изготовление чопперов сводилось к выделению лезвий в рамках заданной естественной формы галек и валунов (Матюхин, 1983), а получение двустороннего симметричного лезвия-острия подразумевает полное переоформление части исходной заготовки.

2. Наиболее представительна коллекция орудий с "носиком" среди памятников Куртакского археологического района обнаружена на местонахождении Разлог-2 (10 экз.), датируемого возможно ашельским временем (не моложе миндель-рисса) (Чеха, Артемьев, Дроздов, 1991). Единичными находками представлены орудия с "носиком" в коллекциях Бережеково (не моложе рисса) и Верхний Камень (рисс, рисс-ворм), материал которых имеет более развитый облик, чем Разлог-2, выражающийся в наличии элементов леваллуа (Дроздов, 1992).

3. Орудия с "носиком" достаточно широко представлены на раннепалеолитических памятниках.

В Таджикистане: Кударо-1 (200 т. л. по данным термолюминисцентного метода); Лахути-1 (120-130 т. л.), причем материалы Лахути-1, по всей видимости, являются развитием индустрии Кударо-1 (Ранов, 1977).

В Абхазии: местонахождения Яштук претендуют на среднеашельский возраст (Любин, 1984).

В Туве: местонахождение Пестуновка-1 (Пункт III-4а) в зоне рек Шагонар и Торгалык, датируемое приблизительно "мустьерским" временем (Астахов, 1986).

На Дальнем Востоке: Филимошки на р. Зее и Кумары у с. Кумарского датируемых миндель-рисским (Окладников, Васильевский, 1969).

Особенно представительная коллекция орудий с "носиком" в материалах Диринг Юряха (Якутия), датируемого Ю. А. Мочановым в пределах 1,8-3,2 млн лет (Мочанов, 1986).

Кроме того, орудия с "носиком" встречаются среди артефактов Олдувая, Кода Гона (Африка), Кота Тампан (Индокитай), Сихоу До

(Вьетнам), (Борисковский, 1971) и др. домустье́рских памятников. Необходимо отметить, что значительная часть перечисленных выше памятников не стратифицирована, датировки достаточно приблизительны.

Подводя некоторые итоги можно сказать, что орудия с "носиком":

- широко представленные на разновозрастных памятниках, претендующих в основном на ашельский возраст и относящихся к пласту так называемых "галечных индустрий";
- не встречаются ни на мустье́рских памятниках, ни на ашельских с бифасами;
- является датирующим элементом, соотносимым с ашельским или аше́ло-мустье́рским возрастом;
- длительное время сосуществуют с чопперами-чоппингами, но исчезают на границе ашеля-мустье, тогда как чопперы продолжают оставаться устойчивой формой вплоть до неолита.

И. В. Стасик, Е. А. Томилца
(Красноярск, КГУ)

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КАШТАНКА-4

В 1993 г. Средне-Енисейским отрядом ИАПС ИАЗ проводились работы в Куртаковом археологическом районе. Авторами было обследована сезонно освобождаемая от воды отмель на отрезке Каштанка - залив Куртак. А результате полевых исследований, ведущихся с 1988 г. на этом участке пляжа длиной 1150 м. обнаружен ряд местонахождений, относящихся к позднему палеолиту.

Наиболее интересным и однородным в культурном отношении представляется материал местонахождения Каштанка-4, расположенного в 200 м от правого борта лога Каштанка. Описываемое местонахождение занимает площадь 30х70 м, отдельные артефакты найдены в радиусе 50 м. Материал спроецирован на вторичную береговую отмель, предположительно из верхних, кристурцированных горизонтов каргинской почвы. Скорее всего, материал не подвергался значительным перемещениям в результате волноприбойной деятельности.

Коллекция каменного инвентаря местонахождения составляет 893 предмета. Наиболее представительной частью коллекции являются нуклеусы, значительное количество которых сработано до состояния плоских дисков (29 экз.), либо выполнены на плоских гальках (2 экз.). По своим морфо-типологическим характеристикам нуклеусы подразделяются на:

а) одноплощадочные монофронтальные - 13 экз. Два из них с негативами пластинчатых снятий;

б) двухплощадочные монофронтальные с галечным контрфронтом - 1 экз.;

в) двух- и трехплощадочные бифронтальные нуклеусы в количестве 7 экз., где площадкой для снятий со второго фронта служат негативы продольных либо встречных снятий с первого;

г) бифронтальные нуклеусы со скалыванием с двух сопряженных площадок во встречном направлении по каждому фронту 7 экз.;

д) трех и четырех площадочные бифронтальные нуклеусы, где скалывание производилось по одному фронту в продольном, а по второму - в поперечном направлении - 11 экз.;

е) радиальные бифронтальные нуклеусы, оба фронта которых обработаны центростремительными снятиями - 7 экз.;

ж) нуклевидные обломки - 6 экз.

Орудийный набор местонахождения представлен следующими типами: четыре галечных орудия - рубиловидное изделие, отбойник, чопперо-видные изделия: скребла - 3 экз., скребки - 4 экз., скребловидное изделие - 1 экз.; бифасы - 2 экз.; остря - 4 экз.; резцы - 2 экз.; отщепы с ретушью - 5 экз.; отщепы с приостряющей, неравномерно нанесенной ретушью, по функциональному назначению, возможно ножи - 3 экз.; пластины без следов вторичной обработки - 9 экз. Отходы производства: отщепы - 3 экз., сколы - 137 экз., битые гальки - 10 экз.

Представляется затруднительным отнести материал местонахождения Каштанка-4 с традиционными для позднего палеолита Енисей афонтонской либо кокоревской культурами. Техничко-морфологические особенности каменного инвентаря описываемого местонахождения дают основания в первом приближении соотносить его с материалами Тара-

чихи и Афанасьевой горы - памятниками, выделяющимися из круга традиционных памятников позднего палеолита Енисея.

Е. А. Томилова, Л. В. Стасюк
(Красноярск, КГПУ)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ НИЖНИХ СЛОЕВ АФОНТОВОЙ ГОРЫ-II

В 1992-1993 гг. силами ЛАПСС ИАЗ проводились археологические раскопки позднепалеолитического памятника Афонтова гора-II. Памятник располагается на III террасе Енисея южного склона Афонтовой горы, в 150 м. от дачи Юдина. Первым исследователем памятника был профессор В. И. Громов, открывший его в 1912 г. В последующие годы здесь работала Красноярская группа археологов в составе Ауэрбаха, Сосновского, Громова. После некоторого перерыва стоянку осматривали в 60-70 годы Цейтлин, Абрамова, Астахов.

В ходе полевых работ 1992-1993 гг. было выявлено восемь культурных слоев, относящихся к позднему палеолиту. Геологическая ситуация дает основания предполагать, что нижние культурные слои не были исследованы в ходе раскопок 20-30 годы. Сложность геологической ситуации объясняется оползневой структурой склона. Нижние слои расположены под углом до 85 градусов (VI к.с.), материал сильно переотложен, VIII слой разрушен блоковым смещением.

VI к.с. исследован на площади 29 кв.м., залегая на глубине 7,5 м от дневной поверхности в лессовидной толще.

Первичное расщепление VI к.с. предоставлено нуклеусами - 9 экз. из них: два одноплощадных монофронтальных, четыре радиальных монофронтальных, торцовых нуклеус, клиновидный нуклеус и заготовка клиновидного нуклеуса. Орудийный набор представлен скребками - 6 экз., и из них три имеют бифасиальную обработку. Скребок - 5 экз. из них кощевых скребок и один обломок. Скребок-видные изделия - 2 экз. Бифасиально обработанное изделие с приотстрающей ретушью возможно нож - 1 экз. Проверка на отщепе 1 экз. Проверка на отщепе 1 экз. Резцовое изделие - 1 экз. Битые гальки - 6 экз. Пластинчатые сколы - 2 экз. Микропластинка - 1 экз. Отходы произ-

водства: отщепы - 50 экз., сколы - 51 экз. Отходы производства со вторичной обработки - 2 экз.

VII к. с. вскрыт на площади 7 кв. м. за счет резкого погружения под скелет горы, слой залегает на глубине 7,5-8,3 м от дневной поверхности в плотной лесовидной толще светло-коричневого цвета.

Техника первичного расщепления представлена нуклеусами - 3 экз., из них два одноплощадочных монофронтальных и радиальный монофронтальный нуклеус. Орудийный набор: скребло на первичном отщепе, бифасиально обработанное ножевидное изделие, трансверсальный резец. Пластины - 3 экз., микропластина - 1 экз. Отщепы с ретушью - 1 экз.

Отходы производства: 36 отщепов, сколы - 25 экз.

VIII к. с. также вскрыт на площади 7 кв. м. и залегает на глубине 8-8,5 м. Первичное расщепление представлено двумя заготовками клиновидных нуклеусов, одним сработанным радиальным бифронтом.

Орудийный набор: скребла - 3 экз. из них два на сколах и одно скребло-бифас. Выемчатое орудие - 1 экз. Микроскребки - 2 экз. Проколка на отщепе - 1 экз. Отжимник - 1 экз. Отщепы с ретушью - 2 экз.

Отходы производства: отщепы - 86 экз., сколы - 38 экз.

По большинству параметров материал нижних культурных слоев стоянки Афонтова гора-II принадлежит к традиционно афонтовской культуре, выделяясь однако большей распространенностью бифасиальной обработки и радиальной техники расщепления по сравнению с более поздними культурными слоями Афонтовой горы-II. Все выше сказанное дает возможность удревить начало Афонтовской культуры.

Е. В. Акимова

(Красноярск, ИЛИЗ СО РАН)

К ВОПРОСУ О ВТОРИЧНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ СИБИРИ

Явление вторичного использования достаточно известно в позднем палеолите Сибири, но далеко не всегда распознаваемо на конкретном

материале¹ и, практически, некогда не учитывается в статистических сводках. Термины же "переоформление" и "реутилизация" нередко используются как синонимы, но по сути представляют собой две, не всегда последовательные, стадии одного и того же процесса.

Наиболее очевидными предпосылками вторичного использования могут быть: недостаток качественного сырья, морфологическая близость исходного и конечного артефактов, отсутствие жесткой стандартизации индустрии. Продление эксплуатации сработанного, поврежденного и т. п. артефакта могло производиться: а) в прежнем качестве, иногда при определенных типологических модификациях, путем создания новых, ранее незапланированных фронтов и площадок у нуклеуса (одноплощадочный монофронт -> двуплощадочный монофронт, двуплощадочный бифронт и т. д., клиновидный нуклеус) или новых рабочих участков (боковое скребло -> концевой скребок); б) в ином качестве, с переходом артефакта в иную категорию (нож -> проколка, остроконечник -> резец, нуклеус -> долотовидное орудие...)². Так, переоформление устойчивой модели одноплощадочного "плоскоспинного" монофронта (Лиственка, 5-13 культурные слои) осуществлялось в следующих вариантах: перенос фронта на длинный узкий дистальный конец, а площадки - на латераль исходного нуклеуса, в результате чего формируется клиновидный или псевдоклиновидный нуклеус, вполне укладывающийся в соответственную типологическую группу; разворот площадки на 180° и перенос фронта на галечный контрфронт; отсечение дистального конца и оформление нового фронта на плоскости рассечения и т. д. Процесс переоформления нуклеуса в орудие целиком зависел от конкретной ситуации: так, суженная площадка или латераль позволяли создать двустороннеоббитое лезвие или нанести скребковую ретушь. Подобный подход прослеживается и при вторичном использовании изделий из кости (Лиственка, 9-14 культурные слои - новые острия у сломанных игл и вкладышевых орудий, ложило на обложке вкладышевого орудия). В ряде случаев, когда артефакт из более "вышей" категории переходил в более "низшую" (нуклеус -> отбойник, ретушер...), переоформление могло полностью отсутствовать, реутилизация происходила без изменения морфологии артефакта.

В отличие от "первичного" изготовления процесс переоформления более индивидуален, более зависим от специфики исходной формы. Приемы переоформления должны были складываться на базе традиции, устоявшихся технических норм, но с учетом нестандартности заготовки и, следовательно, при необходимом отступлении от шаблона.

Вторичное использование (как переоформление, так и собственно реутилизация) могли осуществляться как в рамках одного, так и нескольких, порой разделенных значительным временным промежутком, археологических комплексов. В последнем случае могли быть задействованы артефакты, принадлежащие и к разным археологическим культурам. Примеры реутилизации более древних артефактов известны по материалам Мальты и Усть-Ковы (Медведев Г. И., 1983, с. 14; Акимова Е. В., Блейнис Л. В., 1986, с. 63.)

По мнению З. А. Абрамовой, именно вторичное использование является одним из существенных признаков кокоревской культуры (в частности, изготовление скребков на подживляющихся сколах, использование сработанных нуклеусов в качестве ретушеров, см: Абрамова З. А., 1979, с. 167-172.) Однако, наблюдения показывают, что в этом процессе могли быть задействованы практически Афонтовой горы, стоянок Красноярского водохранилища, а также Мальты и Усть-Ковы, свидетельствуют, что переоформление и реутилизация сопровождали индустрии независимо от культурной принадлежности, возможно, демонстрируя определенную специфику технических приемов. При этом, для индустрий типа афонтовской, мальтинской, северо-ангарской, т. е. менее стандартизированных, чем кокоревская, характерны все же большие технологические свобода и изобретательность.

Примечания

1. В частности, случаи переоформления нередко относят к комбинированным формам (нож-скребок, остроконечник-скребок) или к орудиям с несколькими рабочими краями (двойные скребки, резцы).

2. Мы не рассматриваем здесь случайную ("подручную") реутилизацию, когда испорченный предмет использовался одномоментно, порой в неожиданном качестве.

П. В. Мандрыка, А. С. Вдовин
(Красноярск, Лаборатория археологии КЛИ)

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В СТВОРЕ КАЗАЧИНСКОГО ПОРОГА НА ЕНИСЕЕ

Планомерными исследованиями в створе Казачинского порога выявлено 18 археологических памятников, слои которых датируются в диапазоне от позднего палеолита до средневековья.

В данной работе рассматриваются находки, сделанные на стоянках, сделанные на стоянках Нижнепорожинская-1, -2, -3. Памятники находятся на 7-8-метровой левобережной енисейской террасе и отделены друг от друга скальными выходами. Относительно ровные площадки памятников ограничены с трех сторон склонами высоких террас Енисея.

Интересующий нас культурный слой стоянки Нижнепорожинская-1 приурочен к кровле слоя коричневого суглинка и залегает на глубине 60-80 см от дневной поверхности. Находки слоя представлены: топорами с перехватом, скребками неправильной формы, подклиновидными и конусовидными нуклеусами, пластинками и отщепами со следами вторичной обработки, а также продуктами первичного расщепления.

Стоянка Нижнепорожинская-2 находится в 600 метрах ниже по течению от первого памятника. В раскопе 2 выявлено два уровня залегания культурного слоя, которые приурочены к кровле слоя коричневого суглинка. Находки фиксируются на глубине 35-60 см от дневной поверхности. Каменный инвентарь состоит из скребков на отщепах, срединных и боковых резцов на пластинах, проколов, конусовидных нуклеусов, пластинок и отщепов со следами вторичной обработки и продуктами первичной обработки.

Еще в 500 метрах ниже по течению расположена стоянка Нижнепорожинская-3. Находки раскопа 2 залегают на глубине 35-50 см от дневной поверхности и приурочены к слою коричневого суглинка. Археологический материал слоя представлен: каменными проколками, срединными и боковыми резцами, пластинками с притупленным краем, обломком наконечника на пластине, тремя пластинами с ретушью для

сложносоставного орудия, конусовидными и подклиновидными нуклеусами и продуктами первичного расщепления.

Данные, полученные в ходе работ позволяют объединить указанные памятники в один хронологический комплекс. На это указывают:

- 1) близость месторасположения стоянок;
- 2) схожесть геологического условия залегания артефактов;
- 3) однотипность археологического материала.

Анализируя полученные археологические материалы можно сделать несколько предварительных выводов. Преобладание каменных изделий мелких и средних размеров дает основание характеризовать индустрию как микролитическую. Топоры с перехватом, наконечники на пластинах, конусовидные и подклиновидные нуклеусы имеют близкое технико-типологическое сходство с раннеголоценовыми материалами из района Красноярска и Канской лесостепи. А также отсутствие керамики и данные геологических наблюдений дают основание отнести описанные памятники к мезолитическому времени (поздний мезолит?).

Н. П. Щербакова
(Красноярск, КГТУ)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО НЕОЛИТУ КРАСНОЯРСКОГО РАЙОНА НА МАТЕРИАЛАХ ПЕШЕРЫ ЕЛЕНЕВА

Пещера Еленева - многослойный археологический памятник, расположенный в 20 км выше г. Красноярска на левом берегу р. Енисей. Вход ориентирован на Ю-В, находится на высоте 18 м от уровня реки. Длина полости - 19 м, средняя ширина 3 м, высота - 7-8 м.

Памятнику присвоено имя первого исследователя А. С. Еленева. В настоящее время раскопки ведет экспедиция Красноярского краеведческого музея под руководством Н. П. Макарова.

Материал эпохи раннего и развитого неолита приурочен к 11 культурному слою, распадающемуся на горизонты 11А, 11Б-1, 11Б-2, 11В, 11Г, 11Д (нумерация сверху вниз). Горизонты 11А, 11Б-1, 11Б-2, 11В залегают в темной шепнистой супеси. Горизонты 11Г и 11Д - в серо-желтом песке, разделенном шепнистыми прослойками.

Общая мощность слоя варьируется от 5 см на предвходовой площадке до 50 см по мере падения горизонтов вглубь пещеры.

Керамический материал к.г. 11Д немногочислен. К нему относятся 2 фрагмента со следами сдвоенной отступающей палочки и 1 - близкий так называемой "посольской" керамике. Фрагменты с подобной орнаментацией встречены и в 11Г, однако венчик не обнаружен, и потому о выделении этой керамики как "посольской" приходится говорить с большой осторожностью. Кроме вышеперечисленных встречаются обломки сосудов с отпечатками гусенично-гребенчатого и зубчатого штампов. Обращают на себя внимание фрагменты с волнистыми пунктирными линиями, близкие неолитической керамике Западной Сибири. В к.г. 11В исчезает "посольская" керамика, сохраняются фрагменты украшенные гусенично-гребенчатым и зубчатым штампом, появляются новые формы орнаментации: гладкий штамп, ряды отступающей палочки, серповидные вдавления. Сосуды открытой формы, венчики, как правило, рассечены вдавлениями штампа, ниже венчика дополнительный орнамент в виде ямок. Подобные формы и орнаментация характерны и для 11Б-1, 11Б-2, 11А.

Каменный инвентарь 11Д не велик: колотые гальки, пластина, отщеп и топорик. В к.г. 11Г кроме отходов производства обнаружен нуклеус и обломки наконечников стрел. В к.г. 11В к подобным артефактам присоединяются ретушированная пластина, нож (?), скребок, обломок тесла (долотовидного?). В к.г. 11Б набор каменных изделий сохраняется, в к.г. 11А дополняется подвеской.

Изделия из кости в к.г. 11Д представлены обломками пазовых орудий и бусинами (плоская перламутровая и квадратная с биконическим отверстием). В к.г. 11Г, кроме того, обнаружен подвеска из клыка марала, цилиндрические бусины, пуговичка с пропилом и перпендикулярным ему отверстием. В материале к.г. 11Р обращает на себя внимание обломок крючка, в 11Б - обломок иглы с ушком, в 11А - обломок гарпуна с 4 односторонними жальцами.

Таким образом, материал 11 слоя демонстрирует преемственность в рамках раннего и развитого неолита. Хронологические рамки можно ориентировочно установить по радиоуглеродным датам: к.г. 11Д - 7330 ± 5 л.н., к.г. 11Б - 5150 ± 95 л.н. Кроме того, анализ материалов пещеры Еленева, сопоставление артефактов 11 к.г. с выше и ни-

железными горизонтами позволяет сделать вывод о развитии неолитической индустрии Красноярского района как автохтонной.

ЭПОКА БРОНЗЫ

А. В. Фрибус
(Кемерово, КемГУ)

ПСАЛИИ ИЗ МОГИЛ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Находки роговых псалиев в афанасьевских могилах представляют значительный интерес, так как являются наиболее древними находками такого рода на территории Южной Сибири. Вопрос о разработке элементов узды тесно связан с вопросом о domestикации лошади и о начале использования лошади в качестве упряжного животного.

Псалии найдены в пяти могилах афанасьевской культуры (Афанасьева гора мог. 6, Тесь III мог. 2, кург. 10, Сыда мог. 1, кург. 16, мог. 1, кург. 9, Каменный Лог II). Это обработанные отростки рогов благородного оленя, с частично или полностью вырезанной внутренней частью. Со стороны широкого конца имеются три отверстия: два противоположные и одно, большее в диаметре, несколько ниже. Со стороны узкого окончания отростка имеется сквозное отверстие, либо вырезан узкий опоясывающий желобок. Длина целых экземпляров - 16-18,5 см.

Среди исследователей нет единого мнения об интерпретации подобных изделий. Э. Б. Вадецкая видит в них навершия посохов. Однако широкий круг аналогий позволяет видеть в подобных предметах именно псалии для конской узды.

Псалии подобного типа (IV тип по К. Ф. Смирнову) распространены довольно широко в евразийских памятниках эпохи бронзы (Смирнов, 1961). Фрагменты или целые экземпляры таких псалиев найдены на поселении у Постникова оврага в Поволжье, на Чустком и Дальверзинском поселении в Ферганае, в Минчегеурском могильнике в Закавказье, а также в Венгрии. Следует отметить, что все они относятся

к более позднему времени, чем афанасьевские, и датируются серединой II - началом I тыс. до н.э.

По последним данным к значительно более раннему периоду относится одомашнивание лошади. Судя по находкам на поселении Ботай в Казахстане, где кости лошади составляют около 80% остеологического материала, domesticированные лошади появляются на территории степной Евразии уже в конце IV - начале III тыс. до н.э. В афанасьевских памятниках кости лошади встречены в материалах пяти могильников (данные по Среднему Енисею). Причем такие находки известны как в поздних (Карасук III - XVIII в. до н.э.), так и в ранних (Летник VI - XXIX в. до н.э.) памятниках.

Первоначально лошадь применялась, видимо, в колесничной запряжке. В азиатской части степной Евразии исследована большая группа памятников с остатками колесниц. Колеса от колесниц устанавливались в специальные канавки на дне могилы. В отдельных случаях на стенках могил сохранились четкие отпечатки обода и спиц, а также следы прямоугольной платформы. Памятники такого типа известны в Южном Зауралье (Синташта, Николаевка II), в Северном (Кенес, Улубай, Берлик II, Новоникольское) и Центральном Казахстане (Сатан). Эти находки датируются второй четвертью II тыс. до н.э.

Вопрос о датировке афанасьевских псалиев очень сложен. Вряд ли возможно датировать такие находки серединой II тыс. до н.э., как это делает П.М. Кожин, так как нижняя граница афанасьевской культуры - XVIII в. до н.э. Афанасьевские псалии должны, видимо, датироваться началом II тыс. до н.э. Они отражают первый опыт афанасьевцев в разработке системы конской упряжи, а также свидетельствуют о том, что в Хакасо-Минусинской котловине в эпоху бронзы сложился один из самых ранних доместикаций и освоения лошади в качестве упряжного животного.

Е. И. Мална
(Кемерово, КеМГУ)

КЕРАМИКА БОЛЬШЕМЫССКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЕЛЕНИЙ НА ОЗЕРЕ ТАНАЙ

В течение восьми лет Кузбасский отряд археологической экспедиции Кемеровского университета под руководством В. В. Боброва проводит раскопки памятников в окрестностях озера Танай. Особое место среди них занимают поселения, расположенные на западном берегу вблизи таежных склонов Салаирского кряжа. Здесь исследована значительная часть поселения Танай-4 и в 1993 г. начаты раскопки поселения Танай-4а.

На поселении Танай-4, наряду с жилищами, хозяйственными постройками и ямами карчажинской культуры, материалами крохалевской, самусьской и ирменской культур, были обнаружены 8 жилищ большемысской культуры. В раскопанных жилищах найдены фрагменты от 15 сосудов, а в слое от тринадцати. На поселении Танай-4а исследовано одно жилище полностью, содержащее фрагменты тридцати двух сосудов и одно частично сохранившееся, в котором найдены фрагменты 9 сосудов. По находкам венчиков из слоя происходят еще 11 сосудов. В целом керамический комплекс представлен 18 сосудами, 4 из них частично реконструированы.

Керамика красновато-коричневого, светлосерого и черного цвета. Формовочная масса с примесью мелкозернистого песка. В коллекции преобладают сосуды крупных размеров - 40 см высотой, диаметр устья у них от 30 до 36 см. Маленьких сосудов, у которых диаметр не превышает 15 см, всего 3. С учетом размеров можно полагать, что сосуды тонкостенные - 0,4-0,8 см. Только придонная часть и дно имеют толщину до 1 см. Все сосуды закрытого типа. Венчик у них прямой или немного отогнут наружу. В некоторых случаях он приострен, либо имеет прямой обрез. Наибольший диаметр приходится на середину тулова. У сосуда из жилища 1 поселения Танай-4 средняя часть особенно сильно раздута, что придает ему своеобразную форму. Дно сосудов приостренное. В целом можно предполагать, что все сосуды были яйцевидной формы.

Сосуды, за исключением одного, орнаментированы. Декор покрывает всю поверхность. Статистически техника нанесения орнамента представлена следующим образом: гребенчатая - 93,2%, накольчатая - 3,4%, резная - 3,4%. В гребенчатой технике необходимо выделить отступающую короткую гребенку, оттиски которой нанесены по краю венчика, как с внешней, так и внутренней сторонам, и гребенчатую качалку - ведущий орнаментальный мотив, формирующий композицию на поверхности сосуда.

Как правило, сосуды окрашены горизонтальными, близко расположенными друг к другу, рядами гребенчатой качалки. Только 1 сосуд полностью декорирован диагональными рядами. Еще на двух маленьких сосудах горизонтальные ряды чередовались с зигзагом или волной, выполненной также гребенчатой качалкой. В некоторых случаях наблюдается зональность в расположении орнамента. Так, на единичных экземплярах зона венчика не орнаментирована, либо на ней помещены диагональные или дугообразные ряды, ниже которых идет горизонтальное оформление декора. На двух сосудах в зоне венчика помещены в одном случае 2 ряда ямок, на другом один, у этого же сосуда на внутренней стороне помещены ряды оттисков гребенчатого штампа. Ямками, расположенными по ряду гребенчатой качалки, украшен еще один сосуд. На трех сосудах в декоре присутствует резная сетка, но она не формирует сплошной пояс, а только занимает его часть. Она встречена как в зоне венчика, так и на тулове.

Своеобразие данному комплексу придает использование в орнаментации гребенчатой качалки. Этот технический прием известен на сосудах полуденского типа неолита лесного Зауралья (Ковалева, 1989), одновременных ему памятниках Прикамья. Сходство это усиливается распространением диагонального расположения орнамента. Но больше аналогий прослеживается с материалами Верхнего Витима, которые В.М. Ветров датирует поздним неолитом (Ветров, 1992). Но керамика названных памятников не является там типичной и соотносится другими орнаментальными традициями. По форме, технике орнаментации, декоративной композиции танайские материалы идентичны алтайским, которые Д.Ф. Кирюшин относит к большемисской культуре (Кирюшин, 1986, 1991) и составляет с ними однокультурный массив.

Н. Н. Кочмар
(Якутск, ЯГУ)

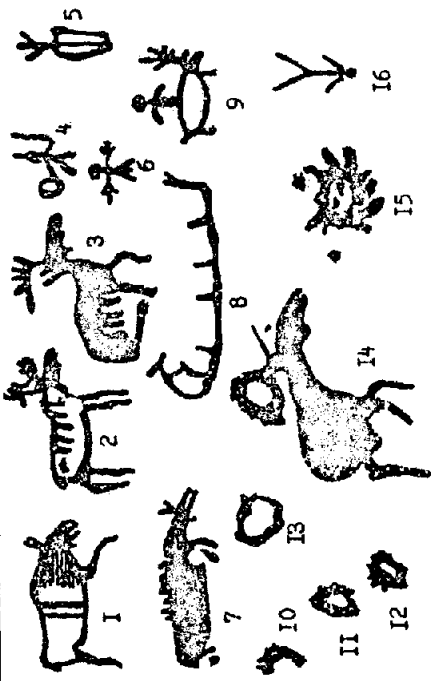
НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЯКУТИИ

Наскальные изображения бронзового времени (I тыс. до н. э.) широко распространены на писаницах Якутии. Основной пласт с этими петроглифами отмечен в Южной и Центральной Якутии (Кочмар, 1992). Для этого времени характерны писаницы с солярной символикой. Образ солнца, как отмечал А. П. Окладников, был распространён у народов Америки, Африки, Евразии, в том числе Центральной и Северной Азии (Окладников, 1970). В Якутии наскальные рисунки с солярной символикой встречаются на писаницах Тинная (табл. 1, рис. 14) с писаницы Тинная. Художник передал зверя в экспрессии бега с высоко поднятой головой и массивными рогами округлой формы. В этом рисунке мы усматриваем синкретизм зверя (в данном случае в образе лося-сохатого) и солнца получившее дальнейшее развитие в мифологии народов Севера. Данное представление у жителей тайги связывается с образом мирового дерева, а именно рога животного являются ветвями дерева. Рисунок солнца в виде маски-личины (табл. 1, рис. 15) отмечен на писанице Сибиктэ III и т. д. А. П. Окладников считал, что тема солнечного поклонения в наскальной живописи появляется не раньше карасукского времени и относил солярную тематику в петроглифах к бронзовому веку (Окладников, 1970). При датировке рисунков писаницы Тинная нами использовался материал жертвенника, обнаруженный под рисунками с солярной символикой на этом памятнике. Каменный инвентарь и фрагмент тонкостенной керамики извлеченный из жертвенника имел аналогии в кремневых изделиях и керамике усть-мильской культуры бронзового века (Зртюков, 1990, с. 128, рис. 2, 4, 6 и др.).

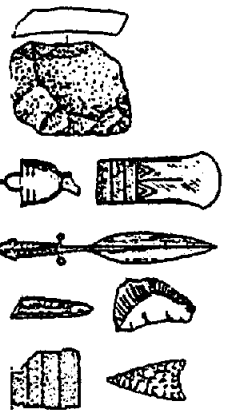
На писанице Бэс-Юрях на р. Амга обнаружен рисунок животного выполненного в тагарской изобразительной манере (табл. 1, рис. 3). Животное представлено в сидячей позе, высоко подняв голову с ветвистыми рогами. У этой фигуры подчеркнуты древним художником анатомические особенности оленя, у которого туловище выполнено в сакральном варианте. Поза оленя-солнце нашло отражение в искусстве

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛА УСТЬ-МИЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ
БРОНЗОВОГО ВЕКА ЯКУТИИ (3,3 - 2,4 тыс. л. н.)

ПЕТРОГЛИФЫ

ХАРАКТЕРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ БРОНЗОВОГО
ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ЯКУТИИ

тагарской культуры и отнесена к I тыс. до н.э. (Окладников, Мартынов, 1972, С. 84, 88, 92, рис. 166). К этому возрасту можно отнести и рисунок фантастического животного (табл. 1, рис. 7), а также животных выполненных в "скелетном" стиле (табл. 1, рис. 1, 2) или с обозначенными условно внутренними органами, а также сопутствующие им рисунки (см. писаницы Сень, Кегей на р. Чара, Багадыллаах, Суруктаах-Хая на р. Токко, Кууда на р. Буотома и др.). К бронзовому веку относятся петроглифы с шаманской атрибутикой, прежде всего символизирующие основные аксессуары культа - например, шаманскую шапку-накидку, шаманское верхнее платье, бубен и др. (табл. 1, рис. 4). Получив начало в неолитическое время, особенно в позднеолитическое время шаманская тема в наскальной живописи в последующем сильно схематизируется в стилизованных формах антропоморфных изображений. Изображения антропоморфных фигур с шаманской атрибутикой встречаются почти на всех писаницах Якутии (табл. 1, рис. 4, 5, 6 и др.). Эти петроглифы хорошо коррелируются с подобными изображениями бронзового века Ангары, Байкала, Прибайкалья, Урала, Томи, Забайкалья и Приамурья.

К бронзовому веку традиционно относят и лодки, хотя в неолите такие сюжеты тоже присутствуют. К сожалению, в Якутии имеется большое количество подобных сюжетов. Наиболее интересный экземпляр изображения лодки отмечен на писанице Баасынай I (табл. 1, рис. 8), у которой носовая и кормовая части переданы в виде стилизованного зооморфного существа и рыбьего хвоста (датировка этого петроглифа по спорна, некоторые исследователи относят эту лодку к эпохе неолита). Другие, более стилизованные сюжеты лодок с писаниц Токко, Амги, Чары и Лени бесспорно можно отнести к бронзовому веку. Тема нижнего мира на петроглифах Якутии представлена в большей части антропоморфными фигурами обращенными (перевернутыми) вниз головой. Такие рисунки отмечены на писанице Тинная, Суруктаах-Хая на р. Марха на Средней Лене, Курунг, Баасынай II (рис. 16), на Олекме, Кускангра, Суон-Тийт на Алдане, Бэс-Прях на р. Амге и др. Подобные рисунки исследователи трактуют как изображения шаманов, спускающихся в нижний мир, и датируют из концом неолита - бронзовым веком (Окладников, Запорожская, 1972, С. 84-85). Необходимо отметить, что изображения антропоморфных

фигур вниз головой пока не обнаружены на Ангаре и в Забайкалье, регионах, где особенно заметна близость изобразительных традиций с писаницами Якутии. Пока не встречали такие рисунки и на писаницах Центральной Азии. Томн.

В Якутии имеется значительный пласт наскальных изображений выполненных в точечном и лункообразном стиле, характерном для бронзового века (писаницы Тинная, Чиэрбэ, Токко, Крестях I-III, Усть-Чара, Кегей, Майгастаах, Скалистая и др.). Как известно петроглифам точно-лункообразного стиля сопутствуют рисунки масок-личин, получивших широкое распространение в наскальной живописи в эпоху бронзы (Окладников, 1971; Дэвлет, 1980; Мазин, 1986 и др.). Подобное сочетание отмечено на писаницах Средней Лены, Олекмы и Амги.

В итоге можно отметить, что в наскальной живописи эпохи бронзы на территории Якутии доминирует образ человека, который присутствует практически на каждой писанице Ленского края. В это время продолжается традиция передачи трехпалых антропоморфных фигур (табл. 1, рис. 6), получивших широкое распространение в неолитическую эпоху, особенно в позднеолитическое время (ымыяхтахская культура). Характерны для этого времени и наскальные рисунки фантастических существ, стилизованных фигур людей и животных. На территории Якутии, как и в других регионах Сибири, получили распространение петроглифы, выполненные в "скелетной" изобразительной манере. На писанице Бэс-Дрях (Верхняя Амга) имеются наскальные изображения, выполненные в тагарском зверином стиле. Для датировки петроглифов бронзового века нами привлекались материалы жертвенников, обнаруженных у скал с рисунками (писаницы Бэс-Дрях, Сылгылыр, Ухаан-1, Купунг, Суон-Тиит и др.), а также материалы археологических памятников, расположенных около писаниц (в радиусе 200-700 м), культурный слой которых содержал инвентарь и предметы обихода, имеющие аналогии с материалом жертвенников этих писаниц или соответствовал временным рамкам предполагаемого возраста наскальных рисунков на писаницах.

Н. Ю. Адамова
(Тобольск, ТГПИ)

ОБРАБОТКА ПОВЕРХНОСТИ СОСУДОВ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ
НА Р. ЧИЛИМКА
(низовья р. Конды)

Поселения Чилимка 2, 4, 6, 10 находятся на правом берегу р. Чилимка, недалеко от устья. На поселениях раскопано по одному жилищу, все они относятся к эпохе ранней бронзы. Керамика на поселениях представлена сосудами баночной формы с уплощенными и круглыми днищами. Орнаментальная композиция монотонна и во многом схожа: горизонтальные и косые ряды гребенчатого штампа, различные варианты многорядных зигзагов, шахматное расположение зон гребенки, ряд ямок под венчиком.

Целью этой работы является сравнение способов обработки поверхности готовых сосудов на этих поселениях.

Описание следов обработки поверхности:

- полосы сгруппированных, параллельных тонких штрихов, расположенных в одной плоскости - след твердого инструмента с ровным рабочим краем, встречается на внешней поверхности сосудов поселений Чилимка 6, 10 (далее ЧК 6, 10), на внутренней стороне сосудов поселения ЧК 2, 4, 6.

- сгруппированные тонкие штрихи с выпуклыми мелкими частицами глинистых фракций - след мягкого эластичного орудия фиксируется на внешней поверхности керамики пос. ЧК 6, 10, внутренней стороне фрагментов пос. ЧК 10.

- разнонаправленные рельефные борозды от зубчатых инструментов, накладывающиеся друг на друга, с подквадратным ложем шириной от 2 до 3 мм - следы неопределимого зубчатого инструмента встречаются на внутренней стороне сосудов всех указанных памятников.

- сгруппированные борозды с подквадратным или округлым ложем шириной 2-3 мм - следы различных гребенчатых штампов - на внутренней поверхности керамики пос. ЧК 2, 6, 10.

- следы выбивки штампом на обеих сторонах сосудов всех памятников.

- следы лощения видны на внешней поверхности сосудов всех памятников.

Способы обработки поверхности готовых сосудов поселений ранней бронзы (р. Чилимка) довольно однотипны. Первичная обработка производилась рельефным орудием. По следам на фрагментах керамики поселений ЧК 2, 6 можно реконструировать гребенчатые штампы, с помощью которых происходило перемещение глины, замазывание спаев. Инструменты представляют собой трехзубый гребенчатый штамп с округлыми зубцами и четырехзубый штамп с ровно срезанным рабочим краем (ЧК-6); двузубый штамп с квадратным сечением зубцов (ЧК-2). Следы первичной обработки фиксируются только на внутренней стороне сосудов, внешняя сторона гладкая, подлощенная. Скорее всего, для выравнивания поверхности применялось орудие с твердым ровным рабочим краем. Таким образом подготавливался поверхностный слой к последующей операции - лощению.

Вторичная обработка внутренней поверхности ограничивалась использованием твердого гладкого инструмента, причем рельефные следы первичной обработки уничтожались не всегда. Устье vessels подвергалась более тщательному разглаживанию грубых следов, чем придонная часть. Мягкое эластичное орудие, оставляющее тонкие штрихи (ЧК 4, 10), возможно, использовалось уже после выравнивания поверхности твердым инструментом, следы которого легко уничтожаются.

Функциональная нагрузка использования зубчатого инструмента в процессе первичной обработки очевидна: такое орудие наиболее целесообразно для однородного распределения глины по стенкам сосуда. Легкое подлащивание, производимое только на внешней стороне емкости несло, видимо, только эстетическую нагрузку, поскольку значительного уплотнения внешнего слоя глины, а следовательно, уменьшения водопроницаемости не происходило, тем более, что лощение часто производилось по уже нанесенному орнаменту.

Керамика ранней бронзы характеризуется сплошным заполнением орнаментального поля различными типами, выполненными гребенчатым штампом. Верхний ряд гребенки расположен под самым венчиком, иногда даже чуть срезая его край. Благодаря многочисленным оттискам зубцов штампа образуется "рифленая" внешняя поверхность, на

личие которой, по мнению ряда "исследователей" (И.Г. Глушков, Т.Н. Глушкова, 1992), уменьшало возможность растрескивания сосудов при сушке и обжиге. Можно предположить, что плотное нанесение элементов орнамента несет не только эстетическую, но и технологическую нагрузку. На некоторых сосудах пос. ЧК 10 внутренняя сторона венчика имеет следы выбивки нарезным штампом, что, видимо, было предпринято для предотвращения растрескивания венчика.

Таким образом, технологический процесс обработки поверхности сосудов на поселениях ранней бронзы р. Чилимка проходил по одной схеме: 1 - рельефная обработка, 2 - заглаживание грубых следов, 3 - выравнивание неровностей, 4 - "рифление" поверхности орнаментом. Обработка внутренней поверхности включала только первые две стадии.

Т.Н. Собольникова
(Тобольск, ТГПИ)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСУДЫ ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО МЕТАЛЛА НА ОЗ. АРАНТУР

Поселение Енья-12а, находящееся на террасе р. Енья, впадающей в оз. Арантур (район верховий Конды), представляет собой три жилищные впадины, вытянувшиеся по одной прямой вдоль террасы. Площадь двух из них составляет приблизительно 10x10 м, третья - 8x9 м. На памятнике был заложен раскоп, площадью 201 кв. м, захвативший две жилищные впадины. Находки с памятника представлены каменными орудиями и отходами каменного производства, глиняными грузилами и керамикой, относящейся к эпохе раннего металла.

В задачи работы входит рассмотрение вопросов технологии производства посуды на пос. Енья-12а.

Керамическая посуда данного памятника представлена кругло- и остродонными сосудами. Для всех форм соблюдается одна и та же пропорция: линия наибольшего расширения, которая начинается в верхней части сосуда приблизительно равна его высоте. Большинство сосудов имеет диаметр от 15 до 25 см.

Орнаментальные мотивы самые различные: от монотонных сплошных рядов горизонтальных, косых или вертикальных оттисков гребенчатого штампа до сложных, с горизонтальным или вертикальным делением поверхности узоров с элементами геометризма (различные зигзаги, ромбы, заштрихованные треугольники и т. д.).

В формовочных массах глиняной посуды содержались в основном песок, шамот, дресва, реже тальк.

Для большинства сосудов керамической коллекции данного памятника характерен жгутовой способ формовки, (внутренний подлеп) при этом диаметр жгутов был практически стандартным (около 1 см) и в процессе они сильно расформовывались. Средняя толщина стенки сосудов равна 0,4-0,6 см. Небольшой процент составляют сосуды, сформованные из нешироких (2-2,5 см) лент.

Формовка сосудов осуществлялась с устья, днище крепилось в последнюю очередь.

Формы венчиков самые различные: от круглых до плоских и присутственных; наплыв по венчику с внутренней стороны сосуда присутствует приблизительно на половине сосудов. Практически все венчики орнаментировались сверху и с внутренней стороны, возможно это было не только эстетической нормой, но и несет какую-то технологическую нагрузку (препятствует растрескиванию венчика при сушке).

Обработка поверхностей керамической посуды как правило происходила в два этапа: 1) Обработка, сопровождающая процесс формовки. 2) Заключительная отделка поверхностей сосуда. Наиболее часто встречаемыми первичной обработки являются обработка поверхностей гребенчатым штампом, реже каким-либо твердым орудием с ровным рабочим краем. После этого внешняя поверхность была еще какая-то промежуточная стадия - зыглаживание поверхности, обработка эластичным материалом. При этом, следы первичной обработки исчезали практически полностью. Внутренняя же поверхность, также в большинстве случаев подвергалась легкому лощению, которое лишь слегка деформировало следы, оставленные гребенчатым орудием.

В целом, хочется отметить, что для технологических приемов формовки и обработки поверхности глиняной посуды характерна стандартность в исполнении операций и однообразный набор орудий обработки.

В.К. Мерц, Д.А. Франк
(Павлодар)

НОВЫЙ АНДРОНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК В ПАВЛОДАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Памятники андроновской культуры Павлодарского Прииртышья до сих пор остаются почти неизученными. Долгие годы, единственным исследованным памятником здесь, оставался могильник Акмола (Кадырбаев, 1969). В 1989 году Павлодарская археологическая экспедиция провела охранные раскопки грунтового могильника Мичурино-1, в 20 км к северу от г. Павлодара. В результате этих исследований, было изучено 21 погребение. В 1991 г. раскопки памятника продолжила экспедиция Карагандинского облмузея, под руководством А.А. Ткачева (Ткачев, 1992).

В 1993 году Павлодарская археологическая экспедиция провела охранные раскопки нового грунтового могильника Кара-Тумсук, расположенного в 5 км к югу от г. Иртышска. Памятник приурочен к останцу первой надпойменной террасы левого берега Иртыша, который активно разрушается паводком, в результате чего уже погибла значительная часть могильника. На краю обрыва террасы высотой до 4-5 м, был заложен раскоп, общей площадью 120 кв. м, на которой исследовано 63 погребения, всего 4 из них принадлежали взрослым, но они оказались ограблены или разрушены. Остальные - детские, среди которых преобладают грудного и младенческого возраста. Сохранность костей хорошая, но часть погребений пострадала от того, что они были близко расположены от поверхности. Среди детских погребений много парных (9) и тройных (6), где погребенные обычно лежат на левом боку, друг за другом, реже - лицом к лицу (2).

Все погребения произведены в грунтовых ямах овальной или подпрямоугольной формы с закругленными углами. Лишь одна могила (№ 55) имела четкие прямоугольные очертания, оконтуренные по краям древесным тленом, представлявшим, по-видимому, остатки каркасной конструкции укреплявшей стенки могилы. Средняя глубина детских погребений 20-30 см, взрослых до 70 см. Преобладает западная ориентация могил с отклонениями на ЮЗ-СВ (22), СЗ-ЮВ (16).

3-В (15). С-Ю (5). Ю-С (4). Одиночных погребений на правом боку всего 3: с южной, юго-западной и северо-восточной ориентацией.

Почти все погребения совершены по обряду ингумации, кремация отмечена лишь в одной могиле, но еще в 10 погребениях отмечены следы огня и древесный уголь, хотя обгорелых костей нет. В этих погребениях, вероятно, ритуальный костер разводится прямо в могиле, перед совершением погребения или над могилой, после чего она засыпалась.

Погребальный инвентарь представлен большим количеством керамических сосудов, украшенных геометрическим орнаментом. По форме сосудов, способу нанесения и типам орнамента выделяется три культурно-хронологические группы:

1) петровская - представлена банками и горшками с уступчатым плечиком, орнаментированными по всей поверхности горизонтальными линиями и зигзагами, вертикальными зигзагами, равнобедренными треугольниками и косыми нарезками или вдавлениями по венчику и основанию сосудов. Орнамент наносился резным способом.

2) алакульская, наиболее многочисленная, сохраняя пережитки петровского времени, представлена банками без орнамента и орнаментированными по верхней или средней части тулова треугольниками и зигзагами, переходными формами с намечающимся плечиком или слегка отогнутым венчиком, горшками с уступчатым профилем орнаментированными резной и гребенчатой техникой. Основным элементом орнамента является равнобедренный и прямоугольный треугольник, зигзаг, выполненный резной техникой. На позднем этапе чаще используется мелкогребенчатый штамп, лощение, появляются меандры, косые и висячие треугольники, иногда орнаментировалось днище сосуда.

3) Федоровская - немногочисленна, представлена плавнопрофилированными горшками украшенными по венчику косыми и прямоугольными треугольниками, по тулову висячими треугольниками и зигзагом. Орнамент наносился мелкогребенчатым штампом по верхней и средней части сосуда. В целом, Федоровская и позднеалакульская группы керамики имеют много общего, что отражает начало алакульско-федоровских контактов.

Среди бронзовых украшений, также присутствуют алакульские жемчужчатые браслеты с уплощенными окончаниями спиралевидной формы и федоровские с рожками. А обломок серьги с раструбом из металла дающего коричневые окислы, серого в изломе, вероятно, олова, был найден в комплексе с уступчатым горшком. В детских погребениях найдены пастовые, медные и оловянные бусы, ожерелья из позвонков и костей крупных рыб, двухстворчатых и цельных раковин. В одной могиле за головой ребенка обнаружено птичье яйцо.

Преобладание детских погребений показывает, что изначально могильник формировался как отдельное детское кладбище, типичное для петровского и раннеалакульского времени (Зданович, 1988), а затем здесь стали появляться взрослые погребения, позднеалакульские и федоровские. Это говорит о более раннем появлении в Прииртышье петровско-алакульских племен, а их контакты с федоровцами начались, вероятно, уже на позднем этапе развития алакульской культуры, и могут быть связаны со второй миграционной волной восточного - Федоровского населения на запад и север (Ткачев, 1992). Именно об этом могут свидетельствовать признаки кремации в некоторых погребениях, появление косых треугольников в орнаментации сосудов и серьги с раструбом.

Таким образом, могильник Кара-Тумсук является самым восточным, на сегодняшний день, памятником петровских и алакульских племен, материалы которого отражают реальную картину их расселения и взаимодействия с другими культурами.

И. В. Костун
(Кемерово, КеМГУ)

АНДРОНОВСКИЕ КИНЖАЛЫ ИЗ ДЖАМБУЛЬСКОГО МУЗЕЯ

В 1989 году при работе в фондах Джамбульского областного историко-краеведческого музея была выявлена немногочисленная серия изделий, относящихся к андроновской эпохе, среди которых присутствовали два бронзовых кинжала. Оба экземпляра представляет собой типологически близкие изделия двулезвийные, с хорошо выделенным

перекрестьем ромбической формы, nerviрой и горизонтально притупленной пяткой черенка с двумя округлыми выемками у основания последнего. Изделия литые (рис. 1-1, 2).

В северо-азиатском регионе подобные кинжалы известны из районов Зауралья, лесостепного Притоболья, Северного и Восточного Казахстана. Барабы. Верхнего и Томского Приобья. Среднего Енисея и Кузнецкой котловины. Часть их происходит из сборов и случайных находок, однако известны экземпляры обнаруженные в комплексах: Урефты-1. Путиловская Заимка, Малый Койтас, Зевакино, Сопка-2, Томский могильник на Малом мысу, ЕК-2, поселения Березовское, Камышное-1, Явленка-1. В типологическом ряду срубно-андроновских кинжалов, кинжалы происходящие из вышеперечисленных памятников, должны занимать самую верхнюю хронологическую нишу. Иначе говоря, они, в целом, моложе изделий с перехватом и намечающимся перекрестьем. Эта позиция уже неоднократно обосновывалась многими исследователями, поэтому акцентируем внимание лишь на некоторых нюансах аргументации.

Любопытно, что все экземпляры таких кинжалов, отличающиеся указанными морфологическими особенностями отсутствуют в памятниках культур бытовавших на сеймо-турбинском хронологическом горизонте. Кроме того, культурная принадлежность комплексов, содержащих эти изделия, также позволяет предполагать поздний хронологический диапазон их существования: андроновские или содержащие известную долю соответствующего субстрата, черкаскульские, Федоровские и позднекротовские. Особенности таких кинжалов проанализированы данные изделия в качестве устойчивого типологического ядра. На это указывает и наличие необходимой гериферии, проявившейся в кинжалах т. н. переходных форм: Малый Кайтас, Новоникольское-1 и др. (Аванесова, 1991, рис. 25-16, 26-6 и др.).

Синхронизация подобного рода образцов с периодом генерации ранних андронидных образований позволяет предполагать наличие единой культурно-исторической ситуации в Южном Казахстане. Иначе говоря, появление этих изделий маркирует время формирования Южно-казахстанских культур андронидного облика, подобно тому как в Томском Приобье складываются еловские, а в Южном Зауралье федоровские и черкаскульские древности. В то же время совершенно оче-

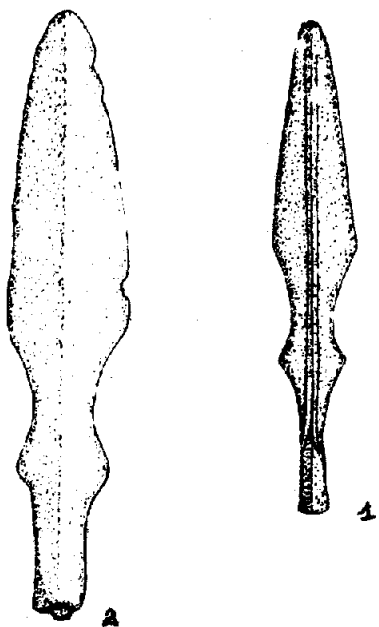

Рис. 1. 1 - место находки не установлено; 2 - с. Иданово
Сарыусского района, Джамбульской области. М 1:2

видно, что в Южном Казахстане этот процесс осложнялся заметным влиянием алакульской культурной традиции.

Большинство исследователей определяют нижнюю дату этих изделий XIV в. до н.э. Возможно, типологически близкие экземпляры появляются уже в XV в. до н.э. В то же время известна находка оригинальной литейной формы из Мынчункура, на которой, помимо кинжала рассматриваемого типа, было вырезано желобчатое долото (Черников, 1960, с. 259, табл. 66-2, 3, 4). Сопоставление этого образца со сложносоставной формой из Ростовкинского могильника (Аванесова, 1991, с. 35), вероятно, не совсем корректно, т. к. венчик втулки ростовкинского долота тонкий как у сейминско-турбинских кельтов (Черных, Кузьминых, 1989, с. 129-130), а мынчункурская форма хотя и не имеет выраженного валика-обруча, отличается некоторым расширением в верхней части, выполнявшим функцию последнего. Таким образом, обе литейные формы отличаются собственными хронологическими горизонтами бытования. Учитывая последнее обстоятельство, а также периферийный характер самого региона, южноказахстанские кинжалы возможно датировать II-го тыс. до н.э.

Автор признателен директору музея К.Б. Байбасынову за предоставленную возможность работы в фондах.

А.Б. Шамшин, О.А. Ченских
(Барнаул, АГУ)

НОВЫЙ ПАМЯТНИК АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ

Памятники андроновской культуры занимают обширную территорию от Западной Сибири, Казахстан, частично Зауралье и Среднюю Азию и т. д. Проблемам андроновской культурно-исторической общности посвящено много работ, но тем не менее они до сих пор остаются одними из самых дискуссионных. В связи с этим, введение в оборот материалов каждого нового памятника еще на шаг приближает нас к их успешному разрешению. Материалы грунтового могильника Фирсово-XIV, на наш взгляд, представляют большой интерес для исследователей погребальных комплексов.

Грунтовый могильник Фирсово-XIV находится на южной оконечности мыса, вдающегося в пойму реки Оби, на берегу протоки-старницы. Удобным месторасположением объясняется, видимо, достаточная плотность погребений и одновременность могил. Здесь встречены захоронения эпохи поздней бронзы и раннего железного века при количественном преобладании могил андроновской культуры. Несмотря на незавершенность работ, в расположении андроновских погребений, как нам кажется, можно выявить определенную закономерность. Нужно сказать, что далеко не все известные могильники дают такую возможность. Так на Алтае, большая часть подобного рода памятников попадает в руки археологов в аварийном состоянии в связи с раздувами, обвалами берегов рек, разрастанием оврагов и проведением строительных работ. В этом отношении, относительно полная сохранность могильника Фирсово-XIV имеет очень большое значение.

На площади памятника было обнаружено большое кострище, которое фиксировалось в виде мощного прокала. Оно ограничивалось двумя длинными обгорелыми плахами. Принадлежность кострища к андроновской культуре кажется нам вполне вероятной, так как: во-первых, в его заполнении найдена вещь андроновской культуры (золотая желобчатая круглая подвеска в полтора оборота), во-вторых, на вскрытой вокруг кострища площади очень мало инокультурных могил, в то время как для андроновского комплекса, исходя из планиграфии памятника, оно является центром. Кострище, по-видимому носило ритуальный характер и использовалось много раз, о чем свидетельствуют мощность прокала и обнаруженные в нем кости животных. Судя по той же планиграфии, поминальные ямы, значительное количество которых обнаружено на Фирсово-XIV, располагались с южной и юго-западной сторон андроновского комплекса, хотя не исключено, что часть из них относится и к раннему железному веку, так как и в это время продолжается традиция южной и юго-западной ориентации погребенных. В остальной же части могильника ямы встречаются значительно реже (я. 30, я. 40). В нескольких случаях с южной стороны ям обнаружены также андроновские сосуды. По-видимому, на могильнике мы имеем культовое место, где совершались поминки по умершим и приносились жертвы. Археологически мы фиксируем андроновский комплекс в виде погребений, поминальников и ритуального кострища.

В андроновских могилах найдено довольно большое количество украшений: бронзовые браслеты со спиралевидными окончаниями, литые трубчатые серьги из бронзы, обложенные золотым листком, золотые гофрированные трубочки-пронизки, пастовые и бронзовые бусы, желобчатые круглые подвески в полтора оборота и нашивные бляшки из золота различных типов. Эти вещи общих андроновских форм, которые существовали в широком хронологическом отрезке времени. В связи с этим, по ним сложно определить точное время существования памятника, зато несомненна ценность их в возможности реконструкции деталей костюма. Примером аналогичных работ могут служить реконструкции Н.А. Аванесовой (Аванесова, 1991) и реконструкция золотой диадемы из Ново-Александровки (Зиминой, Адаменко, 1963). По материалам трех погребений с богатым инвентарем нами также сделана попытка реконструировать андроновский головной убор. Общей деталью для всех трех головных уборов являются желобчатые подвески в полтора оборота, нанизанные на ремешок в количестве пяти штук. Такие ремешки, по одному с каждой стороны, пришивали к головному убору из кожи или ткани, форму которого восстановить очень сложно. Ремешкам придавалась форма дуги, к одному из концов которой крепилась подвеска из нескольких частей. Композиция подвески, различная во всех трех случаях, возможно, зависела от социального положения умершего, его возраста и других факторов.

Могильник Фирсова-XIV очень интересен в плане хронологии. Анализ материалов памятника позволил предположить, что он имеет достаточно позднюю дату в рамках андроновской культуры. Подтверждением ее может служить керамика могильника. Вся посуда из погребений по орнаментации условно можно разделить на три типа. К первому относятся классические федоровские сосуды с меандрами, косугольными треугольниками и меандровыми фигурами. На сосудах второго типа, наряду с этими мотивами присутствует также ряд мотивов поздней бронзы. И третий тип - это андроновская посуда с нетипичным орнаментом. Нужно отметить, что сосудов второго и третьего типов - большинство. Причем достаточно очевидно, что мы имеем дело не с последовательной сменой классической посуды нестандартной, а с сосуществованием этих трех типов. Об этом говорит факт находки разных по типу сосудов в могилах, которые представляют

собой закрытые комплексы. Появление посуды второго и третьего типов указывает, видимо, на постепенно шедшую смену населения, то есть время существования могильника Фирсово-XIV - это фазал андроновской культуры и время оформления на ее основе новых культур. На погребальной посуде меняются композиции, какая-то закономерность в орнаментации часто отсутствует, в то же время новая схема еще не сложилась. Она появляется вместе с оформлением позднебронзовых культур (корчажнинской, ирменской). Ввиду этого могильник Фирсово-XIV представляет большой интерес, так как его материалы могут внести вклад в изучение динамики сложного процесса смены культур. Наличие же первого типа керамики можно объяснить консервативность погребального обряда и погребальной посуды, силой традиции.

Косвенным подтверждением поздней даты памятника может служить и находка на площади кострища позднебронзового ножа с выделенной рукоятью и так называемой "хвостатостью" края лезвия. Такие ножи характерны для карасукской культуры, хотя известны и в ирменской. Однако возможна и более широкая датировка таких ножей, начиная с конца II тыс. до н.э. Кроме того, позднебронзовые погребения на могильнике единичны и нам представляется, что для столь малого количества захоронений вряд ли было сделано это кострище.

Могильник Фирсово-XIV - один из самых крупных памятников андроновской культуры. На данный момент вскрыто 59 достоверных погребений этого времени, но материалы памятника еще далеко не исчерпаны. Кроме золотых и бронзовых украшений, найдено большое количество орнаментированных сосудов, в том числе в детских могилах. Все это позволяет предположить высокий имущественный уровень и особое место группы населения, оставившей памятник.

А. А. Ткачев, Н. А. Ткачева
(Усть-Каменогорск)

БЕРЕЗОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

В 1993 году археологическая экспедиция ВКГУ начала исследование могильника расположенного на излучине первой надпойменной террасы правого берега Иртыша, в 7 км к ЗСЗ от п. Березовка Глубоковского района Восточно-Казахстанской области.

Памятник состоит из 36 погребальных конструкций: трех курганов высотой 0,2-0,4 м с ограждениями по основанию и безнасыпных оград - округлой, прямоугольной и квадратной формы. Ограды сооружены из глыб белого кварцита, реже коричнево-серого порфирита или плит угольного сланца. Некоторые общие сведения об оградах и могильных ямах сведены в таблицу 1.

Изучено 11 безнасыпных погребальных сооружений, одно из которых имеет пять пристроек. Погребенная почва и выбор: из могил не фиксировался. В центре огражденных площадок расположено по одной грунтовой яме, в ряде случаев имеющих уступчики со всех сторон, на которые опиралось перекрытие из деревянных плах, причем ряд могил, имели двойное перекрытие на уровне материка и на уровне уступчиков. Придонная часть одной ямы обложена камнями, образуя восьмьюрядную кладку - цисту.

Для погребального обряда характерно одиночное труположение и только единично встречены разрозненные кости ребенка и женщины (?). Умершие лежат скорченно, на левом боку, головой на запад с отклонениями к северу или югу, как исключение встречено положение костяка на восток, причем он лежал поперек ямы. Умерших сопровождает один, изредка два сосуда. Большинство захоронений разграблено, причем, вероятно, часто Грабители пробивали перекрытие, поднимали покойного, снимали вещи и бросали его к противоположной, обычно восточной стенке, где многие части костяков сохранились в анатомическом порядке. В погребальном обряде широко использовался огонь. После захоронения, на верхнем перекрытии разжигали костер, огонь которого, вероятно, выполнял очистительную функцию.

Таблица 1

№ огр.	Ограда		Могила			
	Размеры (м)	Ориенти- ровка	Размеры	Ориенти- ровка	Грунто- вая яма	Циста
1	5,5x4,5	В-3	2,0x1,0x1,0	В-3	+	-
2	6,0x5,5	В-3	1,85x1,3x1,6	СВ-ЮЗ	+	-
10	3,5x2,8	В-3	0,9x0,6- 0,45x0,75	В-3	+	-
13	4	-	1,3x0,9x0,85	В-3	+	-
14	2,2	-	0,7x0,4x0,2	СВ-ЮЗ	+	-
18	7x6	СВ-ЮЗ	2,0x1,2x1,1	СВ-ВЗ	+	-
20	4,0x3,5?	СВ-ЮЗ	1,1x0,8x0,9	СЗ-ЮВ	+	-
21	6,0x5,3	СВ-ЮЗ	1,8x1,15x0,85	В-3	+	-
22А	4,3x3,5	В-3	1,7x1,6x1,6	В-3	-	+
Б	4,5x3,5	СВ-ЮЗ	1,3x0,9x1,2	СЗ-ЮВ	+	-
В	3,5x2,8	В-3	1,3x1,0x1,1	В-3	+	-
Г	2,8x2,0	В-3	0,95x0,6x0,95	СВ-ЮЗ	+	-
Д	4x3	В-3	1,4x0,85x1,0	СЗ-ЮВ	+	-
Е	2x1,5	В-3	1,0x0,6x0,9	СВ-ЮЗ	+	-
23	3,2x2,8	-	1,5x0,8x0,7	В-3	+	-
24	3,2x2,8	СВ-ЮЗ	0,85x0,45x0,4	СВ-ЮЗ	+	-

Вещевой инвентарь представлен бронзовой иглой с ушком и бронзовой серьгой с растробом, оформленным в виде колокольчика. Посуда баночных форм орнаментировалась вдавленными в сочетании с желобками и елочкой. Сосуды горшечных форм слабопрофилированы, иногда имеют высокую слабо отогнутую почти цилиндрическую шейку. Они нарядно орнаментированы по всему тулову разнообразными треугольниками, каннелюрами, горизонтальной елочкой, треугольными вдавлениями.

По особенностям погребального обряда и инвентаря Березовский могильник можно отнести к кругу позднеандроновских памятников средней бронзы, сложившихся в третьей четверти II тыс. до н.э.

А. А. Ткачев, Е. И. Винокурова
(Усть-Каменогорск)

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ МАРИНКА

В 1993 году археологической экспедицией ВКГУ проводились раскопки грунтового могильника, расположенного на первой надпойменной террасе правого берега Иртыша, в 5 км к ЗЮЗ от п. Зевакино Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области. Погребальная площадка, высотой 4-5 м от уровня воды в протоке Маринка, слегка наклонена к пойме, что приводило к смыву почвы в течение тысячелетий. Толщина гумусированного слоя на памятнике не превышает 1-1,5 см, к тому же ряд могил находятся фактически на поверхности.

На могильнике был заложен раскол площадью 413,5 кв. м, где изучено 32 захоронения. Погребения взрослых располагались двумя группами: два захоронения, в грунтовых ямах, обнаружены в северной части раскопа, три - в каменных ящиках и грунтовой яме - в южной. Они как-бы окружают детские захоронения с запада. Возможно, в древности могильные ямы находились в оградах, сохранился угол одной из них, сооруженной из плит угольного сланца. погребения взрослых одиночные и парные. В одиночных женщины лежат на левом (2) и правом (1) боку, скорченно, головой на юго-запад. В одном парном захоронении умершие положены лицом друг к другу - мужчина на левый, женщина - на правый бок; в другом мужчина лежит на левом боку, но при его погребении костяк ранее похороненной женщины (?), был сдвинут в угол.

Захоронения детей расположены двумя группами, отделенными друг от друга канавкой шириной 1-2 м и глубиной до 0,15 м. Северная группа включает 5 каменных ящиков и 4 грунтовые ямы, южная - 2 ящика и 16 грунтовых ям.

Обряд захоронения детей неустойчив: встречаются одиночные, двойные и тройные погребения; дети лежат скорченно, на левом, изредка - правом боку, ориентированы во все стороны света с преобладанием западного направления. В одной яме зафиксировано сочетание кремации и ингумации; в другом, три кучки кальцинированных костей. Прослежено перекрытие одной могилы другой. Среди детских захоронений южной группы встречено парное погребение женщины в сопровождении младенца, лежащего в ногах. В могиле 14 ребенка сопровождали 2 черепа взрослых людей, вероятно, мужчины и женщины - без нижних челюстей и шейных позвонков, поставленных на основание поверх погребенного ребенка. В изголовье или перед лицом детей стояло по одному сосуду. В ряде случаев, в том числе в могилах с кремацией, сосуды отсутствовали, но в одной из них найдены обломки бронзового желобчатого браслета со спиралевидным окончанием.

В могилах взрослых обнаружены украшения: подвески из зубов животных, изделия из бронзы - проволочное височное кольцо, желобчатые браслеты в виде крючков и спиралей, выпукло-вогнутая пуговица с перемычкой для пришивания на внутренней стороне, разнообразные подвески: лапчатая, ножевидная, в полтора оборота, причем последняя в ряде случаев обтянута золотой фольгой.

Комплекс посуды включает 32 сосуда горшечных и баночных форм; среди которых выделяются следующие типы:

1. Восточно-андроновские горшки с вогнутой шейкой и плавным переходом в тулово, имеющие в ряде случаев разграничительные каннелюры между зонами при переходе шейки в тулово или в месте перегиба шейки - 8 сосудов.
2. Неорнаментированный сосуд горшечной формы с ребристым профилем.
3. Сосуды переходных горшечно-баночных форм - 11 сосудов.
4. Банки с округлым профилем или со слабо выраженной шейкой - 13 сосудов.

Большая группа сосудов разных типов не орнаментирована (21,7%), иногда отсутствует орнамент на верхней части шейки (12,4%). 68% сосудов украшены резными узорами, 16% гребенчатыми и 16% обе техники сочетаются. Наиболее распространенными элементами

орнамента являются: горизонтальные линии (48%), горизонтальный зигзаг (44%), желобки (28%), каннелюры (20%), прямоугольные и равносторонние треугольники (20%), "качалка" (16%), "косые" треугольники (12%), флажки (12%), ковровые узоры (8%). При общем господстве резной техники орнаментации, на сосудах горшечно-баночных форм преобладают гребенчатые узоры, на горшечно-баночных - каннелюры в верхней части сосуда, на банках - за редким исключением - резная техника нанесения.

По особенностям погребального обряда, вещевого и керамического инвентарю могильник Маринка можно отнести к наиболее ранним памятникам андроновского круга Верхнего Прииртышья и предварительно датировать серединой II тысячелетия до н.э.

Н. А. Ткачева, В. А. Брындина
(Усть-Каменогорск)

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ БАРАШКИ-1

В Шемонаихинском районе Восточно-Казахстанской области экспедицией ВКГУ начаты исследования поселения эпохи бронзы Барашки-1, известного по разведочным работам еще с 30-х годов (Черников, 1960, с. 20).

Поселение расположено в 1 км в востoku от п. Барашки на излучине правого берега Иртыша. Трапециевидная жилая площадка ограничена с двух сторон оврагами, с третьей стороны обрывистым берегом протоки Иртыша. Высота ровного плато, на котором в древности расположен поселок, 28 м от уреза воды. Природные укрепления дополнены искусственным сооружением. Ров, шириной свыше 3 м и глубиной до 1,6 м, выкопан в самом узком месте между оврагами, в виде дуги, направленной в напольную сторону.

Жилая площадка, ограниченная рвом, около 7 тысяч кв. м. В юго-западной части поселения был заложен раскоп площадью 421 кв. м, где изучено полностью или частично три жилища.

Жилище 1 прямоугольной формы, площадью 150 кв. м, с тамбуорообразным выходом в западной стенке. Глубина котлована 0,2-0,3 м.

Вдоль северной стенки котлована расположена частично разрушенная кладка фундамента. Пол обмазан слоем плотной желтой глины толщиной до 10 см. На полу расчищены - яма-хранилище, канавка, хозяйственные и столбовые углубления. Одна крупная хозяйственная яма использовалась, вероятно, для хранения зерна - стенки и дно были сильно прокалены, при отсутствии в заполнении следов огня и угольков. Прослеживается четыре рядов столбовых ямок: вдоль стенок на некотором удалении от края котлована. Жилище представляло собой полуземлянку и имело каркасно-столбовую основу с плоской или наклонной, для стока воды, крышей. Разнообразные очаги: наземные и в ямках, иногда укрепленных каменными плитками.

Жилище 2 неправильно-прямоугольной формы, площадью 70 кв. м. с тамбурообразным выходом в южной стенке. Глубина котлована 0,2-0,3 м. Пол покрыт глиняной обмазкой. На полу расчищена канавка, кострище в овальной ямке, хозяйственная яма и столбовые углубления. Основная часть столбовых ямок образует овал вокруг центра полуземлянки. Крыша, вероятно, была плоская, стенки наклонные.

Жилище 3 изученное частично, соединено переходом с жилищем 2. Раскопанная часть котлована глубиной 0,2-0,3 м, площадью 36 кв. м. На полу покрытом глиняной обмазкой, расчищена канавка и столбовые углубления, расположенные вдоль южной стенки котлована.

В западной части раскопа на расстоянии 3-3,5 м от края оврага обнаружено основание оградительной стенки из плашмя уложенных каменных плит, от которой сохранилась кладка в 2-4 ряда, высотой до 0,2-0,4 м. Судя по развалам камней высота стенки могла достигать 1-1,2 м. В южной половине ограждения расположен лабиринтообразный проход, сочетающий элементы каменной кладки и системы столбов. Выходы из жилища 1 и 2 были направлены на площадку от которой отходила вытоптанная, слегка углубленная в грунт, тропинка, проходившая через проход и направленная к юго-западному углу жилой площадки, где и сейчас находится относительно пологий спуск к реке.

Коллекция вещевого материала представлена различными предметами - из металла: игла с ушком, шило, пробойник; из кости - амулет-подвеска из подъязычной кости, трехдырчатый псалий, обломки

трепал и тупиков; из камня - литейные формы с наконечниками стрел, заколок, тесла (?), песты, кружки, обломки крышек. В жилище 1 под глиняным полом, у северной стенки котлована, в овальной ямке найден "клад" земледельческих орудий: пест, мотыга, зерно-терка, терочник.

Керамический комплекс неоднороден - выделяется небольшая группа андроновской посуды периода средней бронзы и комплекс позднебронзового времени - украшенного валиками и жемчужинами. Более 90% коллекции составляет посуда баночных форм орнаментированная по всему тулову вдавлениями различных форм и размеров, культурное определение которых еще предстоит произвести.

Материалы полученные на поселении Барашки-1 позволяют наметить новые аспекты культурно-хронологической характеристики средней и поздней бронзы Верхнего Прииртышья.

О. В. Умеренкова
(Кемерово, КемГУ)

КЛАССИФИКАЦИЯ УКРАШЕНИЙ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Многочисленные и многообразные украшения в сибирской археологии до настоящего времени не стали объектом самостоятельного исследования как исторического источника. В научных работах они рассматриваются в совокупности с другими археологическими материалами, характеризующих публикуемый памятник или конкретную культуру. Среди культур эпохи бронзы Сибири наибольшее количество украшений происходит из памятников ирменской культуры.

В процессе ее изучения исследователи, рассматривая украшения в контексте материальной культуры давали их типологию в рамках конкретного региона (Матющенко, 1974; Молодин, 1985; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993). С учетом сложившегося опыта в изучении ирменских украшений, предлагаем их классификацию на основе следующих принципов: характеризуют морфологические признаки изделия; вариант - особенно тип оформления поверхности, способ крепления и, в некоторых случаях, техника изготовления.

Одним из широко распространенных украшений в ирменской культуре являются браслеты, которые представлены одним типом с несомкнутыми концами. Среди браслетов преобладают литые с литевидным сечением, сделанные из плоской бронзовой пластины - единичны. Не исключено, что их можно рассматривать как подтипы. Литые браслеты отличаются оформлением поверхности, что позволяет выделить 3 варианта: 1 - с гладкой поверхностью; 2 - с рельефными шишечками; 3 - желобчатые браслеты.

Бляшки-пуговицы. Тип - круглые, сферические изделия. По форме крепления можно выделить 2 варианта: 1 - с петелькой на обороте; 2 - с отверстием. Наблюдается разнообразие по форме и способу крепления петельки среди наиболее распространенного варианта - 1.

Крупные, массивные бляхи в памятниках ирменской культуры встречаются нечасто, некоторые из них происходят из случайных сборов. По форме можно выделить три типа: 1 - круглые, дугообразные в профиле, с петелькой на обороте, вариант а - с ритмичными насечками по краю с внешней стороны; 2 вариант - овальные с отверстиями для крепления; 3 вариант - шестилепестковые бляхи, среди которых по оформлению внешней поверхности можно выделить варианты. В ирменской среде они являются импортными изделиями, но возможно, что бляшки из могильника Журавлево-4 местного производства.

Гвоздевидные подвески являются наиболее массовыми изделиями среди украшений и типичными для ирменской культуры. Общая форма у них одинакова, что было обусловлено их использованием. Принципиальное отличие у гвоздевидных подвесок составляет морфология шляпки. По этому признаку можно выделить 2 типа: 1 - с круглой шляпкой; 2 - с двойным окончанием. Среди первого типа выделено 2 варианта: 1 - стержень крепится в центр шляпки; 2 - стержень крепится с краю шляпки.

Серьги морфологически близки гвоздевидным подвескам, но отличаются от них меньшими размерами. Среди этой категории украшений типобразующим признаком также является форма окончания, которая имеет вид спирали. На этом основании можно выделить 2 типа: 1 - с окончанием круглой формы; 2 - с конической формой.

Накосники и пронизки представлены одним типом. Они изготовлены из свернутой бронзовой пластинки. Различие между ними сводится только к размерам.

Кольца: 1 тип - проволочные (от 1,5 до 3,5 оборотов); 2 тип - пластинчатые. Во втором типе можно выделить 2 варианта: 1 - с гладкой поверхностью; 2 - с желобчатой поверхностью.

Среди ирменских изображений известны также бусы, щитковые перстни (памятник Журавлево-4, Камышенка), и лапчатые подвески. Последние два вида украшений типичны для поздней бронзы среднеенисейского региона. Классификация лапчатых подвесок разработана Э. А. Новгородовой.

Ирменские украшения имеют принципиальное значение как культурно-диагностирующие материалы, источник для реконструкции одежды и социальной организации. Разработка их классификации позволит выйти на новый уровень выявления особенностей локальных вариантов и двух территориальных групп, выделенных в ареале ирменской культуры (Н. Л. Членова, В. И. Матющенко, В. В. Бобров).

Н. В. Суковатова
(Кемерово, КемГУ)

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ НОЖЕЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

Изучение древностей Хакасско-Минусинской котловины имеет многолетнюю историю. Но только со времен публикации работ С. А. Теплоухова оно приобрело стройную систему. Выделенные археологические культуры получили признание и современные исследования проводятся на их основе. В принцип выделения культур, наряду с другими, был положен типологический метод. С этих позиций рассматривалась и такая категория материальной культуры как ножи. В последние специалисты неоднократно обращались к классификации ножей поздней бронзы региона, так как они представляют собой наиболее массовый и разнообразный материал, известный в большей степени среди случайных сборов (М. Д. Хлобыстин, Н. Л. Членова, Э. А. Нов-

городова, Ю. С. Гришин). Повышенное внимание к позднебронзовым ножам вызван дискуссионностью их культурной принадлежности в связи с выделением лугавской культуры, существовавшей, по мнению Членовой, одновременно с карасукской. Но эту точку зрения разделяют не все исследователи.

Названные авторы использовали разные критерии для классификации ножей. М. Д. Хлобыстиной за основу был взят центральный угол изгиба от рукоятки к клинку, изменение которого определяло тип. Н. Л. Членова возражает ей, считая, что следует исходить из формы ножа, формы навершья и места соединения клинка с рукоятью. Ю. С. Гришин выделяет группы по наличию или отсутствию черенка, а типы - по особенностям рукояти, выделению от тулова черенка или клинка. Однако, несмотря на разные подходы, предложенные классификации имеют однолинейный вид.

Учитывая опыт исследователей и современные теоретические разработки в отечественной типологии и классификации ножей поздней бронзы Среднего Енисея, основанный на следующей градации признаков: на основе конструктивного оформления рукояти определяются классы, по степени изогнутости ножа - виды, по оформлению навершья - подвиды, на основе конструктивного выделения лезвия - типы. Варианты выделяются внутри подвидов по мелким деталям навершья.

Класс I. Ножи с рельефной цельнолитной рукоятью.

Вид 1. Коленчатые ножи с каплевидным навершием без петельки под шляпкой с уступом при переходе к лезвию (23 экз.). Подвиды и типы не выделяются.

Вид 2. Выгнутообушковые ножи.

Подвид 1. С каплевидным навершием.

Тип 1. С уступом. Вариант А. Без петельки под шляпкой (35 экз.). Вариант Б. С петелькой под шляпкой (10 экз.).

Тип 2. С гардой без профилировки. Вариант А. Без петельки под шляпкой (5 экз.). Вариант Б. С петелькой под шляпкой (9 экз.).

Тип 3. С профилированной гардой. Вариант 1. Без петельки под шляпкой (12 экз.). Вариант 2. С петелькой под шляпкой (22 экз.).

Подвид 2. С округлым навершьем.

Тип 1. С уступом. Вариант Б. С петелькой под шляпкой (6 экз.).
Вариант А. Не выделяется.

Тип 2. С гардой без профилировки. Вариант Б. С петелькой под шляпкой (10 экз.). Вариант А. Не выделяется.

Тип 3. С профилированной гардой. Вариант А. Без петельки под шляпкой (3 экз.). Вариант Б. С петелькой под шляпкой (1 экз.).

Класс II. Плоскорукоточные ножи.

Вид 2. Выгнутообушковые.

Подвид 3. С кольцевым навершием.

Тип 1. Без уступа (29 экз.).

Подвид 3. С кольцевым навершием. Вариант А. С тремя кнопками.

Тип 1. С гардой (2 экз.).

Тип 2. Без уступа (16 экз.).

Вид 3. Прямой.

Подвид 3. С кольцевым навершием.

Тип 1. Без уступа (9 экз.).

Подвид 4. С аркой на кронштерне.

Тип 1. Без уступа (7 экз.).

З. В. Степаненкова

(Тобольск, ТГПИ)

**ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА СОСУДОВ ЛУЧКИНСКОГО ТИПА
(по материалам городища Сергеевка-1)**

Городище Сергеевка 1, расположенное близ д. Сергеевка (Уватский район Тюменской обл.), представляет собой двуслойный памятник, верхний горизонт которого содержит материал раннего железного века, а нижний относится к эпохе поздней бронзы. Керамика, составляющая основную массу находок позднебронзового времени, представлена сосудами лучкинского типа, достаточно подробно описанного в археологической литературе (Глушков, 1991, с. 93-103). Посуда может быть подразделена на три группы (сузгунская, "рамча-

тая", ямочная), находящиеся аналоги в керамическом комплексе Лучкино 1 и характерные, видимо, для памятников этого круга.

Задачей данного сообщения является рассмотрение некоторых аспектов технологии производства лучкинской керамики.

Основная масса сосудов формовалась нетолстыми жгутами диаметром 1-2 см из глиняного теста с примесью шамста и песка, причем в процессе изготовления емкости хорошо раздавливались (средняя толщина стенки 0,5-0,6 см). Ленточный способ встречен в единичных случаях и не может быть соотнесен с каким-либо из выделяемых декоративных стандартов. Формовка обычно осуществлялась в направлении снизу-вверх, от дна к устью.

На памятнике фиксируется два способа изготовления начинов: донно-емкостный и емкостный по терминологии А.А. Бобринского (Бобринский, 1978, с. 114). В первом, наиболее распространенном случае дно навивалось спиральным способом из жгутов. Затем, не прерываясь на оформление дна, мастер навивал 1-2 кольца стенки. После этого наращивание емкости прерывалось: жгуты стенки и дна раздавливались, заглаживались, уничтожались следы примазки их друг к другу. Затем продолжалась работа по дальнейшему конструированию сосуда.

Для подобного способа формовки начинов характерны следующие признаки: массивные, толстые доньшки (0,8-1,5 см), имеющие характерный шахматный излом и хорошо заметные кольцевые утолщения; концентрические растрескивания на дне в местах соединения жгутов, такие же массивные придонные части, утончающиеся по мере наращивания емкости, характерные спаи и т. д.

Второй способ заключается во вкладывании или накладывании дна в полуготовую емкость. Сначала мастер поднимал жгутами тело сосуда на некоторую высоту (5-7 см), а затем процесс формовки прерывался для раздавливания жгутов, заглаживания поверхности. Дно вкладывалось в полужемкость изнутри или накладывалось снаружи. После этого продолжалось дальнейшее наращивание стенок сосуда.

Посуда, изготовленная этим способом, характеризуется меньшей толщиной дна в сравнении с толщиной придонной части, кольцевыми трещинами по периметру доньшка или выпадением днищ, донными валиками, образующимися из-за перегонки глины с внешней стороны стен-

ки на дно, или плохо размазанными придонными валиками, возникающими в результате примазки дна к наружной стороне стенки и т. д.

В процессе формовки сосуды обрабатывались либо гребенчатым штампом с мелкими (ширина около 1 мм) зубцами, либо твердым инструментом с ровным рабочим краем. На завершающем этапе посуда тщательно заглаживалась и подлачивалась, причем особое внимание уделялось обработке внешней поверхности изделия, на которой следы формовочных операций уничтожены практически полностью. Внутренняя поверхность также подвергалась тусклому лощению, однако, следы инструментов первичной обработки удалены не всегда, что позволяет наблюдать их в несколько деформированном виде.

В заключение отметим, что выделенные варианты формовки начинов не соотносятся ни с одним из декоративных стандартов.

Автор выражает благодарность В.Т. Галкчну за предоставленную возможность ознакомиться с материалами памятника.

Т.М. Захожая
(Тобольск, ТГПИ)

ПАМЯТНИКИ АТЛЫМСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Памятники атлымской культуры Нижнего Прииртышья представлены городищами Чилимка XIII, XXIII. Они характеризуются некоторыми отличительными чертами по сравнению с памятниками гребенчатоямочной культурной традиции эпохи поздней бронзы, расположенными в нижнем течении Иртыша.

Городища представляют собой площадку, подпрямоугольной или близкой к ней формы с четкими хорошо выраженными углами, слегка приподнятую над общим уровнем. Размеры городища Чилимка XIII составляют 30 x 25 кв. м. Площадь второго равна 20 x 25 кв. м. Неглубокие рвы могли использоваться как в качестве укрепления, так и в качестве дренажной системы. Ода памятника объединяет слабая выраженность рельефа внутренней площадки городища, на которой не фиксируются какие либо углубления - впадины или определение их затруднено.

Подобные городища можно охарактеризовать как простейшие оборонительные сооружения подпрямоугольной формы, расположенные у края бортовых террас, имеющие одну площадку со слабо выраженным рельефом (Борзунов, 1992, с. 31-33).

Жилища атлымской культуры Нижнего Прииртышья (Чилимский микрорайон) являются наземными сооружениями слегка углубленными в материк (Чилимка XIII - глубина котлована 15-20 см), что объединяет их с жилыми постройками гребенчато-ямочной культурной традиции. Но отличаются они размерами. Жилище Чилимка XIII характеризуется размером 12 x 6,5 кв. м. Общие размеры постройки памятника Чилимка XIII равняются примерно 13,5-14 x 7,5 кв. м. В обоих случаях соблюдаются определенные пропорции - отношение длины и ширины примерно равно 2/1. Площадь жилищ гребенчато-ямочной традиции колеблется в пределах 36-56 кв. м.

Жилища атлымской культуры собственно Нижнего Прииртышья имеют сходство в размерах с одной из групп жилищ, характерной для Сургутского Приобья (Чемякин, Кошаров, 1984, с. 119-121). Но в то же время большие сооружения площадью более 100 м (например, объект 107) не встречаются на территории Нижнего Прииртышья. Это, возможно, объясняется тем, что пришлое атлымское население продвигалось в этот район относительно дробными коллективами, оставившим не столь большие жилища, как в Сургутском Приобье.

Атлымский керамический комплекс отличается от гребенчато-ямочного не только формой посуды и орнаментацией, но и некоторыми чертами технологии изготовления посуды. Сосуды изготавливали жгутовым способом. Венчик оформлялся отдельной лентой-жгутом. Для придания формы сосудам использовался такой прием, как выбивка, следы которой обнаружены на керамике (Чилимка XXIII). Кроме того применялось тусклое лощение как внешней, так и внутренней поверхности.

В качестве примесей применялся песок, дресва, реже шамот. Например, в формовочную массу памятника Чилимка XXIII добавляли все эти компоненты в различной пропорции. Дресва в качестве основной примеси выступает в большинстве случаев (20). Иногда в тесто добавляют и шамот, и крупный песок, и дресву (15 случаев). В данном случае шамот и дресва выполняют одинаковую функцию, они необходи-

мы для улучшения качества глины. Но одновременное из применение говорит о неустойчивости традиций в составлении формовочных масс гончаров данного поселения. Это может объясняться тем, что носители атльмских традиций на территории Нижнего Прииртышья являлись инкультурным населением и вынуждены были приспособляться к качественным характеристикам местного сырья с шамотной технологией.

Таким образом, в начале I тыс. до н.э. на территории Нижнего Прииртышья появляется инкультурное население - носители крестовой атльмской традиции.

ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

О. Н. Хохлова

(Новосибирск, ИГиЭ СО РАН)

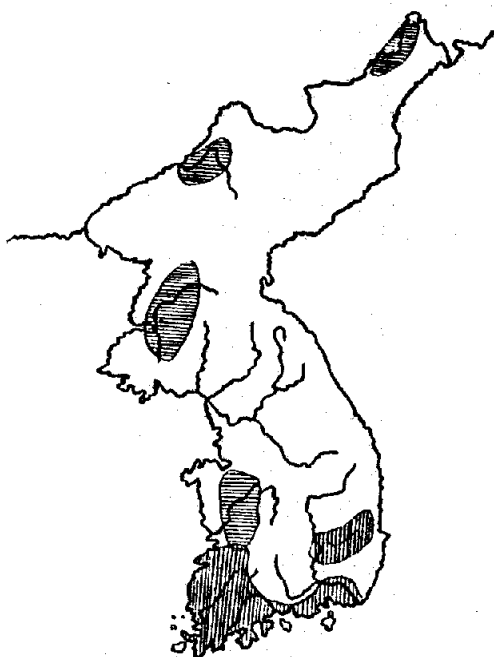
МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Древние мегалиты Кореи представлены тремя наиболее распространенными типами сооружений: менгиры, дольмены, кромлехи.

Менгиры большей частью сконцентрированы в северо-западных районах страны - у Сеула, в Алмазных горах, а также на юге, в провинции Чолла-намдо. Менгир представляет собой отдельно стоящий камень, установленный вертикально. Впоследствии на некоторых из них были высечены статуи будд, и они получили название - миреки.

Кромлехи - выложенные кольца из камней вокруг курганов. На территории центральной и северной Азии они отмечены в широком археологическом диапазоне.

Дольмены являются наиболее распространенным типом мегалитических сооружений. Они встречаются почти во всех частях полуострова, кроме В. Воробьев, 1961). В северо-западной части Кореи обнаружено около 15000 дольменов, в юго-западной части 13000. Некоторые дольмены представляли собой отдельно стоящие комплексы, однако большинство из них находилось в группах от 3 до 12 сооружений, а иногда достигает 50 конструкций. Такие группы располагаются на

- - *дольмены южного типа и типа "каменной шапки";*
- - *концентрация дольменов всех типов.*

холмах, по берегам рек, на южных склонах гор, в центре больших равнин. Корейские археологи выделяют три типа больших дольменов: Северный тип, Южный тип, тип "каменной шапки" (Rhee song_Nai, 1992).

Северный тип дольменов находится в основном на северо-западе Кореи. Они имеют камеру из 4-5 вертикальных плит и крышу в виде плоской глыбы (в Корее используется термин "каменная шапка").

"Каменные шапки" самых больших дольменов северного типа достигают 8,5 м (дольмен из Квансан-ни), однако большинство из них имеют половину этих размеров и меньше.

Южный тип дольменов встречается по всему полуострову. Они состоят из подземных погребальных ям и надмогильного сооружения. Погребальные ямы имеют различные формы: в виде каменного ящика, выложенного из крупных плит; в виде ящика, стенки которого представляют собой несколько рядов булыжников; обычные земляные ямы. Надмогильное сооружение сделано из нескольких каменных глыб, которые поддерживают наиболее крупную.

Тип "каменной шапки" расположен на территории всего полуострова и на севере, и на юге. Дольмены состоят из подземных ям и больших "каменных шапок", находящихся непосредственно на земле. Подобные надгробия можно принять за натуральные скалы и валуны. Погребальные ямы выложены булыжниками.

Большинство надстроек слишком малы для того, чтобы поместить взрослого человека. Это объясняется вторичным характером захоронения (M.L. Choi, 1984). Интересно, что такой обычай до сих пор практикуется в Южной Корее (S.N. Rhee, M.L. Choi, 1992) и северо-востоке Азии (Ro1, 1963).

В Корее вторичные погребения встречаются в районе юго-западного побережья, где южный тип дольменов и тип "каменной шапки" имеют наибольшую концентрацию (M.L. Choi, 1984).

Все погребенные в дольменах сопровождался инвентарем. Северный тип представлен мумунской керамикой, полудунными ножами, каменными кинжалами, каменными наконечниками стрел, теслами (Sok, 1979).

В дольменах южного типа "каменной шапки" обнаружены мумунские кувшины с просверленными ободками. Каменные кинжалы с цельной ручкой, каменные наконечники стрел, красные полированные горшки (W.Y. Kim, 1974).

Главной проблемой, касающейся корейских дольменов, является установление их твердых датировок. Радиосербоновый анализ выявил следующие хронологические параметры: от 3900 л.н. \pm 200 и 2360 л.н. \pm 60 (M.L. Choi, 1982). Корейские археологи считают, что самые ранние дольмены появились не ранее 3300 л.н. В работах оте-

чественных археологов (Воробьев, 1961, Морковин, 1978) подобные памятники относятся к корейской культуре эпохи бронзы, которая датируется IV-II в. до н.э.

В свете последних исследований, подтверждающих одновременность существования корейских дольменов северного типа и европейских (Кавказ) можно поставить проблему исторической сути подобного феномена, для чего необходимо провести углубленные исследования по корреляции Европейских и Азиатских памятников, а также сопоставление погребального инвентаря. В перспективе, возможны (и желательны) построения более широких корреляций, включающих Северо-Европейский и Африканский регионы.

Е. А. Киселева
(Новосибирск, НГПУ)

В ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ ЯЕЙ (общие сведения)

Культура яей относится к бронзовому-железному векам Японии, смекает неолитическую культуру Дзёмон. Ее начало связано с усилением влияния сначала бронзы, затем и железа, гончарного круга, цист и кувшинных захоронений, а также разведение риса и овоеобразный антропоморфный тип погребенных.

Вопрос о хронологических рамках культуры яей остается спорным. Если верхняя граница определяется довольно четко - III-IV вв. н.э. - время складывания первого японского протогосударства Ямато, то по поводу нижней границы существует несколько точек зрения: около 250 г. до н.э. (У. Брей, Д. Трамп, 1990, с. 298), 300 г. до н.э. (Sahara Makoto, 1986), V в. до н.э. (Н.А. Иофан, 1974, с. 20). После продолжительной дискуссии японские ученые предлагали считать периодом яей время начала возделывания риса, а керамику, встречающуюся в соответствующих памятниках, называть керамикой типа яей.

Происхождение культуры яей традиционно связывается с континентальным влиянием, с Южной Кореей. Доказательством этого служат

каменные орудия континентального типа (ножи, топоры, наконечники стрел и копий) и набор ритуальных бронзовых предметов (кинжалы, алебарды, зеркала, колокола), характерные для Корейского полуострова (Sakara Makoto, 1986, с. 37; Н. А. Иофан, 1974, с. 23).

Культура яей проникла далеко на север Японии, но расцвета весь культурный комплекс достиг только на северном Кюсю. На северо-востоке, в Центральной Японии, преобладают элементы местной традиции. Во время периода яей жители островов Хоккайдо и Рюкю продолжали следовать жизни охотников и собирателей, хотя по последним данным можно говорить о наличии элементов культуры яей и там (Sahara Makoto, 1986, с. 48).

Основная черта культуры яей - каменные артефакты континентального и местного происхождения. К континентальным относятся полированные каменные орудия, вошедшие в употребление в первой половине периода яей. Это топоры для валки леса, тесла и каменные жатки. Кроме них были в ходу и ретушированные каменные наконечники стрел и ножи, унаследованные от эпохи Дзёмон.

Для культуры яей характерно применение ткацкого станка, внезапное и быстрое распространение вязанной одежды (Sahara Makoto, 1986, с. 37).

Культура яей была основана на влажной культивации риса. Об этом говорят остатки полей-падди, которые обнаружены по всему ареалу распространения культуры яей. До недавнего времени считалось, что жители северного Кюсю избежали возделывания риса, и поэтому можно различать культуру яей на Кюсю и в Центральной Японии. Но археологические исследования последних лет опровергли эту точку зрения.

Характерная черта культуры яей - бронзовые церемониальные предметы - кинжалы, алебарды, колокола и зеркала. Считается, что религиозный ритуал Северного Кюсю носил ярко выраженный военный характер, что подтверждают мечи и кинжалы, найденные как в погребениях, так и в местах совершения религиозных обрядов (Н. А. Иофан, 1974, с. 25).

Много вопросов вызывает культ колоколов дотаку. Происхождение дотаку связывают с маленькими колоколами Корейского полуострова или с китайским колоколом "жонг" без языка, по которому ударяли

снаружи. Применение дотаку признается ритуальным, поскольку чаще всего их находят в святилищах или рядом с ними (Н. А. Иофан, 1974, с. 26).

Что касается погребального обряда, то для культуры яей характерны захоронения в каменных ящиках или кувшинах.

Керамика яей представлена разнообразным по форме горшковидным и баночным сосудом, как правило, лишенным орнаментации. Она имеет аналогии на материке и разительно отличается от автохтонной культуры Дземон.

Е. Б. Долговесова
(Новосибирск, НГУ)

ИЗОБРАЖЕНИЯ ФАЛЛОФОРОВ НА ПЕТРОГЛИФАХ АЛТАЯ И ЕНИСЕЯ

Среди многочисленных наскальных изображений Южной Сибири выделяются своеобразные антропоморфные рисунки. В работах Е. А. Окладниковой они названы фаллофорами.

Эти рисунки выполнены точечной выбивкой. Для них характерно изображение человеческих фигур с подчеркнутыми признаками пола. Они встречаются в композиции с различными изображениями животных и геометрических фигур. Поскольку в Минусинской котловине фаллофоры часто изображались на плитах оград тагарских курганов, есть основания отнести эти рисунки к раннему железному веку.

Рисунки фаллофоров схематично передают фигуры людей. У них изображена округлая голова, прямой вертикальной линией туловище. Руки и ноги разведены в стороны. Иногда руки согнуты в локтях, ноги согнуты в коленях. Между ног изображен гипертрофированный фаллос.

Изображения напоминают фигуры людей в позе адорации.

Какие-либо реалии изображались редко. Иногда это головные уборы или прически, руки и ноги с растопыренными пальцами, фаллосы с тестикулами.

Нередко фигуры фаллофоров изображены по несколько персонажей в один или несколько рядов.

Эти рисунки в составе подобных многофигурных композиций принято интерпретировать в качестве изображения ритуальных танцев в честь культов плодородия. Подобную трактовку аналогичных изображений предлагал А.П. Окладников.

Ритуальные танцы, связанные с идеями продолжения рода, плодovitости и стабильности родовых сообществ, могли иметь эротическую окраску, поэтому танцоры изображались с подчеркнутыми половыми признаками, гипертрофированными фаллосами и тестикулами.

Труднее интерпретировать изображения фаллофоров в композиции с копытными животными, охотниками с луками, собаками или рисунки фаллофоров на льжах, в ситуациях, когда исполнение эротических танцев выглядит неуместным.

Возможно, в этом случае изображение фаллофора должно способствовать воспроизводству и стабильности поголовья диких копытных в качестве основных объектов охоты. В ряде случаев подчеркнутый признак пола мог маркировать изображение, демонстрируя его принадлежность к определенной родовой группе, поскольку обозначение каких-либо этнографически значимых реалий с помощью техники точечной выбивки было затруднено.

А. С. Чеботарев

(Новосибирск, НГПУ)

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В курганных могильниках большереченской культуры в Новосибирском Приобье встречены костяные и единичные бронзовые наконечники имели небольшие размеры. Часть из них втульчатые, копирующие форму бронзовых, остальные черешковые. Стрелы с такими наконечниками использовались при стрельбе из лука скифского типа. Различие в форме наконечников можно объяснить использованием в разных целях: втульчатые - боевые, черешковые - охотничьи или универсального назначения.

В III-I вв. до н. э. число наконечников резко возрастает, наблюдается большое разнообразие в их размерах. Они колеблются в

пределах от 3 до 14 см (Сидоров, 19⁹⁹, с. 22). Сохраняются различия по способу крепления к древку. Имеются различия и в диаметре насадов, а следовательно, и в длине стрел. В I.I-I вв. до н.э. у большебереченской культуры появляется лук больших размеров, что, возможно, связано с влиянием кулайской культуры, население которой использовало крупные бронзовые и костяные наконечники стрел (Троицкая, 1981, с. 24), и элементы которой прослеживаются в инвентаре погребений большебереченской культуры (орнаментация керамики, подвеска с головой лося в кулайском стиле и др.).

Наконечники III-I вв. до н.э. можно условно разделить на 4 группы: первая группа - боевые - втульчатые, небольших размеров, копирующие форму бронзовых, имеющие диаметр насада 5-6,5 мм; вторая - универсальные - черешковые, небольших и средних размеров с диаметром насада 5-6,5 мм, использовались для стрельбы из лука скифского типа; к третьей группе относятся универсальные наконечники с диаметром насада 7-9 мм, средней длины (5-7 см), среди них есть один зажимной (Троицкая, 1983, с. 35, рис. 2, 7); четвертая группа - охотничьи - размеры больше 7 см, имеющие диаметр насада 7-9 мм и больше. Для наконечников длиной 14 см и больше не исключена возможность использования при охоте с самострелом.

В могилах II-I вв. до н.э. небольшие наконечники не встречаются, что, возможно, связано с исчезновением лука скифского типа и с заменой луком больших размеров.

И.И. Лебедев, В.И. Макула, А.Л. Злика
(Красноярск, КГУ)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ Р. ЕНИСЕЙ

В 1993 году по заданию НПЦ по охране памятников истории и культуры отрядом Лаборатории Археологии Красноярского Педагогического Университета были проведены спасательные раскопки кургана у с. Маринино Курагинского района Красноярского края.

Во время прокладки автодороги Курагино - Маринино насыпь кургана была срезана.

В результате раскопок на дне могильной ямы глубиной 1.25 м. размерами 2,8х2,8 (по срубу) были обнаружены кремированные останки десяти погребенных. По всей вероятности могила была ограблена еще в древности.

Погребальный инвентарь кургана представлен: семью глиняными не орнаментированными сосудами баночной формы и набором бронзовых и берестяных изделий (31 экземпляр).

Бронзовые изделия представлены двумя оленными бляхами, зеркалами (5 экз.), ножами (8 экз.), шильями (2 экз.), двумя чеканами, полусферическими бляшками, стилизованными фигурами кошачьих хищников (9 экз.), двумя ПНН (предмет неизвестного назначения), гривной, пластиной. Так же был найден набор пастовых бусин и одна тисненая бусина из сердолика берестяные изделия.

Особенности погребального обряда коллективного захоронения - труположение с последующим сожжением погребальной камеры, характерным для саргашенского этапа, тагарской культуры. Бронзовые изделия (оленные бляхи, чеканы, ножи, зеркала) также указывают на данный возраст памятника. Вместе с тем наличие таких изделий как цельнолитая гривна, стилизованные фигурки кошачьих хищников, предмет неизвестного назначения, тисненая бусина свидетельствуют о более позднем возрасте захоронения. Таким образом, данный памятник можно датировать IV-II вв. до н.э.

Дальнейшие исследования в глубинных лесостепных и подтаежных районах правобережья реки Енисей позволяет выявить характерные региональные особенности тагарской культуры данного региона.

Т. А. Хурба

(Новосибирск, НГПУ)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РАННЕМУ ЭТАПУ ПАЗЫРЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На территории Горного Алтая исследовано уже довольно много памятников, характеризующих культуру ранних кочевников. По типам вещей и деталям погребального обряда их можно разделить на три последовательных хронологических этапа.

Средний - пазырыкский этап наиболее полно изучен на Алтае. Памятники VI-начала II вв. до н.э., объединяемые в пазырыкскую культуру подразделяются на три последовательных хронологических группы. Это конец VI-V вв., V-IV вв., III-начало II вв. до н.э., различающихся деталями погребального обряда и инвентаря.

Число памятников, относящихся к VI-V вв. до н.э., невелико, и поэтому обнаружение новых объектов этого периода, т. е. переходных от майэмурского к пазырыкскому этапу представляет значительный интерес, т. к. вводит в научный оборот новые данные. Кроме того, рассмотренный материал позволяет затронуть еще одну проблему этнокультурного соотношения памятников пазырыкского и кара-кобинского типов.

Курганы № 23 и № 24 (II) могильного комплекса Кальджин-6 на плоскогорье Укок можно с уверенностью отнести к периоду VI-V вв. до н.э. Об этом свидетельствует погребальный инвентарь. В кургане № 23 был обнаружен осколок бронзового зеркала с бортиком, относящийся к разряду уменьшенных зеркал и датирующийся VIII-VI вв. до н.э. (Степная полоса Азиатской части СССР в скифско-сарматское время. М., 1992, с. 165). Найденный в кургане № 24 (II) биметаллический нож подтверждает датировку, т. к. относится к V в. до н.э. (А.И. Соловьев). Здесь же было обнаружено бронзовое зеркало, датирующееся V-IV вв. до н.э. Подобные зеркала с горизонтальной петлей-скобой с тыльной стороны, не характерны для территории Алтая, но являются типичными для Казахстана, что может свидетельствовать о существовании связи между этими территориями и взаимных влияний.

Особый интерес представляет обнаружение впускного погребения в кургане № 24. Оно вероятнее всего относится к кара-кобинскому типу погребений, известных по памятникам Булан-Кобы IV, Балкыткуль на Среднем Чулышмане и Кок-Паш на Нижнем. Материалы памятника Булан-Кобы IV и погребения № 1 кургана № 24 позволяет говорить об их сходстве по многим параметрам погребальной обрядности: 1 - устройство прямоугольного каменного ящика; 2 - ориентация по продольной оси 3-В (В-3); 3 - в большинстве случаев это одиночные погребения; 4 - это погребение по обряду труположения на спине; 5 - небольшая глубина могильных ям; 6 - скудность инвентаря.

Эти данные позволяют предположить, что погребение № 1 кургана № 24 относится к Булан-Кобинскому типу памятников. Они дополняют известные материалы об этой группе памятников.

Д. В. Коваленко, П. В. Мандрыка
(Красноярск, КГПУ)

**НОВЫЙ МОГИЛЬНИК СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
В ПОДТАЕЖНОЙ ЗОНЕ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ**

Могильник Усть-Шилка 2 расположен в 238 км ниже г. Красноярска на 16-метровой приустьевой левобережной террасе р. Шилка. Памятник находится в створе Казачинского порога на Енисее. Стационарными раскопками 1993 года вскрыта площадь 283 кв. м. При расчистке контактного слоя между подперной серой и коричневой супесями обнаружены три погребения и археологический материал в межмогильном пространстве.

Могильные ямы погребений № 2 и № 3 имеют овальную форму, вытянутую с ССВ на ЮЮЗ. Могильная яма погребения № 1 представлена округлой формой. Это погребение выполнено в обряде кремации. Погребения № 2 и № 3 – в обряде труположения с частичным обожжением на стороне. Костяки последних погребенных покоились на спине в вытянутом положении головой на ЮЮЗ. У обоих погребенных отсутствуют кости туловища (ребер и позвоночника), таза и коленные чашечки. Несмотря на это, костяки лежат в анатомически правильном порядке.

Инвентарь погребения № 1 представлен: железными пластинами, возможно, остатками антропоморфного изображения (?); обломком бронзового кельта; и фрагментами керамики. В погребении № 2 зафиксированы бронзовые: два прямых однодырчатых ножа с резной спиралью на рукояти вокруг отверстия; игла с петлеобразным ушком; одношляпковое шило с четырехгранным в сечении стержнем; ажурная бляшка; колоколовидная подвеска; две бусины. А также подвески из зубов марала и пастовые бусинки. При расчистке погребения № 3 обнаружены: фрагмент железного кольца, возможно, остатки рамчатой

пряжки; бронзовые - клиновидный двуушковый кельт, - одношляпковое шило с короткой шейкой и квадратным в сечении стержнем, - выпуклообушковый петельчатый нож, - лепестковая бляшка. А также, бронзовые, каменные и пастовые бусины.

Планиграфическое распространение находок в межмогильном пространстве показало наличие сосудов возле могильных ям. Около могильной ямы погребения № 2 находился сосуд-дымокур, возле погребения № 3 - горшковидный сосуд, а у могильной ямы погребения № 1 - сосуд с уплощенным дном. Сосуд-дымокур имеет три налпных язычковидных ушка, которые располагаются по системе: одно - под краем венчика, два других - в придонной части. Все сосуды, найденные возле могил формовались способом выколачивания стенок "рубчатой" или "вафельной" колотушкой. Описанные сосуды находят аналогии в керамических комплексах поселений Шепилево (2 к.с.), Бобровка (6 к.с.), Нижняя речка (1 к.с.), Савино (6 к.с.), Нижнепорожинское-I (1 к.с., уровень "Б") и в Нижнепорожинском могильнике, датированным V-III веками до н.э.

Раскопки нового могильника в подтаежной зоне Среднего Енисея показали своеобразие культуры местных племен в скифское время. Отсутствие надмогильных сооружений и костей туловища умерших, частичное обожжение или полная кремация трупов вне могилы, ориентация могильных ям с одной стороны сближает данные погребения с материалами эпаньской археологической культуры Северного Приангарья (Привалихин, 1989, с. 189). С другой стороны, наличие бронзовых двуушковых кельтов, однодырчатых и петельчатых ножей, шляпковидных шильев и петлеобразноушковых игл указывает на влияние лесостепного тагарского населения. Керамические сосуды указанного шепилевского типа имеют территориальное распространение по Среднему Енисею от Красноярской лесостепи до таежной зоны Нижней Ангары. Указанными границами, очевидно, следует очерчивать распространение культуры, представленной материалами Усть-Шилкинского могильника.

Анализ сопроводительного инвентаря позволяет предложить следующую датировку погребений. Погребение № 1 - V-II вв. до н.э., погребение № 2 - VII-VI вв. до н.э., погребение № 3 - V-III вв. до н.э. В эти хронологические рамки, т.е. с VII по II вв.

до н. э., следует укладывать образование могильника и время существования культуры.

По наличию железных изделий в погребениях, правомерно поставить вопрос о начале широкого распространения железа в подтаежной зоне Среднего Енисея с V-III вв. до н. э.

Дальнейшие работы на памятнике позволят дополнить и уточнить предложенные выводы.

А. Б. Шакин, Я. В. Фролов
(Барнаул, АГУ)

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ОКРЕСТНОСТЯХ Г. БАРНАУЛ

Летом 1993 г. археологической экспедицией АГУ проводились выездные раскопки грунтового могильника Фирсово XI, в результате которых были получены материалы различных эпох, в том числе интересная серия могил, относящиеся к эпохе раннего железа.

Могильник Фирсово XI был открыт в 1977 г. В. Б. Бородаевым и А. Л. Кунгуровым. В 1979 г. одно ярусное погребение было раскопано В. Б. Бородаевым, который предварительно датировал его последними веками до н. э. - первыми веками н. э. (Бородаев В. Б., отчет, 1980). Летом 1993 г. нами на площади могильника заложено три раскопа, в двух из которых (№ 1 и № 3) были обнаружены шесть погребений, относящихся к эпохе раннего железа. Также, возможно, к эпохе раннего железа относится несколько разгр. Зленных могил, датировать которые установить довольно трудно, но их размеры и ориентация позволяют предполагать, что они относятся к этому же времени.

Погребенные в могилах описываемого времени были положены в прямоугольных или подпрямоугольных ямах, вытянуто на спине, головой в западный сектор. В двух случаях на юго-запад, в двух - на запад и в двух - на северо-запад. Глубина могильных ям варьирует в пределах 50-162 см от дневной поверхности, а размеры их - в пределах 122-240x63-140 см.

В пяти погребениях прослежены деревянные конструкции. Это остатки обкладки, рамы из досок на дне могилы (в трех случаях) или бревенчатого сруба - в остальных могилах. В могиле № 2 раскопа № 1 прослежено продольное и поперечное перекрытие из толстых плах или брусков, а в могиле № 4 раскопа № 3, вероятно, остатки бревенчатого наката.

Подобный способ сооружения могил находит многочисленные аналогии прежде всего в грунтовых могильниках Барнаульского Приобья раннего железного века (Староалейка II, Малый Гоньбинский кордон I, Обские плесы II, Фирсово XIV, Ближние Елбаны III, VII, XIV), которые датируются в пределах VI-III в. до н. э. (Абдулганеев, Кунгуров, 1980; Кирышин, 1984). Способ погребения умерших в этих могильниках отличался большой устойчивостью. Погребенные укладывались здесь вытянуто на спине, головой на юго-запад. В могильных ямах часто применялись деревянные конструкции, состоящие из дощатой рамы и дощатого же продольного и поперечного перекрытия. Следует отметить, что к концу периода бытования данного обряда (IV-II вв. до н. э.) наблюдается некоторая переменность в ориентации умерших. Они часто укладывались головой как на запад, так и на юго-запад. В погребениях появляются бревенчатые срубы и бревенчатые накаты (Абдулганеев, Кунгуров, Фролов, 1994). Подобный погребальный обряд характерен и для описанного могильника.

Состав погребального инвентаря могильника небогат. Это каменный оселок серого цвета со сквозным отверстием, типичный для памятников раннего железа, костяная круглая пряжка со сквозным отверстием, пастовые бусы, шесть керамических сосудов и т. д. На некоторых предметах инвентаря из могильника Фирсово XI следует остановиться подробнее: семь костяных черешковых наконечников стрел обнаружены в одном из погребений могильника. Они лежали кучкой в ногах скелета. Длина наконечников 10-12 см. В сечении они подтреугольной формы. Костяные черешковые наконечники стрел являются распространенной находкой в материалах памятников, датируемых от эпохи бронзы до эпохи железа включительно. Обращают на себя внимание крупные размеры этих наконечников. В Верхнем Приобье наконечники стрел подобных размеров известны с переходного времени от бронзы к железу. Они обнаружены в могильниках: БЕ VII,

Бобровском грунтовом могильнике, на поселениях: БЕ I, Мыльниково, Бобровском поселении, Елунинском культовом месте. Вообще, для памятников переходного времени характерно наличие большого числа костяных наконечников стрел. Так, только на поселении Мыльниково их обнаружено более 140. В более позднее время в VI-IV вв. до н.э. количество находок костяных наконечников стрел уменьшается и все известные нам наконечники небольших размеров от 5 до 10 см. Вновь крупные наконечники стрел появляются в памятниках III-I вв. до н.э.: Масляха I (Могильников, Уманский, 1992); Ордынское I (Троицкая, 1983); Каменный мыс (Троицкая, 1979) и т. д. В. А. Могильников и А. П. Уманский считают, что крупные размеры описываемых наконечников стрел "говорят скорее за конец III-I вв. до н.э." И распространение их связано с появлением в это время в Западной Сибири сложного лука с костяными накладками гуннского типа (Могильников, Уманский, 1992). Е. А. Сидоров также отмечает, что наибольшее распространение крупные черешковые наконечники стрел получают в III-II вв. до н.э. (Сидоров, 1989).

Другой интересной находкой является сосуд из могилы № 13, который представляет из себя закрытую банку, украшенную по венчику отпечатками, штампами, образующего елочку. Нижняя часть этого сосуда оформлена в виде конического поддона. Находки подобных сосудов для Верхнего Приобья довольно редки. Один кубковидный сосуд (на поддоне), найден нами на поселении переходного времени Мыльниково. Изготовление этого сосуда связано, по-видимому, с традициями эпохи поздней бронзы и указывает скорее всего на связи с Казахстаном. В памятниках VI-V вв. до н.э. Барнаульского Приобья находки подобных сосудов нам неизвестны. Некоторое количество их найдено в памятниках IV-III вв. до н.э. в Новосибирском Приобье: Ордынское I (Завитухина, 1968), Новый Шарп I (Троицкая, 1972), 1980), Почла 3 (Адамов и др., 1990). Больше они распространены в Верхнем Приобье в памятниках III-I вв. до н.э., это: Масляха I (Могильников, Уманский, 1992), Быстровка I (Троицкая, 1983), Новотроицкое I (Уманский, 1992), Раздумье IV (Киришин, Уманский, Углов, Шамшин, 1990), Ордынское I (Троицкая, 1973), Каменный мыс (Троицкая, 1979) и т. д. Мы датируем начало распространения сосудов с поддоном - IV в. до н.э. в связи с тем, что считаем их го-

явление в Верхнем Приобье связанным с широким распространением их с IV в. до н. э. на востоке, в памятниках тагарской, а затем и Таштыкской культур (Вадецкая, 1986; Киселев, 1951; Кыласов, 1960; Грязнов, 1971; Завитухина, Грязнов, Пшеницына, 1979).

В парном захоронении № 3 раскопа № 3 могильника Фирсово XI, где были обнаружены костяки взрослого и ребенка, в районе головы скелета ребенка лежали аккуратной кучкой пять просверленных астрагалов барана. Наиболее близкой является находка в одном из погребений могильника Фирсово XIV, также в парном погребении взрослого и ребенка. На груди у взрослого так был обнаружен просверленный астрагал. Также несколько астрагалов было найдено в детском погребении на БЕ II (Грязнов, 1956). Железные ножи, найденные в могилах раннего железного века могильника Фирсово XI (4 экз.) также появляются в памятниках Верхнего Приобья с IV в. до н. э.

Таким образом, погребения раннего железного века могильника Фирсово XI, по нашему мнению, следует датировать IV-II вв. до н. э., а скорее всего - III-II вв. до н. э. Этот могильник интересен еще и тем, что находится в 1 км от другого грунтового могильника раннего железного века - Фирсово XIV, датирующегося V-IV вв. до н. э. В этом могильнике бытуют еще исключительно бронзовые ножи. Погребальный обряд, керамический материал этих могильников очень близки. По нашему мнению, могильники Фирсово XIV и Фирсово XI оставлены родственными группами населения. Некоторые отличия как в погребальном инвентаре, так и в устройстве могил, вероятно, обусловлены, во-первых, хронологическими изменениями; во-вторых, влиянием на население Фирсовского микрорайона III-II вв. до н. э. других групп населения, оставивших памятники каменной культуры и памятники раннего железного века Новосибирского Приобья.

Могильник Фирсово XI, по-видимому, следует относить к группе памятников раннего железного века Барнаульского Приобья, которую В. П. Алехин называет староалейским типом памятников большереченской культуры (Алехин, 1986), но как уже было отмечено нами, мы не склонны рассматривать эту группу памятников в рамках единой большереченской культуры (Шамшин, Фролов, 1994).

Ю. Н. Гаркуша, В. С. Худяков
(Новосибирск, НГУ)

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА МОГИЛЬНИКЕ ЧАСТЬ-ЭДИГАН

Вопросы формирования на базе пазырьской, культуры хуннского времени в Горном Алтае приобрел особую актуальность в связи с изучением памятников первой половины I тыс. н.э. Длительное время они рассматривались на материалах шибинского этапа, датируемых II-I вв. до н.э.; В результате пересмотра хронологии кургана Шибереяд исследователи предлагают удревнить датировку завершающего этапа культуры ранних кочевников. Большинство специалистов предполагают наличие генетической преемственности между населением скифского и хуннского времени Горного Алтая. В то же время отмечается приток пришлого населения из других территорий.

В настоящее время мнение о преемственности культур скифского и хуннского времени на Алтае можно дополнить планиграфическими наблюдениями. В процессе планомерных раскопок могильника Усть-Эдиган на Средней Катуне, относящегося к хуннскому времени, в центральной части могильного поля обнаружены объекты позднескифского времени. Особый интерес из них представляет курган № 74. Он имеет кольцевую, сильно задернованную насыпь из валунов и мелкой гальки, диаметром - 10 м., высотой - 0,1 м. В центре пологая, поросшая кустарником, интенсивно задернованная западина. Яма заполнена валунами и мелкой галькой. На глубине 0,6 м находилось перекрытие из массивных валунов и скальных обломков. Среди камней перекрытия развал колотых костей взрослого человека. Возможно, это жертвенное захоронение.

На дне могилы находилось коллективное захоронение 4 человек, двух взрослых и двух подростков. Вдоль южной стенки лежал скелет мужчины, на спине с согнутыми в локтях руками и согнутыми в коленях ногами. У бедра находился votивный бронзовый кинжал, у правой руки и левой голени два роговых трехгранных наконечника стрел.

В центре могилы лежал скелет женщины на правом боку, руки вытянуты, ноги согнуты в коленях. Возле кистей рук votивное бронзо-

вое зеркало. Рядом с черепом позвонки овцы. Вдоль северной стенки лежали скелеты двух подростков на спине, с согнутыми в коленях ногами. Часть костей смещена. В головах находились позвонки двух овец и обломок железного ножа. Все скелеты ориентированы головой на ЮВ. За головами погребенных вдоль стенки могильной ямы находилось 4 лепных сосуда. Три из них кувшины с высоким горлом, у четвертого сосуда на горловине имеются с двух сторон арочные рельефные валики и отверстия для подвешивания.

Конструкция надмогильного и внутримогильного сооружения, характер погребальной обрядности и облик сопроводительного инвентаря позволяют отнести исследуемый объект к позднескифскому времени.

Необычен для пазырыкской культуры коллективный способ захоронения в грунтовой яме без коня. В Горном Алтае подобные памятники встречаются в юго-восточных районах, на границе с Тувой, на территории которой была распространена саглынская культура, для которой такой погребальный обряд вполне типичен.

Судя по этим данным, могильник Усть-Эдиган начал функционировать в позднескифское время. Он принадлежал одной из групп кочевников, продвинувшихся в среднее течение Катуня из юго-восточного Алтая и Восточного Казахстана под давлением хуннов.

Процесс трансформации культуры произошел в период обитания данной группы в долине Катуня. В результате инноваций существенно изменился облик вооружения, поясного набора, украшений и других престижных элементов культуры. Заимствования прослеживаются из хуннской и сарматской культур. Все эти изменения фиксируются в объектах хуннского времени на могильнике Усть-Эдиган.

В. С. Миронов
(Новосибирск, НГУ)

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

В 1980-х - нач. 90-х гг. в ходе археологических работ в бассейне среднего течения р. Катуня был исследован ряд памятников,

относящихся к позднескифскому (Шибинскому) этапу Пазырыкско-Кубаревской культуры. Среди них могильники Бике 1, исследованный Кубаревым В. Д., Киреевым С. М.; Айрыдаш III (Кочеев), Ороктой, Ороктой-Эке и Усть-Эдиган (Худяков, Скобелев, Мороз). Материалы полученные в ходе работ (данные планиграфического анализа и сравнительного наблюдения над погребальной обрядностью), могут быть использованы для систематизации археологического комплекса позднескифского времени Горного Алтая, что в свою очередь делает возможным решение вопроса о генетической преемственности пазырыкской и булан-кобинской культур, об участии в культургенезе булан-кобинцев, хуннов и сармат (в результате сравнительного анализа обеих культур). Это еще раз подтверждает вывод Д. Г. Савинова, Ю. Т. Мамадакова и ряда других исследователей о том, что булан-кобинская культура сформировалась на местной, т. е. пазырыкской, основе, а пазырыкское население продолжало жить на территории Горного Алтая вплоть до рубежа эр.

Большой интерес представляет изучение эволюции погребального комплекса пазырыкской культуры на Шибинском этапе (III-I вв. до н. э.). В нем можно проследить элементы как старой скифской, так и новой, хунно-сарматской культур. Но появляется и ряд особенностей, не встречающихся ранее и несвязанных с инокультурным влиянием. К ним относятся сооружение сруба уже не "в обло с остатком", а "в лапу", иногда из тонких жердей, появление безынвентарных погребений "домашних рабов" с западной ориентацией и кенотафных захоронений, распространение железных предметов и вотивизация сопроводительного инвентаря. Можно полагать, что изменения в погребальной обрядности ранних кочевников в сторону упрощения конструктивных особенностей надмогильных и внутримогильных сооружений, а также положения умерших и сопроводительных захоронений коней и инвентаря начались еще в позднескифское время под воздействием как внешних культурных импульсов, так и внутренней эволюции пазырыкской культуры. В предметном комплексе изменения происходили не так заметно из-за устойчивости традиции использования в погребальной обрядности бронзовых, прежде всего вотивных, вещей, не характерных для хуннской культуры. Новые данные свидетельствуют о том, что пазырыкская культура существовала вплоть

до I в. до н.э. Политические события в Центральной Азии на рубеже II-I вв. до н.э. не привели к полному ее исчезновению, она только вступила на качественно новую ступень дальнейшего развития, органично и постепенно войдя затем в новую булан-кобинскую культуру гунно-сарматского облика.

С. Д. Ведянин
(Барнаул, АГУ)

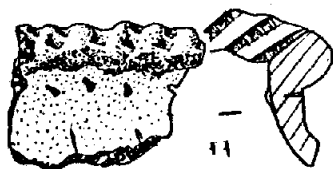
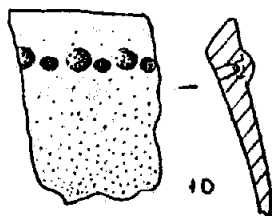
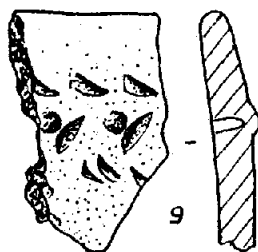
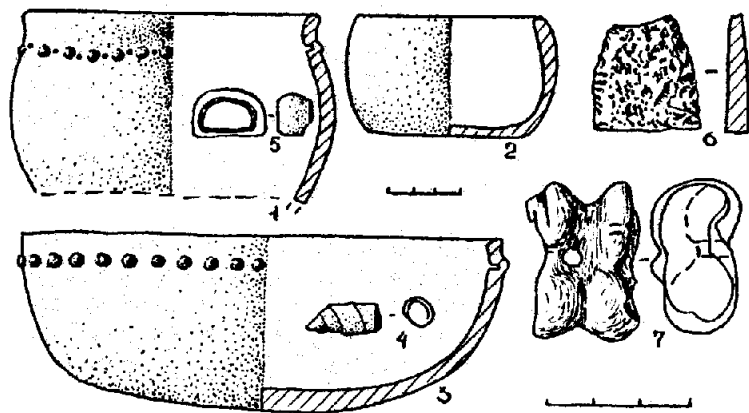
СБОРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ОБСКИЕ ПЛЕСЫ-I И ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ОБСКИЕ ПЛЕСЫ-II В 1993 г.

Поселение Обские Плесы-I известно с конца 50-х годов. Расположено в окрестностях с. Бобровка Первомайского района, на коренном берегу р. Обь, у кромки бора, в 2 км к ЮЗ от села. Протяженность памятника по берегу 0,3-0,4 км. Обские Плесы-II находятся в 0,4 км к Ю от поселения Обские Плесы-I. Поверхность памятников местами изрезана широкими ложбинами и интенсивно раздувается, что ведет к разрушению культурного слоя.

Многие исследователи в разные годы проводили сбор подъемного материала с разрушающейся части памятников (Шамшин, Ведянин, 1993, с. 163-167).

Данная работа посвящена публикации сборов подъемного материала в 1993 г. Подъемный материал с многослойного поселения Обские Плесы-I представлен фрагментами керамических сосудов эпохи железа - 87 фрагментов, из них 76 относятся к эпохе раннего железа - VI-III вв. до н.э., а остальные нами отнесены к эпохе средневековья.

Материалы эпохи раннего железа на поселении Обские Плесы-I преобладают. Это сосуды баночной формы с прямым либо округлым срезом венчика. Преобладающий - жемчужник, нередко разделенный ямками (рис. 10) или отпечаткач уголка лопаточки (рис. 8). К эпохе средневековья нами отнесены: фрагмент венчика с валиком орнаментированный отпечатками гребенчатого штампа по валику и с ямочками под ним (рис. 11), а также венчик орнаментированный по

Сборы: 1-5,7 грунтовый могильник Обские плесы-2; 6,8-13 поселение Обские плесы-1; 1-3, 8-12 керамика; 4,5 бронза; 7 кость; 6,13 камень

сырой формовочной массе видимо углом орнаментира и по внутреннему срезу венчика украшенный насечками (рис. 12). Кроме фрагментов керамики нами найдены: обломок галечного орудия (рис. 13) и обломок каменного наконечника стрелы (рис. 6).

Подъемный материал с грунтового могильника Обские Плесь-II представлен реконструкциями сосудов раннего железного века: это горшковидный сосуд орнаментированный жемчужником разделенным ямками (рис. 1), неорнаментированной закрытой банкой (рис. 2) и плоской украшенной по венчику жемчужником (рис. 3). Прочие находки представлены: астрагалом с круглым отверстием в центре (рис. 7), бронзовой бусиной (рис. 5) и бронзовой бусиной-пронизкой (рис. 4).

Подводя итог следует сказать, что описанный нами материал в основном принадлежит к эпохе раннего железа. Данные памятники представляют большой интерес и требуют скорейшего исследования, в том числе аварийных раскопок.

С.М. Киреев, Е.В. Алехина,
Н.Н. Пивоварова, Е.В. Герасимов
(Горно-Алтайск, Г-АГПИ)

ПРОДОЛЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА МАЙМИНСКОМ КОМПЛЕКСЕ

Систематические исследования памятников Майминского археологического комплекса в северных предгорьях Алтая, проводимые в течение ряда лет принесли интересные результаты: позволили обнаружить существование крупного комплекса, функционировавшего в течение нескольких тысячелетий. Здесь встречены материалы эпохи палеолита, неолита, поздней бронзы, переходного времени, раннего железа и раннего средневековья. Раскопки курганов на Нижней Катунь во второй половине I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э.

В 1991-93 гг. Горно-Алтайским университетом проводились раскопки на поселениях Майма-I, III, XII, XVIII, могильнике Майма-VII.

На пос. Майма-I небольшим раскопом в 36 кв. м. прирезанном к раскопу М.Т. Абдулганеева (1992, с. 52-53) был вскрыт очаг подквадратной формы из вертикально вкопанных камней, внутри которого находился слой золы до 9 см, а ниже - мощный провал. Около очага значительный выброс золы, обожженные кости. В раскопе также зачищено несколько скоплений костей животных, преимущественно черепов и челюстей куланов (предварительно определение А.В. Гальченко), пять крупных позвонков рыб, большое количество керамики, в том числе шести развалов крупных горшков серого и серо-коричневого цвета. Большинство из них грубой ручной формовки, хорошего обжига, плоскодонные, с четкой профилировкой, со слегка отогнутым наружу венчиком с уплощенным срезом. Орнамент в основном двух видов: ряд округлых ямок под венчиком и наклонные ряды гладкого штампа, иногда образующие елочку или зигзаг. Встречен также ладьевидный курант и скобель из лопатки животного. Материалы раскопа относятся к майминской культуре рубежа эр - первых веков I тыс. н.э.

На поселении Майма-III вскрыто около 800 кв. м площади. В результате получены материалы нескольких культурно-хронологических эпох. К каменному веку относятся нуклеусы, скребки, пластины, резцы. Обнаружен также небольшой комплекс керамики VII-начала VI вв. до н.э., орнаментированной рядом жемчужника, чередующегося с оттиском угла лопаточки и мелкозубчатого гребенчатого штампа. Венчик отогнут наружу и также имеет ряды отпечатков гребенчатого штампа. Встречено несколько фрагментов типично ирменской керамики с резными заштрихованными треугольниками. Большая же часть керамического комплекса относится к Это баночные сосуды, горшки, возможно, чаши и кубки. Орнаментация - ряды округлых и подтреугольных ямок и вдавлений, жемчужник, резная сетка, чередование жемчужин и оттисков угла лопаточки и вдавлений различной формы. Обнаружено несколько толстостенных черенков с наклепным рассеченным валиком. Из каменного инвентаря данного хронологического периода найдены куранты, песты, грубые орудия, получен небольшой остеологический материал. В культурном плане комплекс раннего жезла с поселения Майма-III отнесен к быстринской культуре.

На поселении Майма-XVIII раскопаны остатки разрушенного карьером жилища с очагом в центре и часть околожилищного пространства. Здесь найдены неолитические орудия, керамика раннего железа, обломки литейной формы.

На могильнике Майма-VII за три года работ раскопан 21 курган, которые в целом датированы V-II вв. до н. э. и отнесены нами к быстрианской культуре. Насыпи курганов каменные, каменно-земляные и земляные. По периметру курганов, с каменной кладкой имелись кольца, выложенные из крупных плит и камней. Ямы ориентированы в широтном направлении с небольшими отклонениями, погребенные уложены на спине, головой на запад в вытянутом положении. Из сопроводительного инвентаря обнаружена большая коллекция глиняных сосудов: банок, высоких кувшинов, горшков, которые наглядно демонстрируют смешение форм пазырьской и большереченской керамики. К предметам вооружения относятся бронзовые, костяные и железные наконечники стрел. Кроме того обнаружены детали одежды, украшения, ножи, лошадиная сбруя и пр.

С. М. Киреев, П. И. Кудрявцев, Я. Ю. Полосина
(Горно-Алтайск, Г-АГПИ)

К ВОПРОСУ О ХОЗЯЙСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ
В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
(по материалам Майминского археологического комплекса)

Предгорноалтайский регион является пограничным для двух ландшафтно-климатических зон: лесостепной и горно-таежной. Данная экологическая ситуация способствовала сложению здесь комплексного хозяйства. Это в значительной мере материалами Майминского археологического комплекса, расположенного в Горном Алтае к северу от с. Майма и объединяющим 19 памятников, относящихся хронологически ко времени от верхнего палеолита до раннего средневековья. Количество материала, относящегося к эпохе поздней бронзы незначительно, но уже сейчас мы отмечаем ведущую роль скотоводства. В стаде преобладала лошадь. На поселении Майма-XII число костных

остатков лошади составило 85,7% от общего числа домашних животных, коровы 12%, мелкого рогатого скота - 2,3%. Охота имела два направления: мясное - олень, пушное - волк. Всего количество костных остатков диких животных составило 33,3% от общего числа (Майма-ХII). Имело место и рыболовство. Среди керамики финальной бронзы выделяется две функциональные группы посуды. Первая, так называемая гладкая посуда использовалась в качестве столовой и ритуальной, имела форму горшков с плоским или круглым дном, объемом до 1-1,5 л. и изготавливалась из тонко отмученной, хорошо промешанной глины с добавлением мелкой дробленой дресвы (величина фракции до 0,7 мм), ленточным способом. Сосуды имели лощеную поверхность. Сосуды второй группы изготавливались из более грубого теста с дресвой до 2 мм, иногда с добавками органики и речного песка. Они имели форму горшков и банок, поверхность некоторых сосудов залощена. Посуда второй группы использовалась в качестве кухонной и для прочих хозяйственных нужд. Исходя из вышесказанного тип хозяйства населения предгорий Алтая финальной бронзы можно сблизить с типом хозяйства носителей корчажкинской культуры лесостепного Алтая (Киришин, Гальченко, Удодов, Шапшин, 1988). О хозяйстве населения раннего железного века данных значительно больше, они получены с ряда поселений Майминского комплекса, в том числе из раскопок поселения Майма-III, где вскрыто более 1,5 тыс. кв. м. площади с тремя жилищами, а также из 72 раскопанных курганов, которые отнесены к VI-I вв. до н.э. На пос. Майма-III получен остеологический материал, позволяющий в определенной мере судить о Так, соотношение особей домашних животных к общему числу особей составляет 87%. Процентное отношение видов домашних животных в стаде (по числу особей) следующее: лошадь - 40,2%; овца - 26%, к. р. с. - 20,7%, коза - 12,3%. Однако, значительное количество неопределимых костных остатков (913), большая часть которых, по-видимому, принадлежит овце, позволяет предположить, что реальное соотношение животных в стаде может быть иным - овец значительно больше. Кроме того, кости баранов, а иногда и их целые скелеты встречаются в большинстве погребений Быстринской культуры. В насытках же курганов и в межкурганных пространствах среди остатков трези нередки кости и зубы лошади и овцы. В один-

надцати курганов мог. Майма-IV, VII, XIX находились скелеты 12 лошадей. Анализ 6 скелетов из мог. Майма-XIX показывает, что это были лошади близкие к группе "степных", забитые в возрасте 3-4 лет. Из диких животных - объектов охоты на поселении встречены кости кабана, кулана, марала, горного козла, медведя, бобра (по одной особи), яка и косули (по 2 особи). Найден и позвонок крупной рыбы. В связи со скотоводством следует упомянуть и о развитой технике обработки кости и рога, из которых изготавливались наконечники стрел, детали сбруи (пряжки, застёжки, подвески), предметы скифского звериного стиля, выполнены очень искусно. Иногда встречаются кости со следами резки. Данных, позволяющих судить о земледелии совсем немного, хотя природные условия для этого вполне пригодны. На пос. Майма-III в 1991 г. в жилище 2 быстринской культуры найден хорошо сработанный ладьевидный курант, обломок другого куранта найден в одной из хозяйственных ям этого же жилища вместе с типично бийской по облику керамикой. Ранее на этом же поселении найдено несколько пестов. Важное место в домашних ремеслах населения раннего железного века играло гончарное производство. В это время в целом существовали довольно устойчивые технологии формовочной массы и традиции изготовления керамики. Сосуды изготавливали из каолиновой глины ленточным способом при обжиге 800-900°C. Вся керамику можно подразделить на кухонную, столовую и погребальную. По формам это различных размеров кувшины, горшки, банки, чаши, кубки, неорнаментированные или украшенные несложным орнаментом. Из глины изготавливали также пряслица и орудия литейного производства. В погребениях, даже ограбленных часто встречаются и бронзовые и железные вещи: детали сбруи и одежды, украшения, ножи, оружие (чеканы, наконечники стрел), серебряные и золотые серьги, бляха. Есть все основания считать, что металлургия бронзы была местным производством и достигла высокого технического совершенства и высокого художественного мастерства. При раскопках на пос. Майма-III в хозяйственной яме конца VI-V вв. до н.э. найден кусочек бронзы. В 1956 г. на пос. Майма-II Б.Х. Кадиковым найден целый бронзолитейный комплекс: тигель, глиняные литейные формы, кусочки и сплески бронзы. Большое значение в хозяйстве и ритуалах имел камень: он служил

для сооружения конструкций насыпей курганов, оснований жилищ, хозяйственных выкладок, очагов. Из камня изготовлены зернотерки, песты, отбойники, оселки, грубило. Употреблялся в основном гранит, порфирит, мелкозернистый песчаник. Кроме того, в слоях раннего железа встречены грубо сколотые и оббитые камни, которые, возможно, могли применяться как дробилки, молотки и пр. В погребениях найдены украшения из полудрагоценных пород камня, в частности, бусы из сердолика и амазонита, а также стекла. Дерево сохраняется плохо, но тем не менее, в ряде могильных ям зафиксированы остатки деревянных срубов, дощатых настилов, перекрытий и рам, что свидетельствует о развитой технике обработки. Деревянными были древки стрел, рукояти чеканов, из дерева строились жилища.

Находимые в археологических памятниках пряслица обычно принято считать свидетельством ткачества. На Майминском комплексе найдено 3 пряслица: два в погребениях и одно выполнено из стенки сосуда, в культурном слое раннего железа.

Таким образом, хозяйство населения Северных предгорий Алтая в I тыс. до н.э. носило комплексный характер с преобладающей ролью скотоводства. Охота, рыболовство, земледелие и собирательство играли важную подсобную роль. Широкое развитие получило керамическое производство, косторезное дело, металлургия бронзы. Не случайно поселения этого времени имеют значительный культурный слой до 60-80 см и более (Майма-III, XII, XVIII) и функционировали в течение длительного времени.

А. Л. Кунгуров, В. В. Горбунов
(Барнаул, АГУ)

РИТУАЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ЖИВОТНЫХ НА ГРУНТОВОМ МОГИЛЬНИКЕ ОБСКИЕ ПЛЕСЫ-II.

В 1993 г. археологическим отрядом АГУ под руководством А. Л. Кунгурова проводились аварийные раскопки грунтового могильника Обские Плесьи-II. Могильник расположен на 2-й надпойменной террасе правого берега р. Обь в 1,5 км западнее с. Бобровка Пер-

вомайского района Алтайского края. Большая часть раскопанной площади памятника занята могилами V-IV вв. до н.э., образующими несколько рядов по оси СЗ-ЮВ. С западной стороны к ним примыкала цепочка ритуальных захоронений животных, ориентированная по оси С-Ю с небольшим отклонением к западу. Зведение в научный оборот материалов этих захоронений и является целью настоящей работы.

Лошадь-1. Самое южное захоронение в ряду. Пятно овальной формы, размерами 0,9x0,5 м, ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Яма глубиной 0,2 м от материка. В захоронении находилась шкура лошади, головой на ЮЗ. По бокам черепа нижние части передних конечностей с копытами. В СВ части ямы лежали нижние части задних конечностей. Ниже черепа и ног, на дне ямы, находились остальные кости скелета, некоторые в сочленении. Видимо, лошадь была разделана во время ритуала, а все остатки, включая мельчайшие кости, причем целые, не расщепленные для добычи костного мозга, были завиты в шкуру (рис. 1). Захоронение сопровождали: 1. Три костяных наконечника стрел. Один рядом с захоронением (рис. 1-4), второй (обломанный черешок) на носовых костях черепа (рис. 1-5) и третий между ушными отверстиями (рис. 1-3). 2. Два фрагмента от панцирной пластины находились за черепом (рис. 1-6). Судя по положению предметов, они лежали на шкуре.

Лошадь-2. Располагалась в 1,96 м к северу от лошади-1. Пятно овальной формы, размерами 1,1x0,65 м, ориентация СВ-ЮЗ. Яма глубиной 0,2 м. Положение скелета абсолютно аналогично первой (рис. 1). На шкуре и около лежали предметы: 1. Два костяных наконечника стрел. Один за черепом (рис. 1-9), второй за правой передней конечностью (рис. 1-8). 2. Один железный наконечник стрелы находился справа от черепа (рис. 1-10). 3. Две пастовые бусины найдены в СВ части ямы, на костях (рис. 1-12, 13). 4. Обломок железного котла (?) лежал около западной стенки ямы (рис. 1-11).

Лошадь-3. Находилась в 3,6 м к ССЗ от лошади-2, разрушилась при осыпи раздува. Перекрывала яму могилы-4 (V-IV вв. до н.э.). Среди конских костей в раздуве найден костяной наконечник стрелы (рис. 1-7).

Собака-1. Располагалась в 0,3 м к Ю от лошади-3. Скелет собаки лежал на правом боку, головой на юг, корпусом на ЮЮЗ, лапы подог-

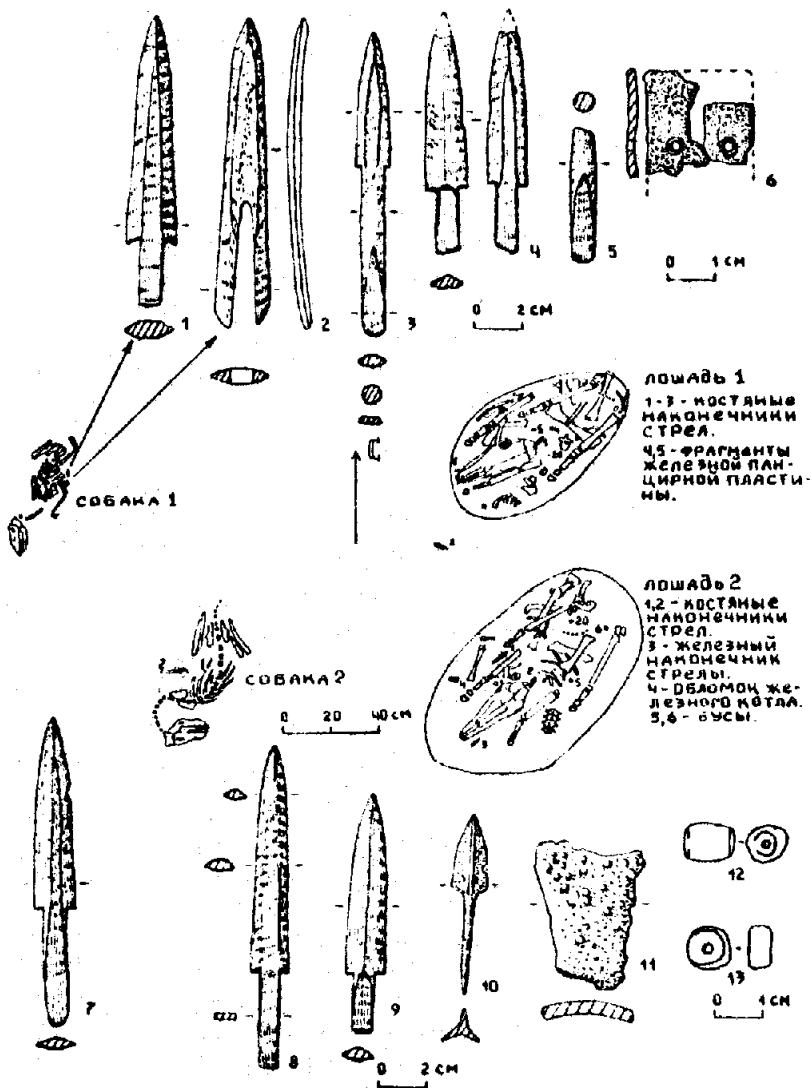

Рис. 1. Грунтовый могильник Овские Плещы-Д. Ритуальные захоронения лошадей и собак. 1,2 - собака 1. 3-6 - лошадь 1. 8-13 - лошадь 2. 7 - лошадь 3. 1-5,7-9 - кости. 6,10,11 - железо. 12,13 - паста.

нута. Следов ямы не зафиксированно, видимо она не отличима по цвету от гумуса. Между ребрами (в желудке?) находилось скопление костей мелкой рыбы. В районе грудной клетки найдены два костяных наконечника стрел воткнутые вертикально (рис. 1-1, 2).

Собака-2. Лежала в 0,7 м к ЮВ от первой. Положение "на животе" с завалом передней части корпуса влево. Головой на восток. Задние ноги подогнуты "под себя", передние лежат на боку согнуто. Находок не было.

Сопроводительный инвентарь из ритуальных захоронений представлен значительным количеством костяных наконечников стрел - 8 экз. По способу насада они делятся на два разряда: 1 - черешковые, 2 - с раздвоенным насадом. По форме упора на два раздела: 1 - с упором в виде заостренных плечиков, 2 - без упора. По соотношению пера и насада на два отдела: 1 - коротконасадные, 2 - длиннонасадные. По поперечному сечению пера и его силуэту (абрису) на шесть типов: 1 - четырехгранные, килевидные (рис. 1-9), 2 - пятигранные, килевидные (рис. 1-3), 3 - пятигранные, вытянутокилевидные (рис. 1-8), 4 - пятигранные с выемкой, килевидные (рис. 1-4), 5 - шестигранные, килевидные (рис. 1-7), 6 - шестигранные, пятиугольные сужающиеся (рис. 1-1, 2). По поперечному сечению насада на три варианта: 1 - с прямоугольным насадом (рис. 1-1, 4, 7-9), 2 - с круглым, срезанным под прямоугольный на окончании (рис. 1-3, 5), 3 - с треугольными половинками насада (рис. 1-2).

Наконечники аналогичных форм встречены в погребениях этого же могильника. Однако они имеют в основном трехгранное сечение и другие упоры. Существенным различием являются также крупные размеры наконечников из захоронений животных. От 10,4 до 15 см длиной, что в 2 и более раза превосходит наконечники из погребений. Сохранность крупных наконечников намного лучше. Более точные аналогии известны в памятниках большереченской и тагарской культур, но и там наконечники таких типов имеют меньшие пропорции (Грязнов, 1956; Кулемзин, 1976; Иванов, 1897). Костяные наконечники стрел идентичные рассматриваемым происходят из памятников кулайской культуры Барнаульского и Новосибирского Приобья, культового места - Айдашинская пещера (Грязнов, 1956; Троицкая, 1979; Моло-

дш. Бобров, Равнушкин, 1980). Хронологические рамки их существования могут быть определены III в. до н.э. - III в. н.э. Для лесостепного Алтая этот период очевидно следует сократить до I-III вв. н.э. основываясь на материалах фоминского этапа кулайской культуры (Троицкая, 1979).

Следующие датирующие находки - предметы вооружения: 1. Оба фрагмента железной панцирной пластины оказались от одного экземпляра (рис. 1-6). Его длина и ширина по 2,2 см, толщина 1,5 мм. Один из краев пластины был ровным. По сторонам расположено два сквозных отверстия для крепления. Пластина относится к ламеллярному доспеху. Появление доспехов из железных пластин в Северной и Центральной Азии относится к II-I вв. до н.э. (Давыдова, 1985; Горелик, 1993). Железным пластинам предшествовали костяные (роговые). В лесостепном Алтае они известны в памятниках большереченской, в Новосибирском Приобье кулайской культуры (Грязнов, 1956; Троицкая, 1979). Наиболее ранние железные пластины в лесостепном Алтае встречены на оз. Большой Иткуль, Городище-3 (III-IV вв. н.э.), в могильниках Троицкий Елбан-I и БЕ-XIV (III-V вв. н.э.), (Абдулганеев, Казаков, 1990; Грязнов, 1956; Горбунов, 1994). 2. Железный наконечник стрелы. Трехлопастной, вытянутошестиугольной сужающейся формы, без выраженного упора, с круглым черешком (рис. 1-10). Шестиугольные наконечники появляются не ранее II-I вв. до н.э., наибольшее распространение получают в I тыс. н.э. Однако во второй половине I тыс. их пропорции увеличиваются, появляются различные упоры (Неверов, 1988; Худяков, 1986). На этом основании наш экземпляр можно датировать не позднее V в. н.э.

Исходя из приведенных аналогий ритуальные захоронения животных на могильнике Обские Плесьи-II следует датировать в пределах I-III вв. н.э. Их этнокультурная принадлежность определяется, как кулайская (III фоминский этап кулайской культуры). Данное ритуальное кладбище расположено как раз в системе кулайских городищ Барнаульского Приобья. Интересно, что аналогичное ритуальное захоронение, только кабанов, известно в Новосибирском Приобье, на городище III этапа - Ивановка-4. Совпадает даже ориентация животных - ЮЗ (Троицкая, 1979). Захоронения собак, коней, баранов или

их черепов изучены в могильнике Каменный Мыс и городище Дубровицкий Борок-3 (III в. до н.э. - I в. н.э.), могильнике БЕ-XIV (III-V вв. н.э.). Обские Плесь-II отличает самостоятельность кладбища, захоронения животных здесь не связаны с могилами или жилищами людей. Очевидно это место имело культовый характер. Исследование подобного памятника лишней раз свидетельствует о наличии культа домашних животных у кулайских племен. В частности с захоронениями коней перекликаются их изображения на бронзовых обкладках ножен из фоминских могильников (Грязнов, 1956; Уманский, 1974).

Я. В. Фролов
(Барнаул, АГУ)

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОЛЧИХИНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Территория Волчихинского района Алтайского края до настоящего времени остается еще слабо изученной в археологическом отношении, хотя первые исследования здесь были проведены уже в XIX веке. Так в 1862 г. через территорию района проходил маршрут академика В.В. Радлова. В своем дневнике этого путешествия он пишет о том, что за Касмалинском (современное с. Мамонтово) находятся длинные цепи курганов. Эти курганы, по-видимому, находились на территории современных Волчихинского и Романовского районов Алтайского края: (Радлов, 1989, с. 70) Кроме того, некоторые исследователи считают, что в это же время, 10 мая 1862, В.В. Радлов раскопал два кургана в районе с. Боровой Форпост современного Волчихинского района (Демин, 1989; Уманский, 1993).

Действительно В.В. Радлов в статье "древние аборигены Сибири" пишет об этом (Радлов, 1884, с. 27). Но в своем дневнике путешествия за 1862 г., В.В. Радлов отмечает, что 9-12 мая он проехал территорию современного Волчихинского района практически без остановок, а с 12 по 15 мая находился у киргизов Внутренней Орды, где-то в районе границы современных Алтайского края и Казахстана

(Радлов, 1989, с. 71). Также в главе № 7, "Сибирские древности", своей работы "Из Сибири", он пишет о раскопках кургана в Кулунде и приводит его описание, аналогичное описанию раскопок одного из курганов у с. Боровой Форпост, но датирует эти раскопки 14-15 мая (Радлов, 1989, с. 452). Таким образом имеющиеся разночтения в работах В.В. Радлова позволяют предположить, что курганы, раскопанные В.В. Радловым, находятся где-то в районе современной границы Алтайского края и Республики Казахстан.

Археологическое изучение района было продолжено уже в советское время. Так через территорию района проходили маршруты разведок А.П. Уманского, который обнаружил две курганные группы, одну - к северо-западу от с. Волчиха, а другую - к северу-востоку от с. Солоновка. Ему же в 1956 году были переданы случайные находки из разрушенных курганов в 7 км. к СЗ от с. Боровой Форпост: обломок сосуда, сделанного на гончарном круге, обломок черепной коробки человека и часть железного предмета (АКЦИМ, кол. № 9157-9159). Кроме этих вещей в этом же кургане были найдены предмет, представляющий собой антропоморфное изображение, изготовленный из серебра и керамический сосуд, вероятно светильник. Эти предметы остались в коллекции человека, обнаруживших их. А.П. Уманский датировал памятник XIV в. до н.э.

В 1976 году юго-западную часть Волчихинского района обследовали сотрудники КемГУ А.С. Васютин и Б.Н. Пяткин. Ими были открыты две курганные группы: Боровой Форпост, на 20 км слева от дороги д. Ракиты - с. Волчиха и Озеро Бычье, на южном берегу одноименного озера (Васютин, Пяткин, 1977).

Более детальное обследование территории района было проведено П.И. Навротским в 1980-1981 гг., в результате которого им было открыто 13 новых археологических памятников: курганные могильники - Селиверстово I, II; Новокормиха I, II; Усть-Волчиха, поселение Бычье I и комплекс поселений в районе озер Белого и Валового, поселение Белое I-VII (Навротский, 1981). Также памятники в районе озер Белого и Валового обследовали осенью 1980 г. Ю.Ф. Кирюшин и М.Т. Абдалганеев, а осенью 1993 г. - автор данной работы (Кирюшин, Клякин, 1985).

Поселение Белое I-VII представляет большой интерес, все они, кроме поселения Белое I, расположены на узком перешейке между озерами Белое и Валовое, представляющем собой гряду песчаных ебанов, которые активно раздуваются ветром. Большая часть культурного слоя поселений уже разрушена, в раздувах собрана богатая коллекция керамики, каменных орудий и металлических вещей, в том числе бронзовый нож с зооморфным навершием (Навротский, 1981; Киришин, Клюкин, 1985). Материалы этих поселений датируются от эпохи ранней бронзы до эпохи средневековья. Основной комплекс находок, вероятно, относится к эпохе ранней бронзы. Керамика этого времени, найденная на пос. Белое II-VII, довольно своеобразна. Это фрагменты от крупных плоскодонных сосудов баночной формы, стенки которых, в большинстве случаев, полностью орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа, различных форм и размеров. Также большой интерес представляет найденная здесь коллекция керамики, относящаяся к эпохе раннего железа (более 100 венчиков от различных сосудов). Они представляют собой остатки сосудов, как баночной, так и кувшинообразной формы. Орнаментация их довольно бедна, в основном, это одна строчка отпечатков гребенчатого штампа, ямок, наколов или жемчужника. Интересны находки фрагментов сосудов с налепными, орнаментированными косо поставленными насечками, валиками. По краю венчика эти сосуды орнаментированы рядом жемчужника.

Комплекс поселений в районе с. Белого требует срочных аварийных раскопок, т. к. через несколько лет их культурный слой будет полностью уничтожен, в результате активного процесса ветровой эрозии.

После П. И. Навротского территория района обследовалась в 1993 г. автором этой работы, нами было открыто 8 новых памятников: поселение Бычье II и курганные могильники - Бычье III, IV; Вострово I, II; Селиверстово III, IV; Солоновка I.

Большинство курганных могильников состоит из довольно крупных курганов (свыше 25 см в диаметре), которые до сих пор еще не смогли распахать.

Поселение Бычье II находится в 3 км от с. Боровой Форпост, на высоком мысу с юга вдающемся в оз. Бычье. Юго-западная часть по-

селения разрушена карьером, вдоль стенок которого было собрано небольшое количество керамики, относящейся к эпохе раннего железа.

Следует еще раз отметить, что на сегодняшний день в археологическом отношении обследована лишь небольшая часть территории района. Все известные нам археологические памятники Волчихинского района пребывают в аварийном состоянии. Большинство курганов ежегодно распаивается по несколько раз. Поселения, находящиеся в ложбинах древнего стока, разрушаются в результате процесса ветровой эрозии. Поэтому необходимо дальнейшее изучение территории района для того, чтобы выявить новые археологические памятники и поставить их на госучет и госохрану, пока они окончательно не утрачены для науки.

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Н. А. Фоякова

(Омск)

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(по материалам бронзовой посуды).

1. В 1984 году в кургане XVII у деревни Кипы Тевризского района Омской области был найден бронзовый кувшин с бытовыми и охотничьими сценами (Конигов, 1989). Это один из трех сосудов, принадлежащих к группе хазарской торевтики. Его находка в погребении, далеко от места изготовления, объясняется тем, что сосуды, в отличие от вещей личного обихода и оружия, имеющих территорию распространения, ограниченную ареалом той или иной культуры, или областями ее влияния, часто служили предметами обмена и торговли.

2. Стенки этого ковша сплошь покрыты изображениями. Набор персонажей из которых состоят сцены, достаточно велик. Это собака, бегущая за зайцем, человек с копьем, на которого нападает кабан, охотник, стреляющий на скаку во льва, осел с бурдюками и его хо-

заян, бык, орел с распростертыми крыльями, несущий добычу, два охотника.

В оформлении сосуда можно выделить следующие черты синкретического стиля, возникшие под влиянием иноземных прототипов:

а) стандартность сюжетов, особенно охотничьих, которые хорошо известны в искусстве кочевников Евразии и представляют собой устойчивые изобразительные формы, восходящие к каким-то очень отдаленным первообразам.

б) изобразительные композиции построены по принципу орнаментальных на основе ритмической повторяемости.

в) широко используется прием чередования деревьев с многофигурными изображениями, причем деревья служат не природным фоном, на котором происходят охота или бытовые сцены, а орнаментальными разделителями.

г) широкие фризовые композиции занимают всю поверхность сосуда, как это традиционно делалось на Востоке.

Но наряду с чертами синкретического стиля, в изобразительном материале сосудов выступают местные черты: животные и люди даны очень упрощенно и грубо, мелкие детали отсутствуют, а среди сюжетов появляются бытовые сцены, привычные для изделий домашних промыслов.

3. Ковш из погребения у деревни Кипы представляет собой еще одно доказательство существования тесных торговых и обменных связей, существовавших между хазарами и племенами Западной Сибири.

К. В. Юматов
(Кемерово, КемГУ).

ЭТАПЫ ТЮРКИЗАЦИИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ В КОНЦЕ I ТЫС. Н. Э.

Во 2 пол. I тыс. н. э. в степях Центральной Азии и на территории Западной Сибири происходили важные этнополитические процессы. На арену истории выходят племена теле и тугю. Ими был разгромлен каганат жужаней и на его месте возник I Тюркский каганат (552-630 гг.) объединивший большое количество разноэтнических

племен. В результате военной и политической экспансии тюркоязычных племен их язык и материальная культура распространились на огромной территории. Так было положено начало процессу, названному в советской науке "тюркизацией". Затронул этот процесс и территорию Верхнего Приобья. Оговорим, что данный процесс рассматривается нами с точки зрения археологических данных, не затрагивая лингвистического аспекта проблемы.

Начало процесса тюркизации видимо можно отнести к VII в. н.э. Именно в это время в Барнаульском Приобье появляются элементы материального комплекса горноалтайских племен (которые большинство исследователей считают тюркоязычными). К памятникам этого периода Д.Г. Савинов относит Осинкинский могильник около пос. Усть-Пристань. Погребения представляют собой одиночные грунтовые захоронения по обряду трупоположения, вытянуто на спине, головой преимущественно на СВ, СВВ, ССВ. Целый ряд элементов (круглодонная керамика с наколками по венчику, костяные наконечники стрел, искусственная деформация некоторых черепов) связывают эти погребения с предшествующим единцовским этапом. Вместе с тем, в некоторых из этих могил были найдены поясные наборы с "геральдическими" бляшками кудыргинского типа, одноколычатые удила с одним роговым двудырчатым псалием и трехперый наконечник стрелы.

Таким образом, материалы Осинкинского могильника показывают, что в Верхнем Приобье продолжало существовать население Верхнеобской культуры, которое восприняло некоторые черты материальной культуры "тюркских" племен. Вряд ли это свидетельствует об ассимиляции самодийцев "пришлыми группами" горноалтайского населения (Д.Г. Савинов), и тем более о том, что верхнеобская культура уже перестала существовать (В.А. Могильников), так как каких-либо существенных изменений в самом погребальном обряде не произошло. Единичные погребения с конем, относящиеся к VI-VII вв. н.э. (БЕ-XII.XIV) вряд ли могут свидетельствовать о проникновении тюркского населения в Приобье в VI веке. Видимо, все новые черты объясняются культурными связями и торговым обменом.

Массовый процесс тюркизации, видимо, начался с VIII в. н.э. Но как видно этот процесс аккультурации был взаимным. Пришлое население было вынуждено принимать некоторые элементы культуры

местного населения. Об аккультурации свидетельствуют погребения, исследованные А. П. Уманским на р. Иня. Для инских погребений характерны труположения с СВ ориентировкой, нахождение могильных ям под одной насыпью, сопроводительные захоронения коней и собак, подбой в конских захоронениях. Но при этом в могилах по-прежнему встречается керамика верхнеобского облика. В дальнейшем многие из этих черт станут определяющими в субстрате сrostкинской культуры.

До конца VIII в. процесс тюркизации, видимо, касался только территории Барнаульского Приобья, так как в Новосибирском Приобье известны лишь отдельные вещи, связанные с южными территориями. И только с конца VIII-IX вв. здесь появляются погребения, принесенные сюда либо населением Барнаульского Приобья к тому времени уже тюркизированным, либо горноалтайскими племенами вытесненными уйгурами. И опять южные признаки остаются теми же (труположение с конем или чучелом коня, погребальный инвентарь и др.).

Но сохраняются и местные черты (преимущественно ЮЗ направление покойников, "саваны из бересты", надмогильные конструкции, керамика и др.). Отсюда сrostкинская культура распространилась вверх по Оби (памятники Кузнецкой котловины в данной работе мы не затрагиваем) и к X в. расширяется до уровня Томска (Басандайка).

Таким образом, можно выделить первый этап тюркизации Верхнего Приобья связанный с горноалтайским населением и датировать его VII-VIII вв. н. э.

В IX в. начинается второй этап тюркизации Приобья, который связан с племенами енисейских кыргызов. Именно им принадлежит, видимо, обряд трупосожжения в могильниках Приобья. Но как нам кажется, говорить о том, что кыргызы сыграли в процессе тюркизации Приобья большую роль, чем горноалтайские племена, вряд ли возможно. Аборигенные племена восприняли от кыргызов лишь часть материальной культуры (хотя часть немаловажную). Определенная возможность того, что сrostкинские племена Приобья переняли погребальный обряд кыргызов конечно существует, т. к. труположение распространено от Барнаульского Приобья до Приобья Томского. Но все же, как нам кажется, этот обряд принадлежит либо самим кыргызам, либо племенам связанным с ними.

Третий этап тиркизации Приобья связан с племенами прииртышских кимаков. Приобье вошло в государство кимаков (кимако-кыпчакское объединение) и восприняло его ранжированную культуру. Об этом свидетельствуют фактически все памятники в Приобье конца IX-X вв. (мог. Сростки и др.).

Е. В. Григоров
(Барнаул, АГУ)

ТРОЙНИКИ - РАСПРЕДЕЛИТЕЛИ ЮЖНОЙ СИБИРИ VII-X ВВ.

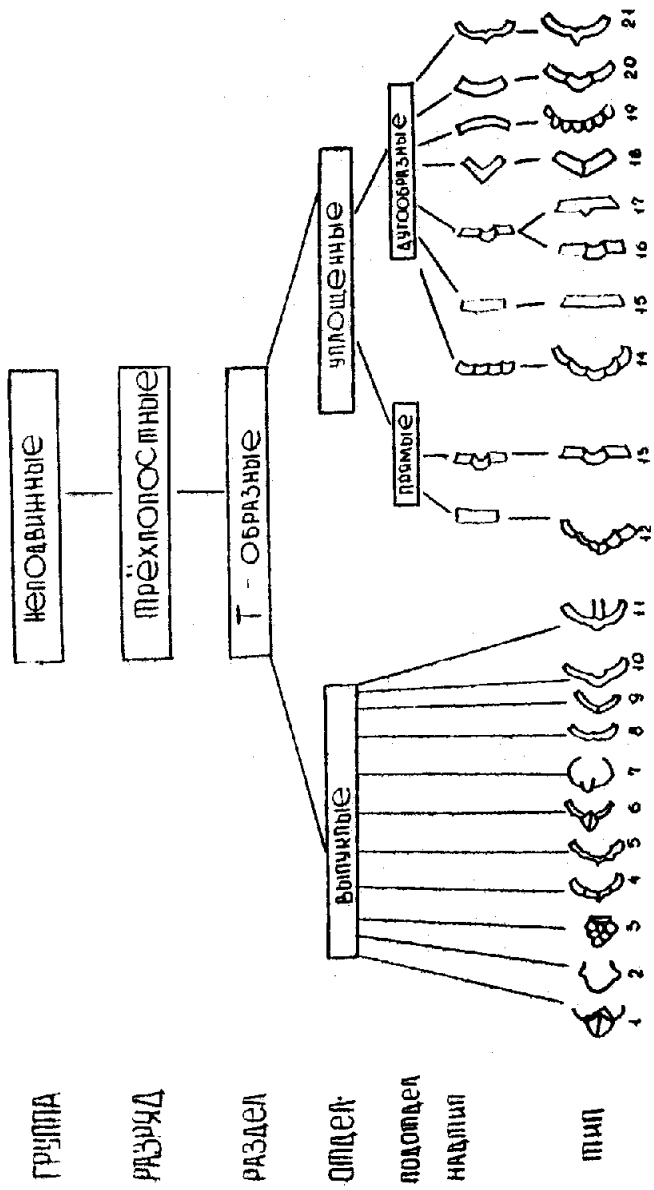
Среди инвентаря средневековых кочевников встречаются, так называемые распределители, которые предназначались для сочленения ремней, в основном конской сбруи, хотя применялись и на поясах самих кочевников.

Распределители ремней известны в археологических памятниках на огромной территории: от Венгрии (могильник Саболч-Вонтапорт) до Дальнего Востока (Мохэские памятники) и имеют разнообразные формы: прорезные округлые бляхи, кольца с наконечниками, двух-, трех-, четырех-лопастные бляхи и т. д. Они известны со скифского времени (Голиграды) и, пройдя в своем развитии несколько этапов в виде колец, к которым крепятся ремни, дожили до наших дней.

В данной работе мы рассматриваем хронологию, этнокультурные признаки и типологию трехлопастных распределителей ремней, распространенных на территории Южной Сибири в VII-X вв.

Для классификации тройников нами была использована шестичленная (категория - группа - разряд - раздел - отдел - тип) система деления археологического материала (И. Л. Кызласов, 1981). Группы выделяются по способу соединения с ремнями (подвижное, неподвижное), разряды - по форме распределителей, разделы и отделы уточняют форму, а типы выделяются по оформлению окончаний лопастей (рис. 1).

Всего для классификации было использовано 80 тройников из 22 памятников и 3 случайные находки. На основе данной классификации

ГРУППА

РЯДОК

РАЗДЕЛ

ОТДЕЛ

ПОДРАЗДЕЛ

НАДТИП

ТИП

Рис. 1. Классификационная схема трисимов-распределителей Южной Сибири.

был выделен 21 тип распределителей. Все типы были разделены на два отдела.

Отдел I (1-11 типы) - выпуклые (в отдел входят распределители состоящие из центрального полушария и отходящих от него лопастей). Тройники этого отдела были найдены на территории Горного Алтая (Узунтал, Курай, Туяхта), лесостепного Алтая (Иня, Сростки, Гилево, Мало-Панюшово), Минусинской котловины (Кыпчады), Тувы (Саглы-Бажи) в погребениях человека с конем. Данные памятники датируются VIII-нач. IX вв. (Киселев, 1951; Савинов, 1984; Неверов, 1988). Аналогии им имеются на Южном Урале (Хусаиново), в Барабинской лесостепи (Кызырб).

Отдел II (12-21 типы) - уплощенные (в отдел входят плоские распределители с выпуклостью по середине или без нее). Тройники этого отдела были найдены на территории Минусинской котловины ("тютятский клад", случайные находки Л.Р. Кызласова, Г.Г. Король), Тувы (Шанчиг), лесостепного Алтая (Михайловка, Гилево, Сростки). Данные памятники датируются IX-X вв. (Неверов, 1988; Л.Р. Кызласов, Король, 1990).

Типы отдела I появляются еще в VII в. (Кыпчады) и датируются VII-нач. IX вв., по сопутствующему инвентарю и по погребальному обряду (труположение человека с конем) их можно отнести к материальной культуре тюрков, что подтверждается высказыванием Д.Г. Савинова: "К середине VII вв., на территории Южной Сибири начинает складываться общность, которая может быть названа алтае-телескими Тюрками" (Савинов, 1984).

Типы отдела II являются более поздними и датируются IX-X вв. По оформлению (растительный орнамент) (Л.Р. Кызласов, Король, 1990) и нахождению в погребениях с трупосожением (Худяков, 1982) их можно отнести к хакасам. В дальнейшем эти тройники послужили основой, на которой формируются тройники аскизской культуры (И.Л. Кызласов, 1981).

Часть распределителей обоих отделов были найдены в погребениях, которые С.В. Неверов относит к сросткинской культуре (Сростки, Иня). Причем, тройники тюркской традиции встречаются в погребениях Гоньбинского периода сросткинской культуры - пер. пол. IX в., а хакасской - в погребениях Чулымского периода этой куль-

туры - сер. IX-X вв. Эти тройники не являются чисто тюркскими и хакасскими. Они переработаны на местной традиции. Чисто сросткинским признаком можно считать прямое завершение лопастей на распределителях отдела II, а также особенности орнаментации.

На основании выделенных типов, нами была прослежена линия их развития. Типы 1 (бутонообразное завершение), 2 (завершение полукруглое с маленькими ушками), 4 (завершение подтреугольное с фигурным носиком) и 21 (завершение подтреугольное трехчастное с удлиненным носиком), были признаны более ранними, а типы 7 (завершение шаровидное с маленьким носиком), 14 (полукруглое волнообразное завершение), 13 (завершение прямоугольное с выступом), 15 (завершение прямоугольное) более поздними.

В связи со сказанным выше, можно утверждать, что выделенные некоторые признаки оформления тройников, являются датирующим и этнокультурным показателем. В дальнейшем нужно будет провести корреляцию этих типов с орнаментацией, что позволит, возможно, сузить временные рамки их существования и более точно определить этнокультурную принадлежность.

Г. В. Кубарев

(Новосибирск, ИИАЭ СО РАН)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ КУРГАНОВ АЛТАЯ

Частые упоминания участников горных и естественно-научных экспедиций о многочисленных курганах на Алтае относится еще к концу XVIII в. Научное, археологическое изучение их началось в следующем, XIX веке. В числе первых следует назвать К. Ледебура, который проводил раскопки в Усть-Канской степи.

Однако, именно деятельность В. В. Радлова открывает особый этап в алтайской археологии. Он вел целенаправленные и масштабные археологические работы и в 1860, 1865 и 1870 гг. организовывал экспедиции на Алтай. Так, в 1865 году В. В. Радлов исследовал несколько курганов в верховьях р. Катунь, в могильниках Катанда I и Катанда II, а также в берельской степи (Радлов, 1989). Часть из

них были древнетюркскими. Таким образом, впервые в научный оборот вводились массовые и хорошо документированные археологические материалы. Ученым предпринималась попытка классификации погребений. И хотя многие предположения В. В. Радлова не выдерживают критики, это не умаляет его заслуги.

Наиболее интенсивными периодами археологических исследований в первой половине XX века являются 1924-27 гг. и 1935-37 гг. В 1924-25 гг. Алтайской экспедицией Русского музея в низовьях р. Чулышман исследован могильник Кудыргэ (Руденко, Глухов, 1927). Он представляет собой уникальный комплекс, материалы которого продолжают неоднозначно интерпретироваться. Часть курганов относится к наиболее раннему периоду древнетюркской эпохи. Результативными и сенсационными были археологические работы Саяно-Алтайской экспедиции Государственного Исторического Музея в 1935 и 1937 гг. (Евтюхова, Киселев, 1941). В курайской степи и долине р. Урсул раскопано большое количество древнетюркских курганов. Именно они послужили С. В. Киселеву основой для классификации раннесредневековых погребений.

В конце 40-х годов А. А. Гавриловой доисследован могильник Кудыргэ и продолжены раскопки в верховьях р. Катунь. Главная ее заслуга заключается в выделении шести хронологических типов для средневековых погребений (Гаврилова, 1965). Периодизационная схема А. А. Гавриловой лишь с небольшими изменениями используется до сих пор.

Последние два десятилетия археологические исследования на территории Горного Алтая проводились наиболее активно. В них участвовало большое количество как академических учреждений, так и учебных заведений. Стали известны такие археологические памятники древнетюркской эпохи, как: Узунтал (Савинов, 1922), Кара-Коба I, II (Могильников, 1983), Кер-Кечу (Могильников, 1985), Бажынты (Суразаков, 1979), Кырлык II (Бородаев, Мамадаков, 1985), Тыткескень VI (Кирюшин, Неверов, 1991) и многие другие. За этот же период Восточноалтайским отрядом (возглавляет Кубарев В. Д.) раскопано 38 древнетюркских курганов, большинство из которых не опубликовано. Таким образом, к настоящему времени в Горном Алтае исследовано порядка 130 погребений древнетюркской эпохи из более чем 30 мо-

гильников. В это число вошли и ограбленные курганы, датировка которых 2 пол. I тыс. предположительна, а также 38 захоронений из раскопок Восточноалтайского отряда. Большое количество материалов рассматриваемого периода остается неопубликованным, поэтому эта цифра должна заметно увеличиться. Новые фактические данные позволяют решать одни проблемы, и в то же время ставят другие.

При сегодняшней степени изученности памятников этого времени, можно выделить несколько проблем. Так, например, подавляющее количество исследованных курганов относится к концу VII-X вв., а то время как археологические памятники периода Первого Тюркского каганата на Алтае исчисляются единицами. Могильник Кудыргэ, хотя частично и относится к VI-VII вв., является уникальным и по погребальной обрядности, предметному комплексу не имеет аналогий. С этой проблемой связан и вопрос о соответствии письменных и археологических источников. Сведения китайских авторов о существовании трупосожжения у древних тюрков не подтверждаются достоверными археологическими данными. В то же время, количество древнетюркских оградок, разнообразие их типов на Алтае велико. Вполне возможно, что не все они являлись поминальными сооружениями, однако их назначение пока не ясно.

Несмотря на то, что погребения с конем этого времени чаще всего называют древнетюркскими, до сих пор вопрос об их этнической принадлежности остается дискуссионным. В любом случае, в период существования Уйгурского и Кыргызского каганатов вряд ли этническая ситуация на Алтае существенно изменилась. Видимо, можно говорить лишь о политическом влиянии. В целом, ссылки на сложность этнического состава населения Алтая в раннем средневековье свидетельствуют о нерешенности этой проблемы.

В процессе накопления нового фактического материала выводы исследователей о датировке конкретных категорий вещей, а также всего предметного комплекса постоянно корректируются. В связи с этим, встает задача более дробной датировки погребений внутри периода конца VII-X вв., что уже отмечалось ранее (Могильников, 1981).

Дальнейшее комплексное изучение археологических памятников древнетюркской эпохи (курганов, оградок, наскальных изображений

и др.), а также сопоставление их с письменными и этнографическими данными поможет в решении этих проблем.

В. В. Горбунов
(Барнаул, АГУ)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ВОИНОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

Вооружение и военное дело древних тюрков в современной археологии и оружейведении все больше привлекают внимание исследователей. Анализ отдельных категорий вооружения и его комплекса в целом становится неотъемлемой частью в работах по материальной культуре тюрков (Обчинникова, 1990), в обобщающих трудах по вооружению азиатских кочевников (Худяков, 1986; Горелик, 1993). Есть специальные исследования по тюркской паноплии (Нозгородова, Горелик, 1980; Обчинникова, 1981; Худяков, 1983, 1984; Васютин, Елин, Ильшин, 1987; Савин, Семенов, 1990, 1992). Однако данную тему нельзя считать исчерпанной. Незавершенными остаются многие теоретические вопросы: тактика, состав и численность войска, структура военной организации. Слабо изученным является производство вооружения, его размещение на войне и функциональные качества. На ряд этих проблем может дать ответ только экспериментальная археология. Другое поможет решить реконструкция основанная на сопоставлении данных археологических, изобразительных и письменных источников.

Наиболее полную информацию по древнетюркскому вооружению содержат памятники Горного Алтая, анализ которых лег в основу предлагаемой реконструкции. К настоящему времени, в научный оборот введена значительная серия изображений воинов на наскальных рисунках. Основными являются: сцена на кудыргинском валуне (Гаврилова, 1965), граффити Жалгыс-Тепе, Кара-Оюка, Шалкобы (Окладникова, 1986, 1988, 1989). На них изображены воины в полном вооружении, в сюжетах похода, построения и сражениях. Важный материал по оружию содержится на каменных изваяниях (В. Д. Кубарев, 1984). Предметы вооружения и детали его оформления представлены в оград-

ках, курганах и поселениях (Гаврилова, 1965; Евтюхова, Киселев, 1941; Савинов, 1982; Могильников, 1983, 1990, 1992; В. Д. Кубарев, 1985, 1992; Г. В. Кубарев, 1991, 1992; Илюшин, 1990; Соенов, Глебов, 1992; Киреев, 1993; Кочеев, Худяков, 1993; Степанова, Горбунов, 1994; и многие др.). Переводы и анализ письменных источников по истории Древнетюркских каганатов (Бичурин, 1950; Малов, 1951, 1959; Бартольд, 1963; Кляшторный, 1964; Гумилев, 1967) позволяют реконструировать применение вооружения в конкретных военных ситуациях того времени.

Весь комплекс древнетюркского вооружения Горного Алтая делится на три категории: защитный доспех, наступательное оружие и военное снаряжение.

Защитный доспех. По назначению делится на два вида: I. Доспех воина, II. Доспех коня; по размещению на пять видов: 1) панцирь, 2) шлем с бармицей, 3) щит, 4) попона, 5) наголовье.

1. Панцирь изготовлялся из железных пластин соединяющихся между собой ремешками. Существовало два способа набора панциря: ламинарный - из сплошных пластин-полос путем наложения нижних на верхние (рис. 1-2, 3) и ламеллярный - когда отдельные небольшие пластины накладывались друг на друга в полосу, затем такие полосы соединялись по указанному принципу (рис. 1-1-4). На изображениях ламинарная структура передана горизонтальными линиями, а ламеллярная вертикальными и пересекающимися линиями составляющими "сетку". В памятниках Горного Алтая встречаются отдельные панцирные пластины и фрагменты панцирей состоящих из них (Кудыргэ, Кок-Наш, Мендур-Соккон I, Катанда I, Балык-Сок I, Юстид, Узунтал I). Пластины прямоугольной, овальнопрямоугольной, пятиугольной формы с округлыми углами (размеры 6-12x1-4 см, толщина 1.5 мм), по всем сторонам снабжены круглыми (1-4 мм в диаметре), одиночными и парными, сквозными отверстиями. Число отверстий в пластине от 8 до 18. Отсутствие находок сплошных железных полос позволяет предположить, что ламинарный панцирь изготовлялся из толстой лакированной кожи (Горелик, 1987). По покрою алтайские панцири можно разделить на два типа: 1 - это "кираса", состояла из нагрудника и наспинника соединяющихся оплечными и боковыми ремнями (рис. 1-1); 2 - "длиннопоялая катафракта" из нагрудника, наспинни-

ка и двухчастного подола прикрывающего ноги до голени (рис. 1-2-4). К оплечным ремням панцирей 2 типа, чаще всего крепились ващитные нарукавники одинаковой структуры с панцирем (рис. 1-2, 4). Сами панцири могли быть не только одной структуры, но и комбинированного варианта (рис. 1-2). Помимо пластинчатых панцирей известно два фрагмента кольчуг из Кудыргэ и Балык-Соока I (Г.В. Кубарев, 1991).

2. Шлемы известны в основном по наскальным рисункам. Одна железная пластина от шлема или бармицы найдена на поселении Малый Дуган (Степанова, Горбунов, 1994). Она овальнопрямоугольной формы, размеры 3,1х2,1 см, толщина 1,5 мм. Имеет четыре отверстия диаметром 3 мм. Привлечение аналогий с сопредельных территорий позволяет реконструировать этот вид защиты. Выделяется два типа: 1 - сферический ламеллярный с втулкой для плюмажа (рис. 1-1, 3); 2 - сфероконический склепанный из железных секторов с втулкой (рис. 1-4) или без нее (рис. 1-2). К нижнему краю тульи шлема крепилась ламеллярная бармица (рис. 1).

3. Щиты изготовлялись из продольного ряда деревянных плашек крепившихся одной поперечной. Имели ремни для ношения за спиной и для держания в бою. Форма щитов была круглой и судя по размерам тувинского образца - 78 см в диаметре (Обчинникова, 1981, 1990), они могли прикрывать до половины роста воина (рис. 1-4).

4. Попона известна по наскальным рисункам и по находке накрупника из Тувы (Обчинникова, 1981, 1990). Накрупник имел форму прямоугольного листа размерами 70х35 см. Состоял из 250 ламеллярных пластин 5-6х2,5-3 см, толщиной 1,5-2 мм, с системой парных отверстий. По покрою попона делится на три типа: 1 - одночастный, из нашейника; 2 - четырехчастный, вариант: а) - из нагрудника, двух боковин и накрупника, б) - из нашейника, двух боковин-нагрудников и накрупника (рис. 1-1), в) - из нашейника-нагрудника, двух боковин и накрупника (рис. 1-2); 3 - пятичастный, из нашейника, нагрудника, двух боковин и накрупника (рис. 1-3, 4). Попона могла быть ламеллярной (рис. 1-1, 4) или комбинированной (рис. 1-2, 3).

5. Наголовье встречено только на изображениях. Судя по находкам и рисункам с сопредельных территорий (Горелик, 1993), оно из-

готовялась из железных листов различной формы и размеров, соединяющихся между собой заклепками или шарнирами. Можно выделить два типа: 1 - полумаска из полос закрывавших среднюю часть головы коня (рис. 1-4); 2 - маска, вариант: а) - трехчастная, из налобника и двух нащечников (рис. 1-1). б) - пятичастная, те же плюс два наушника (рис. 1-2).

Наступательное оружие. По функциональному назначению делится на три вида: I. Оружие дальнего боя. II. Оружие таранного удара. III. Оружие ближнего боя. По специализации родов на пять видов: 1) сложносоставные луки и стрелы, 2) копьа, 3) мечи и сабли, 4) кинжалы, 5) боевые топоры.

1. Луки и стрелы изображены на наскальных рисунках и являются самыми массовыми находками. Луки имели М-образную форму, деревянную кибыть длиной 130-80 см, снабженную набором костяных-роговых накладок. По размещению на кибите накладки делятся на: срединные и концевые боковые, центральные и плечевые фронтальные. Наборы накладок насчитывают по 6, 5, 4, 2 шт. Большим разнообразием отличается набор стрел. В нем преобладали трехлопастные наконечники треугольных ромбических, пяти-шестиугольных форм. Часть из них снабжена костяными свистунками. Бронебойные наконечники представлены трехгранно-трехлопастными, трех-четырёхгранными тех же форм. Длина древка стрелы 70 см.

2. Копья имеются у большинства воинов на петроглифах и редки среди находок. Их наконечники имеют ромбическое или линзовидное перо килевидной, листовидной, вытянуто-треугольной форм; длинную или равновеликую коническую втулку. Длина древков копий не менее 2 метров.

3. Мечи и сабли широко представлены на каменных изваяниях, в погребениях их немного. Мечи делятся на двулезвийные линзовидные: однолезвийные треугольные; однолезвийно-двулезвийные треугольно-ассиметрично-ромбические (конец клинка раскован на два лезвия). Рукоять прямая или наклонена в сторону лезвия. С напускными шестиугольными ромбовидными и брусковидными перекрестиями. Иногда черен мечей снабжались штырями или закрепками для крепления обкладки рукояти. Есть рукояти с бронзовым навершием. Сабли имели слабоизогнутый клинок, наклонную рукоять, остальные данные те же.

Длина клинков у мечей и сабель 75-80 см, рукоятей 10-12 см, ширина полотна 2,5-3,5 см. Специальная функция мечей - рубяще-колющий, сабель - рубяще-режущий удар.

4. Кинжалы также изображены на изваяниях и редко встречаются в курганах. Двухлезвийный клинок кинжала предназначен для колющего удара. Рукоять прямая или наклонена, с плечиками и без. В сечении линзовидные и прямоугольные, с острым или скругленным концом клинка. Иногда рукоять снабжалась штырьками для крепления обкладки. Длина кинжалов 18-29 см, ширина полотна 1,2-3,5 см.

5. Боевые топоры встречены в нескольких захоронениях и ритуальном месте. Предназначались для нанесения сильного рубящего удара. Выделяются высоко и низкообушные с узким трапециевидным полотном имеющим выпуклое, прямое или секировидное лезвие. Длина топоров 12-20 см, ширина лезвия 3-5,7 см. Есть данные о длине рукояти одного экземпляра раной 35 см (В.Д. Кубарев, 1992).

Военное снаряжение. Под ним понимается (в узком плане) набор предметов для ношения и хранения оружия. По назначению к родам оружия делится на три вида: 1) налучья для луков, 2) колчаны для стрел, 3) ножны для мечей, сабель, кинжалов.

1. Налучья редко встречаются на изображениях (лука седла и сцена на валуне из Кудыргэ) и всего одно известно из погребения Калбак-Таш (Г.В. Кубарев, 1992). Изготавливались они из кожи, носились на поясе с помощью петли шитой у устья. По из конструкции выделяется два типа: 1 - чехол в форме полумесяца повторяющий изгиб лука со спущенной тетивой, имел длину лука и отстегивающуюся верхнюю половину, в устье крепились пластины из твердого материала; 2 - чехол в форме половины лука с натянутой тетивой (длина 30 см, ширина устья 15 см). Оба типа футляров сворачивались из одного куска отформованной кожи и прошивались по одной стороне через дощечку ремешками. Носились судя по изображениям с правой стороны вместе с колчаном (рис. 1-1) или с левой вместе с мечом (рис. 1-2). Иногда в погребениях с воином встречаются 2 лука. В этом случае налучий должно быть то же 2. Одно 1 типа (лук без тетивы), второе 2 типа (лук в боевом полжении). Подтверждение такому составу есть в росписях Восточного Туркестана (Дьяконова, 1984).

2. Колчаны редки на рисунках, в захоронениях встречаются чаще. Изготавливались из нескольких слоев бересты (два, три). В бок колчана вшивалась деревянная планка с двумя отверстиями для крепления портупейных ремней. Тюрки использовали колчаны двух типов: 1 - со срезанным верхом, трапециевидной формы, закрывались отсегивающейся крышкой (рис. 1-3); 2 - с карманом, веслообразной формы (рис. 1-1). Сечение колчанов было овальным у основания и круглым у устья. Длина 80 см. Стрелы с трехлопастными наконечниками носились оперением вниз, с остальными оперением вверх. Количество стрел в колчане 15-20 штук. Носились на поясе с правой стороны.

3. Ножи известны с каменных изваяний, в могилах от них сохраняются только обоймы или тлен. Изготавливались из двух деревянных плашек обтянутых кожей. Имели систему крепления из наконечников, обоймы для устья, обоймы для сцепки корпуса. Последних могло быть от 1 до 4, но чаще встречаются по 2. Они снабжались скобами для продевания портупейных ремней. Иногда скобы крепились к ножнам самостоятельно. Форма скоб на тюркских ножнах обычно сегментовидная. Размеры ножен соответствовали оружию в них носившемуся. Мечи, сабли, кинжалы носились на поясе с левой стороны.

Древнетюркский комплекс вооружения Горного Алтая соответствует панцири тяжеловооруженного всадника - "катафрактария". Для него характерны три главные особенности: 1) наличие полного защитного доспеха у всадника; 2) главное оружие длинные копья-пики для таранного удара; 3) полный защитный доспех у боевого коня (Хазанов, 1971). Сложение комплекса происходит на основе хунно-сяньбийской традиции к середине VI в. (Горелик, 1993). Завершает он свое развитие в XI в. с гибелью древнетюркского этноса (Савинов, 1984). Внутри этого периода выделяются три этапа: 1) 2 пол. VI - 1 пол. VIII вв. 2) 2 пол. VIII - 1 пол. IX вв. 3) 2 пол. IX - XI вв. Отличительными чертами вооружения 1 этапа являются панцири типа "кираса", сфероконические ламеллярные шлемы, луки с 6, 5 накладками, двулезвийные мечи. На 2 этапе появляются луки с 4 накладками, однолезвийно-двулезвийные мечи, боевые топоры. 3 этап характеризуется некоторой стандартизацией и типологическим сокращением оружия, а также распространением сабли. Основу древнетюркского войска составляли отряды тяжеловооруженных всадников -

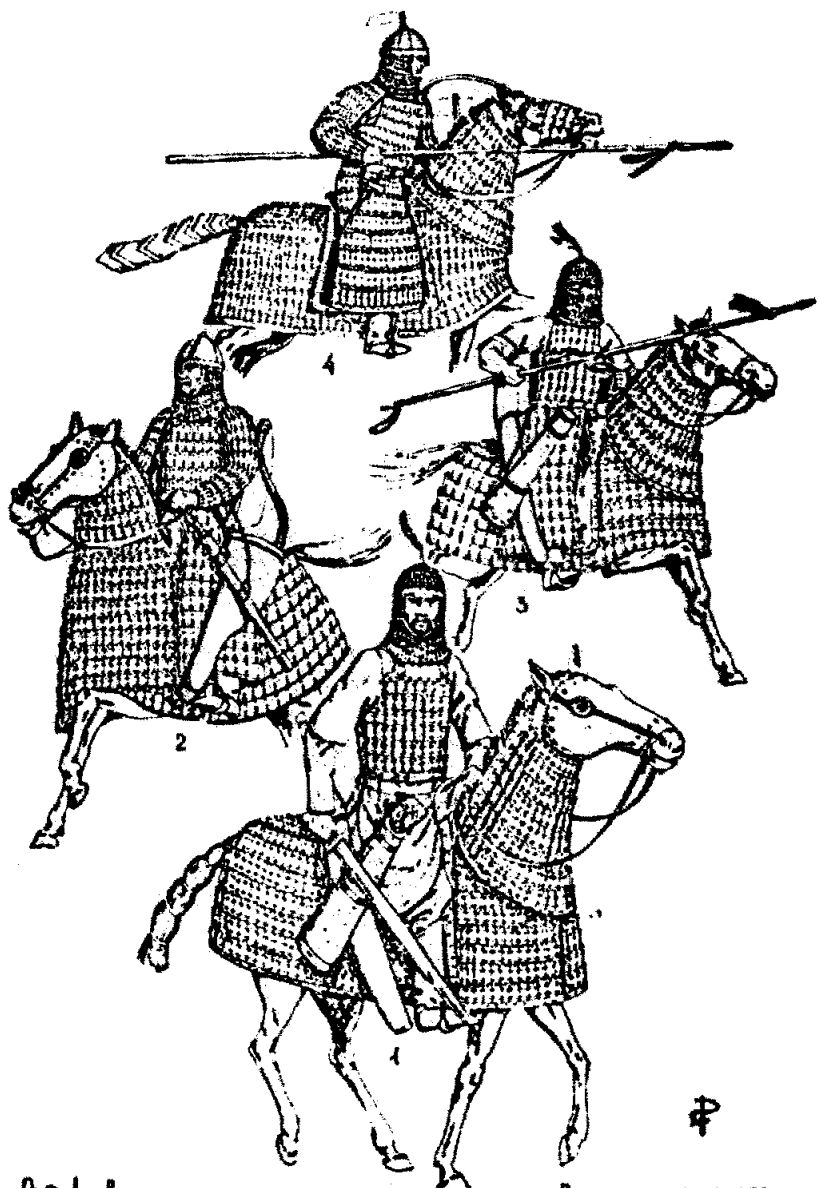

Рис. 1. Древнеисторическо-художественные воины. Реконструкция делана по иллюстрациям и изображениям на монетах. Автор: В. В. Волынский

"бури". Их численность в периоды гегемонии Тюркских каганатов не превышала 3-5 тыс. человек (Малов, 1959; Кляшторный, 1964; Гумилев, 1967). Очевидно эта конница формировалась из собственно тюрков. Отряды средне и легковооруженных всадников набирались из союзных и подчиненных племен. Применение "катафрактариев"-копейщиков определяло тактику плотно сомкнутого строя конной "фаланги" (интервалы в шеренге стремя к стремени). Бой состоял из трех фаз: обстрел из луков при сближении с противником, таранный удар копейщиков (первые две, три шеренги) при соприкосновении с ним, после чего рукопашный бой на мечах (Горелик, 1990). Описание такого боя является своеобразным эталоном древнетюркских рунических текстов (Гумилев, 1967). Наличие разнообразного набора вооружения хорошо соотносится с данными письменных источников и археологии о развитом местном металлургическом производстве (Зиняков, 1988). Древние турки первыми в Центральной Азии сделали тяжеловооруженную конницу массовым родом войска, их традиции оказали прямое влияние на формирование аналогичных родов у киданей, чжурчженей и монголов.

А. В. Караван, Е. В. Савин
(Барнаул, БГУ)

**О ВЛИЯНИИ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ ТАИ
(к постановке вопроса)**

Изучение идеологической сферы культуры любого народа всегда наталкивается на множество трудностей. Они обусловлены тем, что порой невозможно определить степень влияния мировоззрения соседних народов на культуру определенного этноса. Ситуация сильно усугубляется наличием ограниченного круга источников. С такого рода проблемами сталкиваются исследователи при анализе погребального обряда и идеологического блеска тюркоязычных народов Центральной Азии в VI-X вв. н.э.

Так, одним из вопросов тюркологии остается задача определения причин, повлиявших на изменение традиционной ориентации погребенных (с восточной на западную и северную). По мнению Д.Г. Савинова это свидетельствует "о каких-то изменениях в области идеологических представлений" (Савинов, 1984, с. 65). Существует еще целый ряд проблем. Исследователи склонны связывать многие инновации с влиянием культур Индии, Китая. Контакты в области идеологии между Азиатским Севером и Югом проявляются в близости облика и содержания некоторых элементов ритуальной обрядности и культовой атрибутики. Имеется в виду проникновение в тюркскую среду буддизма, манихейства и других форм традиционных мировоззрений. Они проникали подчас в виде общих идей. Пути движения были различны. Так, буддизм пришел из Китая, а манихейство из Средней Азии через Китай попало к тюркам (Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье, 1992, с. 431, 523; Краткая история уйгуров, 1991, с. 111-112). Таким образом, китайская культура оказала влияние на проникновение этих религий.

Являясь посредником, Поднебесная империя не могла не повлиять на форму и содержание проникавших воззрений. Исходя из этого можно предположить, что определенное воздействие на культуру тюрков оказала сама традиционная китайская философия, в частности, даосская.

Эпоха Тан, характеризующаяся подъемом китайской культуры вообще, считается периодом расцвета даосского учения. Для этого периода характерен выход даосских идей за пределы Китая, их утверждение в идеологии соседних народов. "В VII-VIII вв. н.э. даосизм был как никогда близок ... к превращению из религии национальной в религию если не мировую, то, по крайней мере, региональную. Этому способствовали и широкие международные контакты танского двора, покровительствовавшего даосизму" (Торчинов, 1993, с. 221). Даосизм в это время распространяется во всех направлениях. Известно, что на Востоке даосизм проник в Корею и Японию, на юге - во Вьетнам и Камбоджу, на западе - в Индию (Торчинов, 1993, с. 133, 211-213). Существенно, то, что даосские идеи повлияли не только на культуру выше названных земледельческих народов, но и на верования кочевых племен: например, тангутов, живших к северу

от Хуанхэ и бывших непосредственными соседями тюрков (Кычанов, 1988, с. 492-493). Интересно, что у тангутов даосизм оказал воздействие не только на правящую элиту, но и на синкретическую народную религиозную традицию (Кычанов, 1988, 1991).

Подобные же действия оказали китайские идеи, в частности, погребальный обряд, на тюрков Центральной Азии. Так же, как и в большинстве подобных случаев подражание началось с верхушки кочевнического общества. Так, в храме посвященном Кюль - тегиноу, сооружавшемуся совместно с китайскими мастерами и в подражание ритуалу китайской знати, имеется не только изваяние самого умершего, но и скульптуры жертвователей (Кызласов, 1964, с. 38).

С точки зрения взаимовлияния культур интересно изучение и сопоставление культа предков, представлений о душе и стране мертвых у тюркоязычных народов и земледельцев Средней империи.

Таким образом, можно говорить о китайском влиянии не только в материальной сфере, чему имеются подтверждения археологическими и письменными источниками, но и в духовной.

Н. И. Зиняков, Р. В. Назур
(Кемерово, КеМГУ)

МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ГОРОДОВ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА В XI-XII ВВ.

X-XII вв. в истории Средней Азии и Южного Казахстана характеризуется утверждением феодальных отношений, сопровождавшихся развитием производительных сил, общим подъемом товарно-денежных отношений, усиление разделения труда между городом и деревней, бурным ростом среднеазиатских городов. Город становится административным, торгово-ремесленным и религиозным центром средневекового общества.

К настоящему времени накоплен и с разной степенью изучен огромный материал по истории городов Средней Азии и Южного Казахстана. Среди слабо решенных вопросов особое значение имеет изучение ремесленного производства, и прежде всего - производства и

обработки металлов - железа, стали и чугуна. Черная металлургия и металлообработка играли огромную роль в жизни средневекового населения. От уровня их развития зависел труд землевладельцев, строителей, ремесленников. Наконец, эта сфера определяла качество и количество наступательного и оборонительного оружия, имевшегося на вооружении войска.

Современные методы исследования металлообработки, опирающиеся на микроструктурный анализ, позволяет осветить основные вопросы, стоящие перед исследователем.

В данной работе представлены металлографические характеристики металлических изделий с городища Талгар и Алматы. Изучено 33 предмета: крицы, заготовки, топоры, тесло, зубила, лемехи, кирка, кетмень. Представляя собой продукты разных ступеней производства, они позволяют проследить весь технологический цикл средневековых кузнецов Казахстана.

Рассмотрим результаты исследований по отдельным категориям изделий.

Крицы. Представляли собой полуфабрикат для дальнейшей работы в форме небольшого караваля. Их вес колеблется от 1,8 до 3,5 кг. Как показали металлографические исследования трех криц, состоят они из мягкого железа (структура феррита). У поверхности иногда фиксируются небольшие науглероженные зоны. Общим для всех является наличие многочисленных пор и трещин, заполненных неметаллическими включениями.

Заготовки. Следующим звеном в технологической цепочке было изготовление специальных брусков-заготовок. Металл при это окончательно уплотняется и в значительной степени освобождается от шлака. Полученные бруски имели прямоугольное сечение. Вес 1-1,7 кг. Металлографически исследовано 5 поковок. В основе трех из них обнаружено мягкое железо, остальные откованы из мягкой низкоуглеродистой и сырцової стали. Оказалось также, что часть полуфабрикатов (3 экз.), подвергалась специальной обработке - поверхностному науглероживанию, в результате которого на заготовках образовался тонкий слой стали. Концентрация углерода в слое достигает 0,9-1%.

Слесарные зубила. Предназначались они для рубки и разметки холодного металла. Одно из них, откованное из мягкого железа, могло

использоваться только в работе с цветными металлами. Для повышения твердости металла конец лезвия прокован в холодном состоянии. Второе зубило изготовлено по иной технологической схеме. В его производстве использовалась сталь с неравномерным распределением углерода. Для придания металлу изделия большей твердости оно подвергалось термической обработке - закалке.

Топоры. Представлены в коллекции достаточно большой группой. Все изученные топоры плоскообушные и очень массивные. Вес их колеблется от 1,4 до 2 кг.

При металлографическом исследовании выявлено 4 технологические схемы их производства: 1) топоры, откованные из сырьевой неравномерно науглероженной стали - 7 экземпляров. Из них 4 изделия имеют закалку кромок лезвия; 2) односторонняя и двухсторонняя поверхностная цементация - 5 изделий. Из них на трех изделиях зафиксирована мягкая и твердая закалка; 3) наварка лезвия - 1 экземпляр; 4) целиком из железа - изготовлен один топор.

Тесло. Металлографический анализ выявил довольно сложную технологию производства с применением техники многослойной варки.

Ножи. Технологически изучено два изделия. Первый нож многофункционального назначения имел многослойное пакетное лезвие. Пакет состоит из стальных пластин с различным содержанием углерода (0,1-0,5%). Второй нож с изогнутым лезвием предназначался для специальных целей. Работа над ним не завершена. В качестве исходного материала дляковки использовано чистое железо.

Довольно хорошей серией в коллекции представлены сельскохозяйственные орудия, набор которых говорит о высокой технике земледелия.

Ковшомы лемехи. Металлографическому анализу подвергнуто два лемеха. Они представляют собой подтреугольную лопату с широкой несомкнутой втулкой. Как свидетельствуют результаты исследований, в производстве лемехов кузнецы использовали различные технологические схемы. Первая, наиболее простая, сводилась к изготовлению цельностального наконечника с помощью обычных приемов пластической обработки металла в горячем состоянии. Вторая - основана на двухслойной сварке железа и стали. Сварка выполнена очень качественно.

Лезвие ножа. Микроструктурный анализ двух изделий показал, что отлиты они из белого заэвтектического (углерод 4,3%) и заэвтектического (углерода более 4,3%) чугуна. Микроструктуры чугунов - в одном случае ледебурит, в другом ледебурит и цементит. Чугун с подобной структурой обладал большой твердостью и износостойкостью, но одновременно с ними и хрупкостью.

Копье. Изученный экземпляр имел округлую форму. Металлографическим анализом выявлено, что изделие вместе со втулкой отковано из одного куска мягкого железа (структура крупнозернистого феррита).

Лезвие. При микроструктурном исследовании выявлена довольно сложная технологическая схема - двухслойная сварка. В качестве исходного материала использована низко- и высокоуглеродистая сталь.

Подводя итоги технологических исследований кузнечной продукции, следует отметить в целом высокий уровень кузнечного ремесла средневекового города.

В качестве исходного материала использовали кричное железо и сырцовую сталь. Располагали ремесленники и высокоуглеродистой сталью, получаемой муфельным путем.

В производстве изделий применялся широкий набор технологических схем: 1) целиком из железа; 2) целиком из сырцовой стали; 3) поверхностная цементация; 4) двухслойная сварка; 5) наварка стального лезвия; 6) пакетирование; 7) чугунное литье. Это требовало от мастеров обладания разнообразными приемами и операциями, высокой технической подготовкой.

Е. С. Габшюв

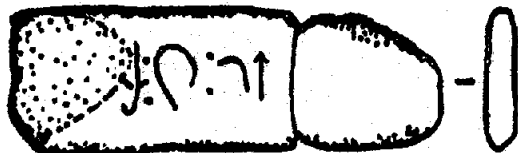
(Якутск, ЯГУ)

"КУЛУН-АТАХСКАЯ" РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ

Самые северные тюркские наскальные рунические письмена зафиксированные на берегах р. Лены в Якутии, датированы (А.Н. Бернштам, А.П. Окладников) IX-XI вв., хотя появление носителей данно-

го письма тюрков-саха в крае официальная наука относит к XIV-XV вв.

29 марта 1984 г. в газете "Якутский университет" вышла статья Е. Сидорова и А. Гоголева "Самая северная руническая надпись", где была дешифрована надпись на обожженном костяном наконечнике стрелы, найденная в 100 км ниже г. Якутска в Курбусахском наслеге Усть-Алданского улуса, 60 км от реки Лены. находка датирована XIV-XV вв., т. е. относится к кулун-атахской археологической культуре. Сюда же относится и вторая надпись, которая осталась без внимания. На плоском галечнике 9х3 см вырезаны четыре знака высотой от 1 до 1,5 см.

"Кулун-атахская" руническая надпись

Руны обычно писали справа налево. Между словами ставили разделитель в виде двоеточия. Гласные стоящие перед согласными могли пропускать, поскольку для одного и того же согласного звука могло иметься несколько знаков, которые употреблялись с определенными гласными.

Последний знак на камне по форме скорее всего является тамгой (родовой или личной). Первый знак-руна в виде стрелы обозначает звук "q [x]" и употребляется в сочетании со звуками "o [o]", "u [y]", "ö [o]", "ü [y]". Следующий гласный звук пропущен, т. к. он легко восстанавливается при помощи первой руны. Второй знак передает звук "p [п]". После него стоит словоразделитель в виде двоеточия. Третий знак - "j [Я]", перед которым пропущена долгая

гласная или дифтонг. В древнетюркском руническом алфавите две руны передавали звук "Я". В данном случае использован знак, который в языке саха указывает на долготу.

Таким образом, можно предположить следующее прочтение: первое слово "qor [хор]" - усилительная частица (ср. тюрк. "kor [коп]" с тем же значением); второе слово "iaj [изя]" - быть дружески расположенным (Э.К. Пекарский, Словарь якутского языка). Надпись на камне возможно могла означать заклинание, просьбу к богам о покровительстве и расположении к просящему. Возможно и другое прочтение, особенно если попытаться читать с древнетюркского языка. Но если учесть разницу в фонетике между тюркскими языками, которая существовала уже в древнетюркскую эпоху, то скорее всего правильнее читать с языка саха. Например: "человек" - kisi (киси) (др. тюрк.), kiši (киши) (др. тюрк.), kisi (киши) (саха); "войско" - sü (сү) (др. тюрк.), säri (сэри) (саха), čäri (чери) (стар. осман.), čarig (чериг) (др. кыргыз.). Поэтому здесь для дешифровки древнетюркский язык не подходит, это другой язык, тем более, что надпись датирована XIV-XV вв. и относится к эпохе наступившей после древнетюркского времени.

А. Ю. Борисенко
(Новосибирск, НГУ)

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ НЕМЕЦКИМИ УЧЕНЫМИ XVIIII-XIX ВВ.

Средневековые памятники Южной Сибири попали в поле зрения европейских, в основном немецких ученых в начале XVIII в. В процессе исследования первой академической экспедиции Д.Г. Мессершмидтом, Ф.И. Таббертом и К. Шульманом в 1721-1722 гг. были зафиксированы средневековые каменные изваяния, открыты памятники рунической письменности, собрана коллекция находок, относящихся к эпохе средневековья. Часть этих предметов известна по рисункам из публикаций и архивных материалов.

В 1735 г. раскопки на развалинах подзднесредневекового буддийского монастыря на верхнем Иртыше провел В. И. Геннин.

В 1739 г. минусинских степях работала экспедиция Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина. Ими было осмотрено и зафиксировано большое количество средневековых памятников, собрана коллекция вещей, часть которых сохранилась в фондах Эрмитажа. Полевые наблюдения легли в основу исторических построений ученых. И. Г. Гмелиным предложена первая классификация археологических памятников, среди которых несколько типов относятся к эпохе средневековья. Эта работа заложила основу для дальнейшего изучения средневековых памятников.

В 1771-1772 гг. по Южной Сибири совершил путешествие П. С. Паллас. Им зафиксированы сведения о каменных изваяниях, наскальных рисунках, и средневековых "киргизских могилах".

Данные о тюрко-монгольских кочевниках нашли отражение в обобщающих трудах по истории Сибири Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, И. Г. Георги. Издание этих трудов привлекло внимание к историческому прошлому Сибири в европейской науке. В конце XVIII-начале XIX вв. по Сибири совершили поездки И. П. Фальк, И. Сиверс, К. Ф. Ледебур, К. А. Мейер, Л. А. Бунге.

В 1829 г. Алтай посетил известный ученый из Германии А. Гумбольдт.

Отдельные сведения о средневековых находках есть в коллекции А. И. Шренка.

В середине XIX в. наиболее значительные раскопки средневековых курганов на Алтае, в Минусе и Причумылье совершил В. В. Радлов. Ему принадлежит попытка идентификации материалов из раскопок с культурами средневековых кочевников, известных по письменным источникам. В. В. Радлову принадлежит перевод и издание памятников древнетюркской рунической письменности. Эти исследования надолго определили пути дальнейшего изучения средневековых памятников Южной Сибири.

Европейские, в том числе немецкие ученые на российской службе внесли в XVIII-XIX вв. важный вклад в изучение средневековых памятников в Южной Сибири.

ЭТНОГРАФИЯ

Н. Н. Пивоварова
(Горно-Алтайск, Г-АГПИ)

ТКАЦКОЕ ПРОИЗВОДСТВО У ПЛЕМЕН СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ В XVIII-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

Ткачество представляло собой самую высокую ступень, до которой дошло человечество в использовании волокнистых растений и шерсти. В силу определенных исторических и природных условий, в которых оказались народы Сибири, только некоторые из них дошли до ткачества. В юго-западной Сибири ткачество было известно племенам северных алтайцев (тубаларам, кумандинцам, челканцам, шорцам). Все виды техники ткацкого производства получили свое развитие на местном сырье. До эпохи русского заселения сырьем для ткацкого дела у шорцев служили волокна дикой конопли и крапивы (Потапов, 1936, с. 100). У тубаларов, кумандинцев, челканцев использовался исключительно кендырь - волокна дикой конопли. Это наименование сохранилось за пряжей, которая у кумандинцев носит название кендырь (Сатлаев, 1974, с. 74). Позднее, в эпоху русской колонизации, коноплю стали сеять (Потапов, 1936, с. 100). А также от русских крестьян переняли лен (Сатлаев, 1974, с. 74).

У народов Алтая (северных алтайских племен) ткацкие станки были горизонтального тканья. Все они объединены одним простым по своему устройству приспособлением - основоразделителем, при помощи которого механически достигается перемена зева. Из знакомства с ткацкими станками казахов можно прийти к заключению о более совершенном устройстве алтайских станков. Перемещение зева, на казахском станке, производилось широкой доской, поставленной на ребро. Отличия алтайских станков от среднеазиатских позволяет высказать предположение о их самостоятельном происхождении. Однако этот вопрос остается все же неясным. Возможно, что способ ткацкого производства был заимствован от енисейских кыргызов или тюркского населения Кашгарии (Попов, 1956, с. 145-146). Ткацкий

станок, описанный А. А. Поповым был известен кумандинцам. Но они широко использовали и более усовершенствованный ткацкий станок, перенятый от русских крестьян. Он довольно быстро распространился среди кумандинцев и совершенно вытеснил старый тип станка (Сатлаев, 1974, с. 74).

Кроме тканья холста и сукна из шерсти женщины племен северных алтайцев изготавливали пояса и тесьму. У шорцев, челканцев, кумандинцев существовали два вида пояса и тесьмы: 1) из шерсти в виде перекрещивающегося по диагонали племениа, 2) из шнурков, перевитых в полоски (Попов, 1956, с. 134). Станки для ткани поясов существовали у шорцев и телеутов. Станки по своему устройству ничем не отличались от русского станка. Перемещение зева производилось палочкой нитчатки, поднимаемой рукой. На данном станке основа делалась из коричневых и зеленых нитей, уток из суровой пряжи (Попов, 1956, с. 134-136). Таким образом, тканье получалось узорным.

Телеуты, кумандинцы, шорцы, часть тубаларов и челканцев по материальной культуре были выше южных алтайцев кочевых и полукочевых районов. Это объясняется тем, что в течение десятков лет они перенимали приемы ткачества и русского населения, угров, енисейских кыргызов, тюркского населения.

И. К. Черная
(Тобольск, ТГПИ)

ВОЛОСЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОБРЯДАХ ОБСКИХ УГРОВ

В обрядах жизненного цикла и фольклоре многих народов встречаются разнообразные моменты, так или иначе связанные с волосами. Подтверждением этому могут служить сведения, сообщенные информаторами и сюжеты песенно-эпического творчества хантов и манси.

В обскоугорском фольклоре богиня-мать, подательница детей Калтац предстает в образе молодой, красивой женщины. Когда она выпускает свои волосы, "они развеваются как семикратная Обь вместе с устьем... из кос расходится дневной свет, в них возникает лунный свет." В легендах, мифах обских угров верховный бог Торум нередко называется седовласым стариком. По представлениям васюганс-

ко-ваховских хантов, солнце выступает в качестве символа божественной сущности и самостоятельной силы. Видимые круги вокруг солнца объясняются тем, что женщина-Солнце расчесывает волосы. Лучи-волосы реализуют метафору связи неба и земли, в этом смысле они сродни главной космической вертикали - мировому дереву.

Одной из центральных фигур эпоса хантов и манси является богатырь. Непременным атрибутом богатырей в героических преданиях являются косы. Описание волос или кос богатырей сопровождается употреблением красочных эпитетов: "золотоволосый остяцкий царь Сарнянг-автав-кантах-кон", "орынг-отыр - богатырь с серебряной головой", "косатый богатырь Яг". "Косатые" богатыри обладали особой мощью и силой, окружались почетом.

По представлениям хантов и манси, в волосах живет одна из душ "лиль", связанная с внутренней жизненной силой человека. Эта душа ассоциируется с дыханием. Она всегда находится при человеке, а если покидает временно его тело, то человек испытывает усталость и робость. Это душа реинкарнирующая, способная к возрождению. По словам хантов и манси, "лиль" обитает на голове (в голове), в частности, в волосах. Человек лишенный волос, становится слабым, теряет силу. Возможно, этим объясняется обычай скальпирования у обских угров, распространенный, судя по фольклорным материалам, в далеком прошлом и известный в ряде случаев в последнее столетие (Казымское восстание 1931 г.). Стремление уничтожить душу врага и даже возможность ее возрождения побуждало победителей сдирать "радужно-отливающую головную кожу", а преследуемым - из последних сил спасать ее. Сохранить волосы считалось гораздо важнее, чем спасти жизнь.

Действия с волосами обнаруживаются в обрядах хантов и манси, отмечающих начало и конец жизни (родильный и похоронный). Так, в родильном обряде, после перехода из "маленького дома" в общий, пожилая женщина ниткой обвязывает несколько волосков на голове ребенка. У девочки делается четыре узелка, у мальчика - пять (у обских угров число "четыре" считается женским, а "пять" - мужским). Затем нитка с узелками отрезается и хранится в священном углу вместе с другими домашними святынями.

Особенно много действий с волосами фиксируется в погребальном обряде обских угров. По их представлениям, душа после смерти уходит вниз по реке - в северное море Чорас. Чтобы душа мертвого благополучно достигла страны мертвых, родственники проделывают специальные обряды. Пожилые женщины распускали косы близким родственницам покойника, последние в это время начинали оплакивание. Распущенные волосы символизируют скорбь и траур. С распущенными волосами женщины ходили в течение 4-5 (7) дней. По истечении траура, все одновременно моют головы, расчесывают волосы и заплетают косы. На протяжении 4-5 месяцев не носят никаких украшений, не ссоединяют нижние концы волос, косы носят связанные на груди, а не на спине. Сразу после смерти отрезали прядь волос умершему и его родственницам (мужчинам и детям волосы слегка подпаливают на затылке). Срезанные волосы соединяют в четыре-пять пучков, привязывают к нитке, кладут на тело умершего, перед выносом гроба - снимают. Березовские и казымские ханты делают из срезанных волос куклу - "упыт-акань" ("волосая кукла"). И волосы, и волосяную куклу сжигают либо весной, либо осенью, с прилетом первой или отлетом последней утки, на краю поселка (вниз по течению реки) в специально сооруженной модели шалаша. Полагают, что с помощью своих срезанных с родственников волос душа доберется до мыса Хоманел (волосы будут ложиться как нить на его пути). Считается, что утка, как перелетная роль почтальона, переносит душу умершего в иной мир. Волосы в похоронном обряде обских угров символизируют дорогу, соединяющую мир живых и мир мертвых.

А. Н. Луханин
(Красноярск, КГПУ)

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У ЭНЦЕВ

В 1992-1993 гг. этносоциологическая экспедиция, включающая студентов Красноярского пединститута провела массовый опрос энцкого населения. В поселках основной территории расселения опросе-

ны практически все энцы, включая детей: 57 человек в Воронцово, 96 чел. в Потапово.

Опросный лист включал серию вопросов по языковым процессам. Выяснилось, что в северной группе (Воронцово), где большинство населения составляют ненцы, признали родным энецкий язык 61,4% опрошенных энцев, русский язык - 24,5%, ненецкий - 17,5%. В Потапово (южная группа), где население более смешанное, много русских - признали его родным 56,8% энцев, в то время, как энецкий - 43,2%.

Гораздо скромнее показатели по использованию энецкого языка. Является основным разговорным он лишь для 27,9% северных энцев и 9,5% южных. В обоих поселках преобладает русский язык, а в Воронцово добавляется и ненецкий.

Владеют свободно энецким языком 42,4% энцев, с некоторыми затруднениями - 4,5%, со значительными затруднениями - 3,9%, понимают, но не говорят - 19,6%, не владеют - 29,4% (по обоим поселкам).

Динамика языковых процессов о возрастным группам указывает на снижение его бытования к младшим возрастам:

Доля признавших энецкий язык родным (в %)

Возраст:	Воронцово	Потапово
60 лет и старше	87,5	100,0
40-59	87,5	100,0
20-39	80,9	72,4
0-19	20,0	8,1

С родителями разговаривают на энецком языке 59,6% энцев в Воронцово и 46,8% в Потапово.

Из числа состоящих в браке используют в общении с супругами энецкий язык 32,0% в Воронцово и 41,0% в Потапово.

В общении со своими детьми (из числа имеющих детей) используют энецкий язык 24,0% родителей в Воронцово и 15,8% - в Потапово.

В связи с большой смешанностью в расселении энцев, значение энецкого языка падает, в Потапово его вытесняет русский язык, в Воронцово - русский и ненецкий.

Энецкий язык - бесписьменный, и в связи с небольшой численностью энцев, введение письменности затруднительно. Это ставит энецкий язык на грань исчезновения по мере смены поколений.

Одной из причин падения значения языка - искусственное "подстегивание" ассимиляционных процессов - энцы были записаны ненцами и ничего не предпринималось для развития и сохранения языка. Это стимулировало переход части энцев на ненецкий язык, а позже - на русский. Вторая причина - изменения в расселении: энцы на своей этнической территории составляют незначительное меньшинство (менее 20%), это мешает нормальному функционированию языка.

В связи с проблематичностью введения энецкой письменности, имеет смысл стимулировать среди детей усвоение разговорной речи через детский сад, кружки и факультативы в школе и через художественную самодеятельность в клубах. Это может несколько сдержать процесс исчезновения языка, а возможно и стабилизирует языковую ситуацию. Необходимо рассмотреть возможность разработки и введения через школу энецкой письменности.

Т. Г. Бакнева
(Тобольск, ТПГИ)

МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ В ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЕ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ТАТАР

В традиционной свадебной обрядности многих народов особое место занимают магические обряды. В литературе принято деление их на две группы: апотропеические или предохранительно-оберегающие действия (в соответствии с функциями эта группа подразделяется на отгоняющие, скрывающие, обманывающие, избегающие) и протрепетические или продуцирующие обряды (соединительные и магия плодородия).

Считается, что отгоняющими магическими обрядами преследовалась цель отогнать враждебные силы от молодых, поскольку, согласно

традиционному мировоззрению, наиболее восприимчивым к воздействию зла и "дурного глаза" человек оказывается в ответственные моменты жизни (рождение, вступление в брак, смерть). У западносибирских татар к отгоняющим магическим обрядам относятся стрельба из ружей перед въездом свадебного поезда в деревню молодого; обвеивание молодой конопляным прутиком; бросание под ноги невесте горячей бересты. К этой же группе обрядов можно отнести переезд свадебной повозки через костер (последний обычай фиксируется и у других тюркоязычных народов).

К скрывающей магии можно отнести обычай перевоза молодых в закрытой повозке; закрывание лица невесты во время всех свадебных церемоний; нахождение молодых за занавеской. Перечисленные обычаи были характерны для других тюркоязычных и угорских народов Сибири. В целях обеспечения безопасности молодых, защиты от злых духов и порчи существовали особые лица: "Рурелече" (старик, который с помощью березового веника изгонял "нечистую" силу) и "енгалек" (жены старших братьев жениха и невесты, которые постоянно находились возле молодых, сопровождая их всюду на протяжении всей свадьбы).

К апотропеическим обрядам относятся действия умиловительного характера по отношению к духам-предкам. Считалось, что духи предков строго следят за чистотой своего рода, поэтому введение в род чужой женщины требует их умиловления. У западносибирских татар к данной группе обрядов можно отнести обычай посещения кладбища в ауле невесты и жениха, обычай посещения кладбища в ауле невесты и жениха, обычай разрывания невестой ткани перед входом в дом жениха, а также обычай сажания невесты на порог и приподнимание ее над порогом. Последнее действие символизирует разрыв связей невесты со своим родом, духами предков.

Протрептические или продуцирующие магические обряды должны были способствовать благополучию и счастью новообразуемой семьи. К данной группе относятся ритуальные подарки при сватовстве в знак закрепления сговора, которые были известны многим народам. Одним из широко распространенных и часто повторяющихся обрядов является обряд осыпания молодых зерном, продуктами животного происхождения, сладостями, фруктами, монетами, мукой. Продуцирующие

значение имела и подача молодыми меда, молока. К магии плодородия относятся также обычай соединения невесты с ребенком: при въезде по двор жениха, мальчика сажали на колени невесте; на постель молодых было принято сажать двух детей, обычно мальчика и девочку.

В отдельную группу можно выделить половую (парциальную) магию, происхождение которой исследователи связывают с культом "лемби". Этот термин авторы трактуют как женское обаяние, привлекательность, девичья честь. Объектом действий были девушки, которые пытались приобрести или усилить эти качества за счет "лемби" невесты. Забота об укреплении "лемби" имело большое значение в жизни девушек, поскольку утрата или порча его грозила девушке несчастьем - она могла остаться старой девой. У западносибирских татар, по полевым материалам, девушки сопровождали невесту на протяжении всех свадебных церемоний. Считалось, что принятие чего-либо из рук молодых будет способствовать скорейшему замужеству девушек и женитьбе юношей.

Особое место в свадебном церемониале многих тюркоязычных народов занимала магия белого цвета. Белый цвет в традиционном сознании ассоциировался с чистотой, непорочностью. Это цвет сакральных небесных светил (луна, солнце, звезды), цвет счастья, радости и удачи. В свадебной обрядности западносибирских татар белый цвет присутствует в таких церемониях как подача молока жениху перед отъездом в дом невесты; в доме невесты - посыпание мукой; у порога комнаты дома жениха невеста перешагивала через кусок белой ткани.

В свадебной обрядности западносибирских татар представлены круговые обереги, имевшие магическое значение. Это обычай обводить жениха по кругу двора невесты, известный у тобольской, вагайской и нижнетавдинской групп западносибирских татар: обычай по которому перед отъездом невесты в дом жениха подружки новобрачной садились в круг, укрывшись большим платком. В доме жениха устраивалось "блюдо женихово" ("княю тавак"), на котором все пришедшие на угощение, рассаживались по кругу, а также обычай объезжать свадебным кортежом вокруг кладбища, села, мечети.

Д. А. Куков
(Тобольск, ТГПИ)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ У ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ В КОНЦЕ XVIII-XIX ВВ.

В XVIII-XIX вв. восточная группа хантов занимала территорию по Средней Оби с притоками Пим, Аган, Тромьенган, Вах, Большой и Малый Юган, Васюган. На этой территории существовало одиннадцать волостей: Малоюганская, Большеюганская, Юганская-Подгорная, Пимская, Тром-Юганская, Ваховская, Салтыковская, Пирчинская, Каромская, Тымская.

Анализ материалов ревизских переписей населения этого периода свидетельствует об активных миграционных процессах у восточных хантов. Общая численность восточных хантов в 1782 г. была 3044 человека, к 1897 г. она выросла на 6,7% (221 чел.) и составляла 3265 человек. Прирост населения в бассейне Средней Оби отличался хронологической неравномерностью. Так, к 1816 г. общая численность хантов сократилась на 6% (181 чел.), а к сер. XIX в. (1858 г.) она возросла на 20,5% (742 чел.) и составила 3605 человек.

У восточных хантов в рассматриваемый период (конец XVIII- конец XIX вв.) отмечалось и неравномерное пространственное изменение численности населения. Наибольший прирост населения пришелся на жителей Ангарской (35,5%) и Ваховской волостей (32,6%). Увеличение числа жителей отмечалось также в волостях Пирчинской (на 23%), Пимской (на 17%) и на Большеюганской (на 9,7%). Сокращение численности населения произошло в Малоюганской (на 52,7%), Салтыковской (на 15,5%), Тром-Юганской (на 13,4%), Подгорней-Юганской (на 6,8%) волостях. Наибольшая неравномерность колебаний численности населения отмечалась в волостях Салтыковской (до 1858 г. численность населения возросла на 51%, а к 1897 г. - сократилась на 58,6%) и Аганской (с 1782 г. по 1858 г. численность населения оставалась неизменной, а к 1897 г. - выросла на 35%).

В этнографической литературе отмечалось, что естественный прирост населения у хантов в XVIII-XIX вв. был крайне незначительным (работы З.П. Соколовой, Н.А. Миненко), поэтому колебание числен-

ности населения у восточных хантов можно объяснить миграциями. Основным направлением миграций у восточных хантов было движение на восток, о чем свидетельствуют меньшие темпы прироста, и даже сокращение в отдельные годы, численности населения в западных волостях, и его значительный прирост в восточных.

Анализ фамильного состава, по материалам переписей IV и X ревизий, позволяют установить и другие направления миграций. Так, из Тымской волости в Салтыковскую (т. е. с востока на запад) переселялись Кунины, Каикалесовы; из Тымской волости в Подгорню-Юганскую - Симонкины; из Тром-Юганской в Пимскую - Конгуровы. В северном направлении (с левобережных притоков Средней Оби на правобережные) переселялись: Кочимовы из Малоюганской волости в Тром-Юганскую и Римпины из Большеюганской в Подгорню-Юганскую. В общем потоке миграции с запада на восток из Юганской-Подгорней волости Апчины, Печиковы, из Малоюганской - Манины.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы археологии и этнографии	3
<i>Н. В. Гоголина.</i> Культурно-исторический ландшафт и современные задачи изучения и сохранения археологических памятников	3
<i>А. Ямский.</i> Особенности геологии и палеоэкологии Бобровской группы археологических памятников	5
<i>В. Г. Васильев.</i> Понятия реконструкция и моделирование в экспериментальной археологии	7
Эпоха камня	9
<i>Е. П. Рыбин.</i> Эволюция индустрии эпохи начала верхнего палеолита стоянки Кара-Бом (предварительные результаты)	9
<i>М. М. Маркин.</i> К вопросу об особенностях техники обработки камня памятников ушлепского палеолитического микрорайона	12
<i>В. И. Макулов.</i> Некоторые итоги археологических исследований на р. Подкаменной Тунгуске	14
<i>А. Л. Зашка.</i> К специфике местонахождения Казанцево-1	16
<i>А. Л. Зашка.</i> Морфологический анализ клиновидных нуклеусов со стоянки Казанцево-1	18
<i>А. В. Чупров.</i> К вопросу об орудиях с "носиком"	19
<i>И. В. Стасюк, Е. А. Томшова.</i> Местонахождение Каштанка-4	21
<i>Е. А. Томшова, И. В. Стасюк.</i> Археологический материал нижних слоев Афонтовой горы-II	23
<i>Е. В. Акимова.</i> К вопросу о вторичном использовании в позднепалеолитических индустриях Сибири	24
<i>П. В. Мандрыка, А. С. Вдовин.</i> Мезолитические комплексы в створе Казачинского порога на Енисее	27
<i>Н. П. Шербакова.</i> Новые данные по неолиту Красноярского района на материалах пещеры Еленева	28

Эпоха бронзы	30
<i>А. В. Фрибус.</i> Псалии из могил афанасьевской культуры	30
<i>Е. М. Мална.</i> Керамика большемысской культуры поселений на озере Танай	32
<i>И. Н. Кочмар.</i> Наскальные изображения эпохи бронзы на территории Якутии	34
<i>Н. Ю. Адамова.</i> Обработка поверхности сосудов эпохи ранней бронзы на р. Чилимка (низовья р. Конды)	38
<i>Т. Н. Соболевникова.</i> Технологическая характеристика посуды поселения раннего металла на оз. Арантур	40
<i>В. К. Мерц, Д. А. Франк.</i> Новый андроновский могильник в Павлодарском Прииртышье	42
<i>И. В. Ковтун.</i> Андроновские кинжалы из Джамбульского музея	44
<i>А. Б. Шамшин, О. А. Ченский.</i> Новый памятник андроновской культуры в Верхнем Приобье	47
<i>А. А. Ткачев, Н. А. Ткачева.</i> Березовский могильник	51
<i>А. А. Ткачев, Е. И. Винокурова.</i> Могильник эпохи бронзы Маринка	53
<i>Н. А. Ткачева, Ю. А. Брындима.</i> Поселение эпохи бронзы Барашки-1	55
<i>О. В. Умеренкова.</i> Классификация украшений ирменской культуры	57
<i>Н. В. Суковатова.</i> К проблеме классификации ножей эпохи поздней бронзы Среднего Енисея	59
<i>З. В. Степаненкова.</i> Технология производства сосудов лучкинского типа (по материалам городища Сергеевка-1)	61
<i>Т. М. Заложая.</i> Памятники атлымской культуры Нижнего Прииртышья	63
Эпоха раннего железа	65
<i>О. Н. Хохлова.</i> Мегалитические сооружения на Корейском полуострове	65
<i>Е. А. Киселева.</i> В вопросу о культуре Яей (общие сведения)	68

<i>Е.Б. Долговесова. Изображения фаллофоров на петроглифах Алтая и Енисея</i>	70
<i>А.С. Чеботарев. Костяные наконечники стрел большереченской культуры</i>	71
<i>И.И. Лебедев, В.И. Макулов, А.Л. Заика. Новые данные по археологии правобережья р. Енисей</i>	72
<i>Т.А. Журба. Новые материалы по раннему этапу пазырькской культуры</i>	73
<i>Л.В. Коваленко, П.В. Мандрыка. Новый могильник скифского времени в подтаежной зоне Среднего Енисея</i>	75
<i>А.Б. Шамшин, Я.В. Фролов. Исследования могильника эпохи раннего железа в окрестностях г. Барнаул</i>	77
<i>Ю.Н. Гаркуша, Ю.С. Худяков. Коллективное погребение позднескифского времени на могильнике Усть-Эдиган</i>	81
<i>В.С. Миронов. Памятники позднескифского времени на Средней Катунь</i>	82
<i>С.Д. Ведяник. Сборы с поселения Обские Плесь-I и грунтового могильника Обские Плесь-II в 1993 г.</i>	84
<i>С.М. Киреев, Е.В. Алехина, Н.Н. Ливоварова, Е.В. Герасимов. Продолжение археологических работ на Майминском комплексе</i>	86
<i>С.М. Киреев, П.И. Кудрявцев, Я.Ю. Полосина. К вопросу о хозяйстве населения предгорий Северного Алтая в эпоху поздней бронзы и раннего железа. (по материалам Майминского археологического комплекса)</i>	88
<i>А.Л. Кунгуров, В.В. Горбунов. Ритуальные захоронения животных на грунтовом могильнике Обские Плесь-II.</i>	91
<i>Я.В. Фролов. История археологического изучения Волчихинского района Алтайского края</i>	96
Эпоха средневековья	99
<i>Н.А. Фомякова. К вопросу о связях Восточной Европы и Западной Сибири в раннем средневековье (по материалам бронзовой посуды)</i>	99
<i>К.В. Юматов. Этапы тюркизации Верхнего Приобья в конце I тыс. н.э.</i>	100

<i>Е. В. Григоров.</i> Тройники - распределители Южной Сибири VII-X вв.	103
<i>Г. В. Кубарев.</i> История изучения древнетюрских курганов Алтая	106
<i>В. В. Горбунов.</i> Реконструкция вооружения древнетюрских воинов Горного Алтая	109
<i>А. В. Караваев, Е. В. Смазнев.</i> О влиянии китайской культуры на тюрков Центральной Азии в эпоху Тан (к постановке вопроса)	116
<i>Н. М. Зиняков, Р. В. Мазур.</i> Металлообрабатывающее производство городов Южного Казахстана в XI-XII вв.	118
<i>Е. С. Габдыев.</i> "Кулун-Атахская" руническая надпись	121
<i>А. Д. Борисенко.</i> Изучение средневековых памятников Южной Сибири немецкими учеными XVIII-XIX вв.	123
Этнография	125
<i>Н. Н. Пивоварова.</i> Ткацкое производство у племен северных алтайцев в XVIII-первой половине XX вв.	125
<i>И. К. Черная.</i> Волосы в представлениях и обрядах обских угров	126
<i>А. Н. Луханин.</i> Языковые процессы у энцев	128
<i>Т. Г. Бакиева.</i> Магические обряды в традиционной свадьбе западносибирских татар	130
<i>Д. А. Жуков.</i> Миграционные процессы у восточных хантов в конце XVIII-XIX вв.	133
Содержание	135

**АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Сборник статей

**Редактор В. Соколов
Художник Н. Васильева
Технический редактор Д. Колдаков
Корректор Л. Зеленцова**

Сдано в набор 01.08.93.

Подписано к печати 10.02.94.

Формат 84x108/32. Бумага тип. 2.

Печать офсетная. Гарнитура машинописная

Усл. печ. л. 11,76. Уч. изд. л. 12,31.

Тираж 500 экз. Заказ 12-Д-1994.

Типография Изд-ва АГУ, Димитрова, 66